

**Алексей
РЕШЕТОВ**

**Собрание
сочинений**

Том 2

A. Pueros

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЁХ ТОМАХ

Составители:

Т.П.Катаева, А.П.Комлев

Редакционная коллегия:

А.А.Войтенко, Т.П.Катаева,
А.П.Комлев (*отв. редактор*), Ю.П.Марков,
А.Ф.Старовойтов, С.Г.Фатыхов,
Г.К.Щенников, Ю.В.Яценко

Екатеринбург
Банк культурной информации
2004

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ВТОРОЙ

Стихотворения
1988—2002

Поэмы

Из неопубликованных
стихов (1982—2002)

Екатеринбург
Банк культурной информации
2004

**Издание осуществлено
по инициативе Администрации города Березники**

**и при поддержке
Правительства Челябинской области,
Министерства культуры Свердловской области
и Тюменской областной научной библиотеки
им. Д. И. Менделеева**

Решетов А.Л.

Р 47 Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Стихотворения 1988—
2002 гг. Поэмы. Из неопубликованных стихов (1982—
2002) — Екатеринбург: Банк культурной информации,
2004. — 456 с.

ISBN 5-7851-0501-2

ISBN 5-7851-0503-9 (т.2)

© Т.П.Катаева, публикация,
составление, примечания, 2004.

© А.П.Комлев, составление,
редакция, 2004.

© Банк культурной информации,
оформление, 2004.

ISBN 5-7851-0501-2

ISBN 5-7851-0503-9 (т.2)

ЗВУК КАПЕЛИ

(Предисловие к сборнику стихотворений
Алексея Решетова «Не плачьте обо мне»)

Автор этого сборника стихов Алексей Решетов родился в Хабаровске, но всю жизнь проживает на Урале. Большую часть из шести десятков лет он жил и работал в городе Березники Пермской области, куда после ареста отца, в 1937 году была выслана его мать-арестантка.

В год ареста отца, известного на Дальнем Востоке журналиста, Алёше было четыре месяца, его брату чуть побольше. Приходили «воспитатели» и за малышами, но у порога с топором в руках их встретила бабушка. Забыли ль адрес Решетовых молодцы-воспитатели, отчитались ли за них другими несчастными детьми — одному Богу известно. Может, и топора испугались эти суровые дети железного наркома, они, как ныне выяснилось, были молодцы против овцы...

В Березниках Решетов вырос, окончил школу и техникум, сделался химиком, работал в шахте, добывал стране калийные соли и всякие прочие полезные ископаемые, даже и в начальники, в небольшие, вышел. Рано, сразу уверенно и ладно начал складывать стихи, но, в отличие от многих притких стихотворцев, по редакциям с ними не бегал, в нос старшим поэтам творения свои не совал.

Пермяки в ту пору жили активной творческой жизнью, искали, и не безуспешно, таланты в Прикамье, наткнулись и на Алексея. И сразу он сделался отмечен особой строкой, звучанием своим, сразу занял своё отдельное место в поэзии, к сожалению, местной. Надолго быть ему «певцом Прикамья», фигурой областного значения, хотя первый же его сборник «Нежность» приветствовал в Москве Борис Слуцкий. Да и другие видные поэты, нечаянно знакомясь с поэзией Решетова, говорили о нем добрые слова, читали в компаниях стихи, приводя в восторг слушателей.

Н-но, но есть судьба человеческая и есть судьба творческая — они вроде в чём-то неразделимы, однако ж эта цельность не всегда в пользу творца и его творений.

И ещё провинция. Много в ней, в родимой, прелестей, главная из них — помогает она избавляться от суеты и сохранять цельность характера, а в случае с Алексеем Решетовым — и самобытность натуры. Он по-прежнему пишет свои стихи, тихие, душевные, живет уединённо, творения никуда не посылает, их у него из рук, из стола вынимают друзья — почитатели, везут в Пермь, в Москву.

На Урале выходит его второй сборник «Белый лист». Прекрасный, зрелый сборник, но и после него он никуда не стронулся. Бабушка и мать, потерявшие не только отца их детей, но и старшего сына, боятся отпустить от себя, потерять ещё и младшего.

Да и осталась от старшего брата девочка, малое дитя, по заветам русской семьи, все заботы о сироте перешли на младшего брата. И к Березникам прикипел, полюбил их, по-своему воспел и на исходе лет наказывает:

Вот что сделать будет надо,
Надо мой смиренный прах
Возле матушки и брата
Схоронить в Березниках.

Надо заметить, что Березники в ту пору, не глядя на оглушительную химию, были самым зелёным городом Прикамья. Разумеется, делалось это, как повелось по Руси, стараниями подвижника по фамилии Миндовский. Помер он — и зелень пропадать начала, а сам полумиллионный город со всех сторон на большую глубину подкопанный, трясти стало. Следовало бы обратно в пустоты сгрести все вынутые породы, а то в тартарары город провалится, но денег нет на восстановление природы. Они, деньги, у нас в стране советов и силы всегда охотно и ударно тратились лишь на разрушение.

Лишь в 1982 году, получив пенсию «за вредность», — ведь почти тридцать лет в шахте оттрубил! — Алексей Решетов с семьей переберется в областную столицу — Пермь, получив, однако, сполна за свою честную и чистую поэтическую работу колотушек от людей, идейно воспитывающих трудовые массы. Просидевший всю жизнь в теплых конторах, в идейно выверенных редакциях, местный рецензент обрушивается на поэта с обвинениями за отрыв от жизни. Десять лет Решетов в загоне, его не печатают, в партийных кабинетах плюются, читая такое вот:

Пора замаливать стихи,
Стихи замаливать пора мне.

Что? «Это одна из самых драматических черт самосознания русской культуры». Кто так говорит? Почему так говорит? Есть классовое самосознание! Оно что, для советского поэта не обязательно?

Плывать хотел провинциальный березниковский поэт на все эти сотрясения воздуха. Интеллигентный, тонкого вкуса и ума человек, он как писал свою интимную лирику, напоминающую вешнюю иль преддождевую, музыкально звучащую капель, так и продолжает слагать её.

Стихи не почитали? Ну и пусть! Он взял и повесть о детстве написал под славным названием «Зёрнышки спелых яблок», и я её, как член редколлегии, в журнал «Уральский следопыт» предложил. После того, как повесть опубликовали в свердловском журнале, случился в Перми творческий прорыв, нас с Алексеем пригласили на местное телевидение, и мы с ним красовались на экране и представляли повесть аж целых двадцать минут.

Более меня на местную студию не приглашали — не тот кадр, идейно не выдержан, а вот Алексея не знаю, приглашали иль нет, ибо из шибко заидеенного города я скоро уехал, но издалека следил за судьбой и работой Решетова. Крепко стоял на ногах талантливейший поэт, прочно занимал свое поэтическое место, его простая, волшебством отдающая словесность, которую по-прежнему не очень любят и приветствуют направители морали, но обожают читатели-пермяки, имеющие вкус к слову, набирает поэтическую культуру, совершенствуются звук и слог, обогащается душа поэта.

«У него, у Решетова абсолютный поэтический слух. В нем дар равен уму. Углубленное, духовное выражение лица Пермь литературная приобрела с появлением А.Решетова», — это слова постоянной редакторши поэта, под доглядом которой в Перми, к 60-летию Решетова вышел самый его солидный сборник «Иная речь», оформленный под «Избранное».*

* Надежда Гашева.

Много в этом сборнике стихотворений о себе, о поэзии, об ощущении прожитых лет, их тяжести и прелести, и много-много нежно-неповторимого, по-решетовски проникновенно пропетого о женщине, о любви, что и являлось всегда первостепенным «продуктом» поэзии. А «ударных» стихов, с лихими запевками и зазвонистыми концовками в этой книжке не ищите.

Тот, кто вечной славы ищет,
Возомнив, что он пророк,
Не посмеет, не освищет
Наших выстраданных строк.

Закрываю сборник «Не плачьте обо мне», а в сердце моём звучит музыка капли и в каждой капле — зёрнышко солнца, семя небес, земная пылинка, крупинка сломанного луча от мерцающих звёзд. И трепещет, трепещет в груди ожидание уединённо-радостного звука падающей капли, этого, по-русски певучего, складного слова.

На душе сладостно и печально.

Виктор Астафьев
30 марта 1999

СТИХОТВОРЕНИЯ
1988—2002

x x x

Дале́ко, дале́ко, без шороха - звука
Стоит предо мною степь старуха.
И напоишь меня́ чего-то у погосток:
А вося ей веною не зашугает погосток.
И к ней без воли своей приближусь,
И перед ней не кинусь и не каюсь.
Она все маленек, она все мненьше,
А ч все нескладнее, все глупее.
Во мне мое зло, заблуждение, безречье -
Вот так и идем мы друг другу навстречу.
Но все в голове у меня помутнело,
Когда она в девогу вдруг превратилась
Когда мы друг в друга без кривды входим,
Не зная, не ведая, кем же мы были?
Своей какою она на меня надевает,
Но это уже худо, какик не бывает.

* * *

Побелели виски, потускнели глаза.
За сутулой спиною вся жизнь.
А давно ли мы с вами летали, друзья,
С гор на саночках — только держись!
Не вчера ли пестрели цветы у дорог,
Нынче снег заметает стерню.
Как нам скупо отмерили жизненный срок.
Как я радуюсь каждому дню!

1988

* * *

Десятки лет прошёл я вспять.
И вот увидел я опять
И дом со сломанным крыльцом,
И мать с заплаканным лицом.
Но не зашёл я в отчий дом,
Я лишь сказал:

— Вернусь потом.

Я обязательно вернусь,
Забудем боль, оставим грусть.
Я дни и ночи без конца
Ищу погибшего отца
На Колыме, и в Соловках,
И на земле, и в облаках.
Но Млечный Путь,

но Чуйский тракт

Не говорят, где отчий прах.
— Отец, отец! — кричу ему,
Но Вега прячется во тьму,
Но исчезает без следа
Во мгле Полярная звезда.
И вдруг из вечной мерзлоты
Чуть слышный шёпот:

— Это ты?

Зачем твой крик, зачем твой стон? —
Ты не для слабости рождён.
Прошло полвека, не полдня,
Пора отвыкнуть от меня.

1988

* * *

Бывают такие деревья,
Что днём неприступно мрачны;
Но сколько добра и доверья
У них с появлением луны!
А мы, всё святое разрушив,
Горим, догораем дотла
И прячем убогие души
В прекрасные наши тела.

1988

* * *

За долгий век (а он таким и был),
Я стольких предал, стольких погубил!
Я наступил ногой на муравья,
А у него огромная семья.
Я руки у черёмухи ломал
И боль не как свою воспринимал.
Не знаю, как в заоблачной стране,
А на земле пощады нету мне.

1988

* * *

У земли иного нету лика.
Возлюби её, о человек!
То в траве алеет земляника,
То на тех же горках белый снег.
Не кори её однообразие:
Бурелом, болота, ковыли.
Восприми и счастье и несчастье,
И своё, и Матери-земли.

1988

* * *

Уйду без страха и сомненья.
Не потому, что славно жил,
А потому, что я презренья
Своих друзей не заслужил.
Мои друзья — простые люди,
Деревья, травы и цветы.
Нас всех когда-нибудь не будет.
Но хорошо, что первый — ты.
Возможно, нам окажут милость.
Нас приголубят, нас простят.
Но с тех небес, куда стремились,
На землю уж не возвратят.

1988

* * *

Всё равно я тебя потеряю
Раньше времени, прежде себя,
Я ни с кем в «поддавки» не играю —
Уж такая судьба и стезя.
Не возвышу себя, не унижу,
Даже если увижу во сне —
Что на миг тебя к сердцу приближу:
Ты ущербно снисходишь ко мне.

1988

* * *

Ты вернёшься ко мне или нет?
Ведь не так уж велик белый свет.
Между небом и между землёй
Я затравленный, еле живой.
Надоело таскать мне гробы,
Покупать для усопших цветы.
Я согласен с любой судьбой,
Лишь бы быть неразлучным
с тобой.

1988

* * *

Не в барской столичной квартире,
Пожить бы в избушке годок,
Варить бы картошку в мундире —
Один на двоих чугунок.

Набрать бы грибов на соленья,
Сложить бы поленницу дров.
На газовой плитке мученье
Сжигание черновиков.

А где ты такие колени
Найдёшь и такие глаза?
У женщин безвестных селений
Их только увидеть и лъзя.

1988

* * *

Ты прекраснее всех, ты добра и нежна.
Но, увы, мне, увы — ты чужая жена.
И мгновенье мне тяжело в разлуке прожить.
Не стихи бы, а голову честно сложить.

1988

* * *

Мне казалось, что мы по святому велению
Повстречались в неведомой сфере иной,
Что мне вечно стоять пред тобой на коленях.
А была ты обычной, домашней, простой.
Ты вставала чуть свет и картошкой в мундире
Угощала меня и краюшкой ржаной.
И открылось мне вдруг,
 сколько прелести в мире,
Сколько радости в нём —
 неземной и земной.

1988

* * *

Я люблю тебя, а ты
Помнишь ли меня?
Или сделались мосты
Жертвою огня?
Напиши в последний раз —
Есть ли кто другой,
Чтоб меня от жизни спас
Дальний голос твой.

1988

* * *

Мне снится сон: отец приходит,
В снегу колымском с плеч до ног.
И говорит:
— Я — враг народа,
Хочу побыть с тобой, сынок.
— Отец, ужели повторится
На ком-нибудь судьба моя? —
И мать мне в дочери годится,
И ты годишься в сыновья.

1988

* * *

Зачем замёрз ручей?
За что завяли всходы?
И ты, и я — ничей,
Побочный сын природы.
О чём поёт петух,
О чём овечка блеет,
Напрягши весь свой слух,
Никто не понимает.
До солнца добрались,
Разглядываем пятна,
Но что такое жизнь,
Всё менее понятно.

1988

* * *

Вот и жизнь моя прошла,
Вот меня и не бывало,
Только серая зола
Там, где пламя бушевало.
Я не рвал чужой любви,
Я не крал чужого хлеба,
Только это не зачли
Духи пасмурного неба.
Не медвяною росой —
Неподвижною осокой
Я накрылся с головой
Раньше времени и срока.
Но покамест ждал ладью
Через сказочную Лету,
Жизнь печальную свою
Прокрутил, как киноленту.

Вот я маленький лежу,
Молока хочу напиться.
Губы трубочкой держу,
А у матери грудница.
Тут и рисовый отвар,
И соседа добрый палец.
Не совсем желанный дар
Этот наш грудной страдалец.

Если мальчик — быть войне,
Пусть идёт за правду биться.
Если девка — на стене
Пусть рыдает, как зигзица.
Чтобы ни было потом,
Кем бы мы ни вырастали, —
С материнским молоком
Мы историю впитали!

Эй, «сапожник»! Погоди,
Не гони мою картину.
Дай хоть раз ещё к груди
Я прижму свою дивчину.
Что ты с техникой творишь,
Что ты делаешь, обманщик?
Что на зрителей глядишь,
Как состарившийся банщик?
Проверни ещё кусок
С повалившейся палаткой.
Дай за розовый сосок
Ухватиться мёртвой хваткой.

Дальше можно не смотреть —
Дальше всё неинтересно:
Жизнь, её вторая треть,
Стала медленной и пресной.
Правда, я писал стихи.
И порою мне казалось,
Что при помощи строки
Всё бывшее возвращалось.
И шумел над головой

Лес, где я блуждал ребёнком,
И забытый голос твой
Окликал меня в потёмках.
Как ребёнок из песка
Строит домик деловито,
Я с улыбкой знатока
Строил мир из алфавита.
Только кто прижился в нём,
В мире, выдуманном мною?
Пёс с обрубленным хвостом,
Фея старая с сумою...

1988

* * *

Собрать бы последние силы,
Склониться над белым листом
И так написать о России,
Как пишут о самом святом.
Она тебе зла не попомнит.
Попросишь прощенья — простит.
Настанет твой час — похоронит,
Приидет пора — воскресит.

1988

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

Владимир Даль (Казак Луганский),
В отставку выйдя, пишет сказки.
И даже сам Виссарион
Белинский ими восхищён.
Но в Академии имперской
Его пословицам и песням
Свободный вход не разрешён,
Зане народу служит он.
Увы, вошло в слепую моду
Натурой называть природу
И двести тысяч слов родных
Менять на несколько ввозных
Слов супротивных, чужедальных.
О, как бы жили мы без Даля?
Кого бы Пушкин попросил
Поднять его, лишаясь сил?

1989

* * *

Родная речь, прямая речь...
Но есть ещё и речь иная.
Кому в сырую землю лечь,
Приходит время — ей внимают.

Зашелестит вокруг листва,
Или пчела прильнёт к могиле,
И ты услышишь те слова,
Которых мы не проходили.

1989

* * *

Когда я во Храме стою у порога
И колокол душу мою берedit,
Единственный Сын человека и Бога
Глядит на меня испытующе-строго,
А Дева Мария печально глядит.

1989

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Последние листья опали.
Природа печали полна.
Но в этой щемящей печали
Себя не хоронит она.
Какой-то цветок запоздалый
На тоненькой ножке больной
Раскрылся, довольствуясь малым,
И доли не просит иной.
На старых деревьях дуплистых,
Нахохлясь, сидят воробы.
Как будто опавшие листья
Вернулись на ветки свои.

2

Прошли мои лучшие годы,
На верную гибель спеша.
Но ты у осенней природы
Учись упованью, душа.
Смотри: никакого просвета
Среди громоздящихся туч.
И вдруг через скопище это
Живой пробивается луч.

Смотри: одинокая птаха
В преддверии зимних невзгод
Порхает, не ведая страха,
И даже тихонько поёт.
Не надо, душа-несмеяна,
Выплакивать очи и нам.
Осанна,
Осанна,
Осанна
И этим, и будущим дням.

1989

* * *

Я пил вино, как некий Бахус,
И жён чужих привык ласкать.
Не знал, что стыд подобен страху —
Не даст ни пить, ни есть, ни спать.

А как отрадно, смежив веки,
Хоть на мгновение всего
Себя увидеть человеком,
Достойным имени сего.

1989

* * *

Ни чёрных «марусь» у подъездов,
Ни ихних дружков «воронков».
Не ищут «убойного места»
На зёках винтовки стрелков.
Исчезли дозорные вышки,
Забор, окружавший страну.
И даже лихие мальчишки
Друг друга не держат в плену.
Живите себе беспечально,
Взирайте, как жизнь хороша.
Но, как соловецкая чайка,
По-прежнему плачет душа.

1989

* * *

Зачем свои плечи, зачем свои ножки
Ты вечно скрываешь в убогой рогожке?
Цари надо мной, золотая царица,
Иначе придётся мне с жизнью проститься.

1990

* * *

Тихая ночь на земле государит.
Лишь в ожерелье янтарном твоём
Тонко звенит первобытный комарик,
Не замолкая, пока мы вдвоём.

1990

* * *

Тошно мне, чуть ли с ума не схожу,
Что же всё реже к тебе прихожу?
Боязно маленькой, грешной душой
Соприкасаться с невинной, большой.

1990

* * *

*Согласование судьбы
со свободой человека
уму не доступно.*

Вл. Даль

Что человек? Ни зверь, ни птица
Не позавидует ему.
Ведь это значит согласиться
И на суму, и на тюрьму.
Что человек? Одни нарывы
На бренном теле с малых лет.
Зато душа, её порывы,
Её величественный свет.

1990

* * *

Судьба души моей сурова.
Без сожаленья, без стыда
Ей не давали молвить слово
Угрозой вечного, земного,
Отнюдь не Божьего суда.
— Смирись! — твердили ежечасно. —
Ты приживалка, ты раба!
Но всё впустую, всё напрасно...
Необъяснимая судьба.

1990

* * *

— Что ты плачешь, птица Сирин,
Точишь слёзы в три ручья?

— О тебе и о России

Дни и ночи плачу я.

О двадцатом нашем веке,

Високосном, полном гроз.

Может быть, Москва поверит

Наконец хоть капле слёз?

23 сентября 1990

* * *

Анатолию Гребневу

Дайте луковку и хлеба,
Дайте капельку вина.
Я полжизни дома не был,
А ведь жизнь у нас одна...
Что же, снежные вершины
Нам дороже и милей,
Чем отцовские седины,
Чем морщины матерей?
Что же, дальняя дорога,
Шум лесов и рокот рек
Нам понятнее намного,
Чем родительская речь?
Что же, даже на погосте,
Где родимые лежат,
Как непрошенные гости,
Мы торопимся назад?

1990

* * *

Опадают последние листья.
Облака чуть повыше земли.
Нынче ночью, когда я молился,
Пролетели на юг журавли.
Доживу ли до их возвращенья?
Скоро станет от снега бело.
Хорошо у огня на Крещение.
А могилу копать тяжело.

1990

* * *

Как я в детстве любил
Небеса и безумца Икара!
Как я вольно парил,
Прикорнув на диванчике старом!
Но все сроки прошли,
И лежу я в могильной оградке.
Притяженье земли
Повалило меня на лопатки.

1990

* * *

Всю ночь
 за коммунальной стеной
Ребёнок плакал,
 маленький, грудной.
Быть может, мамка-нянька
 подвела:
Без задних ног всю ночь
 сама спала.
А может, зубки резались.
 Когда
Глазные зубки режутся —
 беда.
А может быть, он плакал
 потому,
Что снилась жизнь
 грядущая ему...

1990

* * *

Я писал кровавыми слезами.
Я не тратил на стихи чернил.
Но во всех редакциях сказали,
Дескать, мол, я пасквиль сочинил.

Шла зима. Никак не наступали
Вешние спасительные дни.
И стихи куда-то запропали.
Бог их знает, где теперь они.

1990

* * *

В двадцатом беспощадном веке
Кто думал, разве только Бог,
О беззащитном человеке,
Но что один Он сделать мог?

1990

* * *

Умом Россию не понять...

Ф.Тютчев

Скажите, правители наши,
Пройдёт ли в России разлад?
Одни из нас сеют и пашут,
Другие на нарах сидят.
А третьи под дудочку пляшут
И пишут, о чём им велят.

1990

* * *

Тропки тоненькая нитка,
Старец с высохшим лицом.
Почерневшая калитка
С нержавеющей кольцом.
Снега белого холстина.
Свечка около окна...
Никакая Палестина
Мне в России не нужна!

1990

ДУША

Как будто под каменным грузом,
Сидел я над белым листом.
И тут появилась не Муза,
А мышка с облезлым хвостом.
Схвативши столетнюю корку,
Лежавшую возле стола,
Она унесла её в норку,
Где свора детишек ждала.
Но вдруг она вновь появилась
Уже совершенно иной:
Лицо её дивно светилось,
И крылья росли за спиной.
И вот что сказала норушка:
— Ты думал — я не хороша?
Сначала ты видел наружность,
Теперь пред тобою душа.
И ты не брани свою внешность.
И в зеркало ты не смотри.
Авось и за нею, за грешной,
Есть что-то святое внутри.

1990

* * *

Один лишь полуночный ветер
Стучится в окошко к нему.
Кому ещё нужен на свете
Старик одинокий? Кому?
Свеча из змеиного сала
Не светится, только шипит,
И, словно отравленным жалом,
Своим фитильком шевелит.
Как трудно порою бывает
Руки не поднять на себя,
Когда человек забывает,
Чей промысел наша судьба.

1991

* * *

На орудийном лафете
Или на дровнях в свой час
Все мы отправимся к Лете —
Нет исключенья для нас.
Но не печальтесь, родные,
Слёзы не лейте из глаз:
Все мы живем не впервые —
Вот вам мой истинный сказ.

1991

* * *

Когда остаётся немного
В запасе и лет, и минут,
Когда подступает дорога
К порогу, где таинства ждут,
Что можем себе мы представить?
Легко ли на старости лет
Друзей и любимых оставить?
Не знаю. Наверное — нет.
Не так велики прегрешенья
В сравнении с ношей невзгод.
И всё-таки смерть утешенья,
По-моему, не принесёт.

1991

* * *

Любимая, что ты наделала?
Зачем мне чужая судьба?
Зачем я в окошко зальделое
Взглянул и увидел тебя?
Зачем одинокому узнику
Суровых, насмешливых книг
Такая волшебная музыка
Шагов мимолетных твоих?
И эти озябшие рученьки,
И очи как звёзды во мгле.
Давно уж друзья мои лучшие
Меня ожидают в земле.
Зачем старику окаянному
Метаться, как пламя, в избе
И словно ребёнку желанному
Придумывать имя тебе?

1991

* * *

Опять чудит, ликует
На улице апрель.
Щелчки и поцелуи
Копирует капель.
Ворона-еретичка
И рясы не сняла,
А тёплое яичко
Первее всех снесла.
Ворону кормит ворон,
Он вроде и чернец,
Но и отважный воин,
И муж он, и отец.
А я вот, как ни странно,
Ни с кем гнезда не свил
И все свои желанья
В себе предумертвил.
Но вы мне повстречались,
И я себе сказал:
— Довольно жить в печали, —
И вас обლობызал!

9 марта 1991

* * *

Ушла, не пощадила.
А помнишь, ангел мой,
Как весело нам было
Из чаши пить одной?
Услышь мои моления,
Присутствуй хоть во сне,
Чтоб стало пробужденье
Страшнее смерти мне.

1991

* * *

Печаль души моей безмерна:
Старею, близких хороня.
Но мать — сыра земля бессмертна.
И это радует меня.

1991

* * *

Как все беды навалятся разом,
Об одном лишь молитву шепчу:
Не утратить бы совесть и разум,
А иначе и жить не хочу.

1991

* * *

Ах, золотые одуванчики —
В них столько света и тепла!
Мне никогда свирепой мачехой
Земля родная не была...

Гляжу на речку тёмно-серую,
На этот хмурый небосвод.
И кажется — природа сетует,
Что нас с тобой переживёт.

1991

* * *

Мы волки, мы серая масть.
Мы воем в глубоком овраге.
Повсюду советская власть
Развесила красные флаги.
Мы в горло вонзаем клыки
За тех, кого бешено любим.
Мы волки, но мы не волки
Позорные, как ваши люди.

1992

* * *

Опять гудёт и стонет
 в колодезях вода,
И ветер тучи гонит
 по небу, как стада.
Счастливые, кто летом
 дровишек запасёт:
Зима, по всем приметам,
 суровая идёт.
Подрежет крылья птицам,
 прикажет онеметь.
Лишь волки в поле чистом
 печально будут петь.
И на лесоповале
 трудяга с номерком
Согреется едва ли
 махорочным дымком.
И я, поэт из черни,
 вам верно говорю:
Молитесь в час вечерний
 и рано поутру.
И вешняя погода
 наступит наконец,
И светлая свобода
 для страждущих сердец.

1992

* * *

Я убит двойником в беспощадном бою.
Но воскрес и пред отчим порогом стою.
И сидит на крыльце седовласая мать.
И пытается встать, чтобы сына обнять.
И выходит двойник с полной кружкой вина:
— За маманю! Нас двое, а мама одна.

1992

* * *

Мне завтра рано надо было в путь.
Я лёг, но неизбывные печали
Мешали мне забыться и уснуть.
Да и во сне они не исчезали.
Мне снился наш забытый Богом край,
Как будто мама грядки поливает.
— Ты больше никогда не умирай, —
Я говорю. Она в ответ кивает.

1992

* * *

Случалось ли вам на опушке
Глухих беспробудных лесов
Внимать кукованью кукушки?
Печальнее нет голосов.
Напрасно их люди пытаются,
Как долго они проживут.
Кукушки не годы считают,
А брошенных деток зовут.

1992

* * *

Тяжко на Руси пенсионерам:
Президент не думает о нас.
Выпить бы по рюмочке мадеры!
Только нету денег и на квас.
Некому за бедных заступиться.
Ничего, седая борода,
Умирать не надо торопиться.
Умереть не поздно никогда.

1992

* * *

Якову Андрееву

Ничего предсказывать не надо.
Может, будет всё наоборот.
Может, вместо рая или ада
Нас с тобой неведомое ждёт.

1992

* * *

О, суровая зима,
Не своди меня с ума.
В чистом поле, без дорог
Я бреду на огонёк.
Может, я приду к нему,
Всё узнаю, всё пойму.
Может, свет в чужом окне
Негасимым станет мне.

1992

Куда кавалеры глядели?
Куда они смотрят сейчас?
Прекрасные старые девы
Живут в переулке у нас.
Хотя у самих ничего нет —
Коммерческий хлеб да вода,
Они вам последний червонец
С улыбкой дадут навсегда.
Весь день они что-то стирают
И что-то старательно шьют.
А ночью на звёзды взирают
И тихие песни поют.
В своих поколенных сорочках
Сидят у окна перед сном,
И нет у них мыслей порочных
При всём беспорядке земном.
Какой в них запас обаянья!
Какой в них неведомый клад!
В Чернобыле или Афгане
Их верные рыцари спят?
И где тот великий мыслитель
И тот настоящий поэт,
Кто может их сделать счастливей?
Таких, к сожалению, нет!

1992

* * *

Не дари мне в день ангела
книжки
Или сладости. Я их не ем,
Ваши коржики,
ваши коврижки.
Подари мне себя насовсем.
Я судьбой своей не избалован
И за высшую милость почту
Твоё тихое тёплое слово,
Твою близость, твою наготу.

1992

* * *

Дерево возле пивного ларька,
Ты мне любимой моей показалось.
Я любовался тобою, пока
Пивом канистра моя наполнялась.

Той же причёски осенняя медь.
Те же движенья и та же осанка.
Множество милых совпавших примет.
Даже недавно зажившая ранка.

Дерево возле пивного ларька,
Я не решился к тебе прикоснуться
Слабой, дрожащей рукой старика,
Только глядел и боялся очнуться.

1992

* * *

Три ветки осенней рябины
Стоят у меня на окне.
Их женщина мне подарила,
Чужая, но милая мне.
Их листья уже дотлевают,
Уже не красны, а черны,
Но душу мою согревают —
Такие им чары даны.

1992

* * *

Первый снег, первый снег на дворе!
И следы птичьих лапок повсюду
Веселят, обращают нас к чуду,
Как когда-то слова в букваре.

1992

* * *

Душа — и субстанция вроде,
Но можно и так понимать:
Для нашей безудержной плоти
Она — терпеливая мать.

1992

* * *

Доживаю последние годы.
Может, даже последние дни.
Подступают летейские воды,
Но меня не пугают они.

Как положено жил я на свете,
Не кривил православной душой.
Я не знаю, как там меня встретят,
Но проводят меня хорошо.

1992

* * *

Власть настоящая — Всевышняя,
Вся остальная — никудышная.

1992

* * *

Мы с тобой — огонь и лёд.
Лёд в огне растает.
Но вода огонь зальёт —
Вот что с нами станет.

1992

* * *

Я прежде не думал, однако,
Что буду вот так доживать,
Что только слепая дворняга
Захочет меня узнавать.

Посмотрит невидящим оком,
Лизнёт мою руку, и я,
Забытый и вами, и Богом,
Живу, словно рядом друзья.

1993

* * *

Куда, куда ты, время быстрое,
Спешишь без отдыха и сна?
Давно ли деревце душистое
Цвело и пело у окна?
И вот уже от стужи корчится,
С пустым гнездом в руках больных.
И на него смотреть не хочется,
Как на себя со стороны.

1993

ГОЛУБЫЕ ЦВЕТЫ

Недалёко от пермской тюрьги,
Где, надеюсь, не сиживал ты,
В прикладбищенском тихом овраге
Расцвели голубые цветы.
И сжимается сердце в обиде:
Я один этим венчикам рад.
Ни острожники их не увидят,
Ни усопшие их не узрят.
Для чего же старалась природа
Создавать образцы красоты,
Если жизнь, и любовь, и свобода —
Лишь синонимы жалкой тщеты?
Для чего же весь мир этот создан,
Где цветы так чисты и нежны,
Но для тех не доступны, как звёзды,
А для этих уже не нужны.

1993

Зоя

(Лагерная песня)

Послушайте, люди,
Сейчас я спою
Печальную песню
Про долю свою.

Я не был разбойник,
Я не был злодей,
Родился в деревне
У честных людей.

Учился я в школе,
Вступил в комсомол,
На «Амо» на воле
Летал, как орёл.

Однажды поехал
Я в город Казань
И девушку встретил —
Как звёзды глаза.

Сказал я ей: — Зоя,
Мой светлый кумир,
Давайте построим
Мы наш новый мир.

Она отвечала,
Прижавшись ко мне:
— Я тоже мечтала
Быть нужной стране.

А гнусный доносчик
Шепнул операм,
Что я, заговорщик,
Вербую мадам.

И нас осудили,
Как лютых врагов.
И нас разлучили
На веки веков.

Что было со мною —
Похоже на бред.
А где моя Зоя?
Её уже нет!

Подруга, зазноба,
Сестра во Христе
Без платья и гроба
Лежит в мерзлоте.

Лежит моя милка
В колымской тайге
С фанерною биркой
На левой ноге.

Она не хотела
Работать за страх.
Не женское дело
Сидеть в лагерях.

Живём, постоянно вздыхая:
Вселенная нам — каземат.
За нами, как два вертухая,
Пространство и время следят.

1993

* * *

Звенят снегири на опушке.
Завязли в сугробах дома.
Замёрзла водица в кадушке.
Забава. Забота. Зима.

1993

* * *

Раздвигается валежник,
И, размером с ноготок,
Появляется подснежник,
Первый истинный цветок.

Расцветёт потом и роза,
И гвоздика, и репей.
Но всё это будет проза,
А поэзия — теперь.

1993

* * *

У нас не людские замашки:
Мы рвём или топчем ромашки.
А солнышки их всё сияют
И нас добротой удивляют.

1993

* * *

Герману Иванову

Зачем, поэт, словарь толковый
Такой большой тебе иметь?
Нужны всего четыре слова:
Земля и небо, жизнь и смерть.

1993

СЛОВО

Боже, до чего мне надоели
Комнатные, книжные слова!
Неужели лишь для этой цели
Создана людская голова?

Прочь из дома — к лодкам у причала.
В бездну, в ночь, к раскатам громовым.
Огненная клинопись!.. Сначала
Слово было именно таким.

1993

* * *

Опять я взялся за порядок,
Опять я жгу свои стишки,
И дым отечества мне сладок,
И краше ягод угольки.

1993

ГЁТЕ

Мне снится, что в каменном гроте
Я скрылся и к щёлке приник.
И ходит по берегу Гёте,
Прекрасный, как боги, старик.

Он воздухом вечности дышит
И тростью, зажатой в руке,
Легенду о Фаусте пишет
На небе, на млечном песке.

Он ходит, бессмертный и старый,
Один на вселенском ветру.
И нет ему ровни и пары:
Я скоро проснусь — и умру.

1993

* * *

Побывал на своём пепелище.
Никого, ничего уже там.
Только ветер по комнатам рыщет,
Да висят пауки по углам.
Только сорные травы упрямо
Поднялись на могилке родной.
И прошу я, как маленький:
— Мама!
Приходи поскорее за мной.

1993

* * *

Вертикальная звёздная даль
Мою душу зовёт всё сильнее,
Но чего-то земного ей жаль,
Высота не всевластна над нею.
Как забыть ей, что было вчера,
В неизвестность
 полёт свой направить,
А на грешной земле и пера
Из крыла своего
 не оставить...

1993

КЛИКУНЫ

Вешним утром, в начале рассвета,
Звуки трубные с неба слышны.
Это лебеди, лебеди это,
Соловецких кровей кликуны.
Друг за другом, за ангелом ангел,
Чуть заметны среди облаков
Пролетают за наши бараки,
За угрюмые вышки стрелков.
Здесь хорошие люди сидели,
Умирали за совесть и честь.
Нынче эти места опустели.
Как надолго, не знаю. Бог весть...
Чу! Опять голоса неземные!
А давно ли твоих кликунов
Заглушали собаки цепные,
Лязг затворов и мат паханов?
Птицы — тоже живые мишени,
Что и люди, законы одни.
Но сейчас в поднебесье весеннем
Без потерь пролетают они.

1994

* * *

Отрадная ранняя осень.
На утренних лужах ледок.
Но всё ещё пчёлы и осы
Собирают цветочный медок.
Деревья — одни пожелтели,
Другие — ещё зелены.
И птицы — одни улетели,
Другие — отчизне верны.

1994

Скажите мне, добрые люди,
А греет ли солнышко вас?
Цветут ли ромашка и лютик,
По-прежнему радуя глаз?

Цела ли природа родная
И после конца моего?
Я умер и больше не знаю
О жизни живой ничего.

1995

* * *

Редко бываем мы вместе —
Так суждено нам судьбой.
Как недопетые песни,
Наши свиданья с тобой.

Нет у нас общего дома,
Вёрсты меж нами лежат.
Нет у нас доброго гнома,
Нет подходящих денег.

Как обойти все запреты,
Чтобы с тобой говорить,
Чтоб от моей сигареты
Ты бы могла прикурить.

1995

* * *

Не могу без тебя ни мгновенья.
Не сносить мне седой головы.
Без тебя, как загробное пенье,
Звон капли и шелест травы.

Если ты наконец не приедешь,
Не услышишь глухую мольбу —
Ты пред Господом Богом ответишь
За разбитую нашу судьбу...

1995

* * *

Ты замочек, я ключик.
Ты берлога, я зверь.
Никого нету лучше
В этом мире, поверь.
Ты — подобие гимна.
Ты — живая вода.
Я тебя не постигну
Ни за что, никогда.

1995

ЭПИТАФИЯ

Моё тело съели черви,
И душа в руках чертей.
Но не плачьте, но поверьте —
Моё сердце и по смерти
Так горит, как туз червей.

1995

* * *

О чём-то плачет, причитает
Февраль за треснувшим стеклом.
И снег в сенях лежит, не тает,
Но мы полны живым теплом.
Метёт метель на белом свете,
Ни зги не видно на вершок.
Но мы не думаем о лете,
Нам и зимою хорошо.

1996

* * *

Не будь в природе яблоч наливных,
Мы всё равно бы: впали в грех счастливый.
Предназначение мужа и жены
Открыли бы нам груши или сливы.

1996

РУСАЛКА

Наверно, заводами свалка
Устроена в Каме на дне.
Иначе с чего бы русалка
Вползла на крылечко ко мне?

— Скорей отнеси меня в ванну.
Нет-нет, мне нельзя на кровать!
Спаси, и я больше не стану
К тебе никогда приставать.
И я опустил её в воду,
И тут её всю разглядел,
И проклял былую свободу
И свой одинокий удел.

Всё женское! — нежные руки,
И груди, и низ живота,
А дальше, как кольца кольчуги —
Златые чешуйки хвоста.

Таких распрекрасных паненок
Себе и представить нельзя.
Обидно, что нету коленок,
Зато, как двойные, глаза.

И с ней, Афродитою Камской,
Связал я судьбину свою.
Читаю ей русские сказки
И русские песни пою.

Мне так хорошо с нею рядом —
Волшебная жизнь началась!
Не верите? Ну и не надо.
Какое нам дело до вас?

3 февраля 1996

* * *

Хорошо бы детишки
До пятнадцати лет
Не прочли наши книжки,
Наш лирический бред.

Пусть балдеют от жвачки,
Запивая ситром, —
Не от ветреной прачки
С лошадиным бедром.

12 февраля 1996

ЖИЗУХА

— С чем рифмуется жизуха?
— Рифма есть, — сказал мудрец.
Показуха, невезуха,
Арестантская кирзуха
И шизуха, наконец.

1996

ДИАЛОГ С РОДНОЙ МАТУШКОЙ

Двенадцать ночи на часах.
Входная дверь стучит.
И голос матушки впотьмах
Взволнованно звучит:

— В могиле тихо и темно,
А мне покоя нет.
Сынок, зачем ты пьёшь вино?
Оно приносит вред.

Живёшь, седая голова, —
Ни деток, ни жены.
Одни нетрезвые слова.
Кому они нужны?

Не так уж долгон путь земной,
Чтоб как попало жить
И горькой стопкою хмельной
Тоску свою глушить.

— Нет, мама, я не так уж плох,
Как кажется на вид.
Я верю, есть на свете Бог,
И Он нас всех простит.

1996

ПЕСНЯ ВОДИТЕЛЯ «ВОРОНКА»

Я водитель «воронка»,
Я вас лучше ямщика
По столице прокачу,
Хоть на чай не получу.

Я, водитель «воронка»,
Начинал ещё в чека.
Мне Ежов — нарком внудел —
Даже орден дать хотел.

Я, водитель «воронка»,
Всё ещё служу пока.
Весь уже в крови людской,
А не тянет на покой!

Я, водитель «воронка»,
Наподобие хорька:
Где я был, мой вонький след
Остаётся сотни лет.

1996

ПИСТОЛЕТ «ЧЧ»

Сегодня ночью, сидя при свече,
Я изобрёл свой пистолет «ЧЧ».
В честь Чичикова я его назвал.
Он души убивает наповал.
Взвели курок, нажали не спеша —
И перед вами мёртвая душа.
А ты, поэт, пиши себе, пиши
Легенды о бессмертии души.

1996

* * *

Не хочу обидеть облака,
И деревья, и пушинки снега.
Всё же я не видывал пока
Ничего прекрасней человека.

1996

* * *

Я поэт, я не гнусный обманщик,
Никогда не солгу, хоть убей:
Мой любимый цветок — одуванчик,
Мой любимый певец — воробей.

1996

* * *

Скоро третье апреля,
День рождения мой.
До чего постарели
Люди вместе со мной.

Как пергаменты лица,
Как страницы из книг,
По которым молиться
Не придёт ученик.

Сколько гроз пролетело,
Наши кельи круша!
Всё прозрачнее тело,
Всё заметней душа.

1996

ЗАПОВЕДЬ

Паша, Юра, Костя, Вова,
Надя, Ира, все друзья,
Это письменное слово —
Воля, заповедь моя.

Вот что сделать будет надо.
Надо мой смиренный прах
Возле матушки и брата
Схоронить в Березниках.

Это хлопотно, конечно.
Но ведь там мой край родной.
Там простой восьмиконечный
Крест поставьте надо мной.

И сидите, поминайте
Друга милого вином.
И стихи свои читайте,
Как читали их при нём.

Тот, кто вечной славы ищет,
Возомнив, что он пророк,
Не посмеет, не освищет
Наших выстраданных строк.

1996

РОССИЯ

И.А.Неверову

Я слышу растерянный лепет,
Что, дескать, Россия больна
И, как умирающий лебедь,
Не сможет подняться она.

Близка, неизбежна кончина,
Вот-вот свою песнь допоёт,
Вот-вот догорит, как лучина,
И мы потеряем её.

Не верю природе крысиной,
Сбегающей прочь с корабля.
Я верю: бессмертна Россия,
И небо её, и земля.

Россия — не лебедь унылый.
Россия — преславный орёл,
Который великие силы
Не раз в испытаньях обрёл.

И те, кто действительно любит
Её и во время невзгод,
Те истинно русские люди
С надеждою смотрят вперёд!

1996

**Здравствуй, здравствуй,
 день осенний,
Чистый, ягодный, грибной!
Мы лежим на свежем сене
С богоданною женой.
Тишине вокруг внимаю
И, как с дерева листву,
С милой кофточку снимаю,
Приближаясь к естеству.**

116

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Кто из нас о таком не мечтает,
Когда пьёт в одиночку вино:
Вот сидит она, что-то читает
Или вяжет... Не всё ли равно?
Тень заботы на личике смуглом.
Свет нездешних небес из-под век.
И в тугом животе полукруглом
Безымянный ещё человек.

1996

* * *

Только чёрные шпалы да рельсы
Между нами на тысячи вёрст.
Как герои шекспировской пьесы,
Мы с тобою не выживем врозь.
Как боюсь я такой параллели!
Ведь для тех, кто безумно любил,
Не стелили другие постели,
Кроме вырытых наспех могил.
О, моя дорогая подруга,
Отдохнём от мучительных драм.
И читать будем только друг друга —
По глазам, по устам, по сердцам.

1996

* * *

Птицы не плачут уже, как зимой, а смеются.
Вольные льдины бегут по весенней реке.
Скоро с любимой мы сможем раздеться, разуться
И отпечатать себя на прибрежном песке.

1996

* * *

Едет собака в трамвае куда-то,
На контролёров глядит виновато.
Где же ей денежек взять на билет?
Может, хозяев давно уже нет?
Имя своё позабыла она,
Чёрную шерсть замела седина.
Ест иногда, что Господь подаёт.
Мечется, ищет, надеется, ждёт.

1996

ГРАЖДАНКА N

— Тебе слабо писать, как Пушкин, —
Сказала мне гражданка N.
— Слабо, — ответил я подружке, —
Но ведь и ты — не Анна Керн.
Не мимолетное виденье,
Не гений чистой красоты.
Ты заблужденье, наважденье,
Змея с ушами — вот кто ты!
— Ах, так, — обиделась подружка,
Я покажу тебе змею! —
И вот уже летит подушка
В седую голову мою.
— Не надо! Ни стихов, ни прозы
Не буду я слагать вовек. —
И я целовываю слёзы
С ея ланит, с дрожащих век.

1996

* * *

Взял я старую холстину,
Кое-как загрунтовал.
И печальную картину
Для себя нарисовал.
Стол в избе накрыт к обеду,
Щи и каша хороши,
Даже штоф стоит. Но нету
Ни одной живой души.
Ни седого ветерана,
Ни золовки молодой,
Ни клопа, ни таракана.
Только этот стол с едой.
Все ушли, исчезли где-то.
Лишь в восточном уголке
С деревянного портрета
Бог глядит в немой тоске.

1996

* * *

Лежит солдат на поле боя,
Пробита пулей голова.
И никого... Лишь вьюга воет,
Как ошалевшая вдова.

1996

* * *

Пожалуй, эта красота
Мир грешный не спасёт.
Но до последнего листа
Всё в жертву принесёт.
И нищий тополь, без одежд,
Бредёт в сырую тьму.
И череда пустых надежд
Сопутствует ему.

1996

* * *

Ты даришь мне больше, чем счастье,
Улыбкой, разлётом бровей.
Ты смерть мою близкую застишь
Точёной фигуркой своей.

1996

* * *

Пора бы смиренно и чинно
Последнюю треть доживать,
А я от улыбки дивчины
Могу целый день ликовать.
И в чаще старинного парка
Пьянеть от невзрачных цветов.
Помилуй, прости меня, Парка,
Я к смерти ещё не готов.

1996

* * *

Ночь. Бессонница. Обида
На себя, на белый свет.
Невесёлая планида,
Если рядом близких нет.
Даже слесарь с четвертинкой
Не появится теперь.
Даже муза нос с горбинкой
Не просовывает в дверь.
Правда, есть любимой фото.
Отыщу и загляжусь.
И до самого восхода
Превосходно продержусь.

1996

* * *

Соловей заливается, свищет,
Розу алую страстно любя.
— Тише ты! Соловьяху услышит,
И побьёт, и прогонит тебя!

1996

* * *

На глазах у меня умирала.
Уходила на вечный покой.
Край у простыни перебирала
Непослушной прозрачной рукой.
Вот и всё, что осталась от милой,
Только тело, подобное льду.
И стою я над свежей могилой,
Своего подселения жду.

23 октября 1996

* * *

О, как сурова жизнь и коротка!
Но коротка во благо, в утешенье:
Иначе бы не годы, а века
Тянулись наши беды и лишения.

1996

* * *

Памяти Н.Ф.Домовитова

Мы бомжи от поэзии, мы шваль,
Мы нищие с протянутой рукою.
Мы клоуны. Но Господу нас жаль.
И он дарит нас вечною строкою.

1996

* * *

Художник может и не рисовать,
Не прикасаться кисточкой к палитре,
Сидеть себе, и водку попивать,
И утверждать, что истина в пол-литре.
Но он художник. Стало быть, должник
Не наш с тобой. Не мэра Иванова.
Но Господа. Он Божий ученик.
Он Божья длань
в известном смысле слова.

1996

* * *

Всю жизнь мы шли
по замкнутому кругу,
Дыша в затылок стриженный друг другу,
И тяжкий крест безропотно несли.
И слушали полуночную вьюгу,
Единственную верную подругу,
Владычицу и неба, и земли.

1996

РАЗРЫВ

Перестань со мной лукавить,
Слёзы лживые точить.
Ничего уж не исправить,
Ничего не возвратить.
Лучше уж пеньковый галстук
Затянуть узлом тугим
И уйти в иное царство,
Чем делить тебя с другим.

1996

* * *

Недавно мне голос был вещий:
— Запомни, беспечный старик,
Всё бrenно, и люди, и вещи.
И ты к ним напрасно привык.
Всё это уйдёт в одночасье,
Спасенье не в блуде и лжи —
Оно в присносущем запасе
Бессмертной и чистой души.

1996

СТРАХ

Ах, фронтовые небылицы,
Бред разбитных моих коллег,
Что, дескать, смерти не боится
Наш настоящий человек.
Да, лютый страх он превозможет,
Да, от врага не побежит.
И нам с тобой казаться может,
Что жизнью он не дорожит.
Но он-то знает — станет прахом.
Но он-то знает — обречён.
И поднимается над страхом.
И в этом подвиг заключён.

1996

НЫРОБЛАГ

...И ногу ножкой называть...

А.Ахматова

Пустой барак, пустая зона.
Ни слёз, ни горя, ни костей.
Глядишь — и вроде нет резона
Корить за прошлое властей.
И кто мешал поэтам нервным
Их пайку чёрствую жевать.
И ногу с биркою фанерной
Шутливо ножкой называть?..

1996

* * *

Товарищ писатель, скажите,
Зачем «за бугор» вы спешите?
Ведь вы же ещё не можете
Писать, как Петрарка и Гёте.

24 декабря 1996

«МИСС РОССИЯ»

Здесь травы пышные косили.
Водили шумный хоровод.
А нынче пусто: «Мисс Россия»
Теперь на Западе живёт.
Не пробежит за мышкой кошка.
Пчела цветок не посетит.
Лишь у разбитого окошка
Берёза-бабушка грустит.

1996

* * *

Виктору Астафьеву

Не плачьте обо мне:
я был счастливый малый.
Я тридцать лет копал подземную руду.
Обвалами друзей моих поубивало,
А я ещё живу, ещё чего-то жду.
Не плачьте обо мне.

Меня любили девы.
Являлись по ночам, чаруя и пьяня
Не за мои рубли, не за мои напевы.
И не одна из них не предала меня.
Не плачьте обо мне.

Я сын «врагов народа»,
В тридцать седьмом году
поставленных к стене.
В стране, где столько лет
отсутствует Свобода,
Я всё ещё живу. Не плачьте обо мне.

1997

* * *

Ночь темнее копирки
или чёрного дня.
Не светлее коптилки
и душа у меня.
Завтра солнышко встанет,
как вставало вчера,
Только вдруг не дотянет
фитилёк до утра.

1997

МАЙОЛЬ

Я вам скажу: такие бабы,
Каких француз Майоль ваял,
У нас работали на БАМе,
Грузили камень и металл.

Сними с них штопанные шали,
Сними с них ватные порты,
И перед миром бы предстали
Богини вечной красоты!

1997

* * *

Люди, помыслы их и дела —
Это наши с тобой зеркала.
Незавидная наша судьба,
Если в них мы не видим себя.

1997

* * *

Вновь с небес, из Божьих век,
Пал на землю первый снег.
Как живое существо,
Я боюсь топтать его.

1997

* * *

Вчера ты меня полюбила.
Вчера ты осталась со мной.
Какая небесная сила
Свела нас в юдоли земной?

Какой беззащитной и нежной
Была ты всю ночь напролёт.
И вот королевою снежной
Глядишь — и в глазах твоих лёд.

И я трепещу, как преступник,
Неловко укравший кусок.
И кажется всё недоступней
Мне твой голубой поясок.

1997

* * *

Тамаре

Как мне легко, когда ты возле,
Как тяжело, когда не здесь.
Так может разве только воздух
Нам никогда не надоесть.

Сравню ли с точкой золотою,
С голубкой белою, как снег,
Совсем нисколько вас не стою
Я — камень, ворон, человек.

1997

* * *

Не ровен час: ты вдруг устанешь
От всех моих гримас и фраз
И вслед за этим перестанешь
Жалеть и ждать... Не ровен час.

Нет, ты ничуть не изменилась,
Ты от меня не отреклась.
И солнце наше не затмилось.
Откуда оторопь взялась?

Вот я лежу, закрывши очи,
Хочу уснуть, но чей-то глас
Во мне, в душе моей пророчит:
— Не ровен час... Не ровен час!

1997

МУЗЫКА

Вот и музыка замолкла.
Музыканты разошлись.
Отчего ж она так долго
Продолжается, как жизнь?

Мы с тобой живём прескверно —
И не веря и греша.
Только музыка бессмертна,
Как прощённая душа.

1997

* * *

Жду тебя, а ты нейдёшь,
Зря гляжу в окошко.
Там идёт то снег, то дождь,
То пуста дорожка.
Там идёт то дождь, то снег,
То чужие люди.
Видно, кончится мой век,
А тебя не будет.

1997

* * *

Замечали: летним днём
Красный мак горит огнём.
Но рассеять ночи мрак
Он не может, красный мак.

1997

* * *

Зачем всю ночь я не гашу огня?
Зачем я до сих пор не умираю
И лжестихами белый лист мараю?
Любить и помнить не за что меня.

1997

* * *

Из-под земли тебя достану.
Среди небес тебя найду.
Как тень твоя к тебе пристану.
С ума сведу. И сам сойду.

1997

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спит подсолнух в огороде.
Спят деревья. Спит река.
И сознание в народе
Тоже вроде спит пока.
Спит жена моя Тамара —
Белым личиком к стене.
Ночью полземного шара
Забывается во сне.
Лишь печальные поэты
Да ночные сторожа
Смотрят в небо, где планеты
Блещут, медленно кружа.
«Мчатся тучи, выются тучи» —
Очень жалко, что не я
Сочинил сей стих певучий,
Как кастальская струя.
Только зря один приятель
Слух пускает обо мне:
Дескать, я от водки спятил —
Я ещё в своём уме.
Знаю, знаю, скоро утро
К нам придёт, как верный друг.
И народ светло и мудро
Поглядит на всё вокруг.

1997

* * *

Если бы читатели сказали:
— Музу нам свою изобрази, —
Я бы вспомнил девку на вокзале,
Спящую, ботиночки в грязи.

1997

* * *

Ю.Маркову

Когда в тупик упрётся даль
И белый свет сойдётся клином,
Помилуй, Господи, прости нам
Земную радость и печаль.

1997

ИЗ ДЕТСТВА

Я в птиц не стрелял из рогаток,
И кошек любил, и собак.
За это другие ребята
Меня называли «слабак».

Я прыгал с того же сарая,
Курил тот же самый табак,
Но, дружно меня презирая,
Они повторяли: «Слабак!»

Лишь девочка в штапельной форме,
С нектаром на тёплых губах,
Ни разу — уж я это помню! —
Не молвила слова «слабак».

И стало мне вдруг безразлично,
Что сильные мира сего
Меня оскорбляют публично,
Не приняли за своего.

1997

* * *

Умерла собачка Джуля.
Тихо, мирно умерла.
И печалится бабуля,
Что её не сберегла.
Пятерых детей взрастила.
На себе держала дом.
И за Джулькою ходила,
Как за собственным дитём.
А теперь вот баба Фая,
Столько сделавши добра,
Плачет, не переставая,
Как осенняя пора.

1997

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЛАСТИЛИНА

Я человек из пластилина.
Увы, мне твёрдость не дана,
Но я плевал на властелина
Из камня или чугуна.
Вот Буратино, вот Мальвина,
Мои хорошие друзья.
А у него, у властелина,
Лишь стая крыс и воронья.
Да, жизнь людская не малина,
Из-за такого палача.
И, человек из пластилина,
Я скорбно таю, как свеча.
Судьба ковровые дорожки,
Конечно, не стелила мне,
Но я не вымазал сапожки
Ни в лужах крови, ни в дерьме.

1997

* * *

Если жизнь имеет продолжение,
Где-то там, за Летою-рекой,
Снова погружусь в стихосложение,
Сгорблюсь, как бывало, над строкой.

Вспомню все подробности, детали,
Добрые порывы и дела,
Чтоб мои читатели сказали:
— Как прекрасна наша жизнь была!

1998

* * *

Не надо полагаться на себя.
Пойди к друзьям и попроси совета.
У всех у нас тяжёлая судьба,
Но можно жить: «зима — ещё не лето».
Но вдруг какой-то слабый светлячок,
Какая-то волшебная искринка
Осветят нам и запад, и восток,
И зазвучат то Мусоргский, то Глинка.
И ничего не надо выбирать,
И ни о чём не сетуй ежечасно.
Жить на земле тебе иль умирать —
Всё это одинаково прекрасно.

1998

* * *

Всё меньше друзей остаётся.
Всё больше уходит во тьму.
А сердце по-прежнему бьётся,
Как будто не больно ему.
Как будто мне сладко живётся
На свете, почти одному.

1998

* * *

Иду по кромке ада,
Дыша ужасным чадом.
Иду по краю рая,
Дыханье роз вбирая.
В раю мужчин и женщин
Знакомых много меньше.
В аду их много больше —
Отправь туда мя, Боже.

22 февраля 1998

ПРОЩАНИЕ С ВЕКОМ

Прощай, двадцатый, високосный
И нас, детей своих, прости.
Ещё, мне кажется, не поздно
Другому времени прийти.

1998

* * *

Леса таинственны и строги,
Ночная непогодь блажит.
И тропка малая к дороге,
Как дочка к матери бежит.

1998

* * *

Мы собирали чернику в бидоны
И в ложбинке с травой-муравой
Вдруг наткнулись на пару бездомных,
Отыскавших уют даровой.
Им, нагим, комары не мешали,
Их ничьи не смущали шаги.
И сливались они, и дышали,
Как уставшие в схватке враги.
И пока мы, столпы соляные,
Даже шагу ступить не могли,
Эти грешные люди земные
Всех античных божеств превзошли.
И сверкала пустая бутылка,
И шумела на соснах хвоя:
— Это, милые, вам не Бутырка.
Наслаждайтесь свободой, друзья!

1998

* * *

Избавилась Россия от тиранов.
Надолго ли? По крайней мере, рано
Нам за свободу тосты поднимать
И оборотням преданно внимать.

1998

* * *

Человек повесился на кухне
С просьбой никого не обвинять.
И у всех глаза от слёз опухли,
Когда стали друга поминать.

А потом утихли все волненья,
Позабылись добрые слова,
И — тысячелетнее забвенье,
И — сухая, жёсткая трава.

1998

* * *

Не осуждай того,
Что кажется доступно,
Поелику в него
Секрет включён подспудно.

Блюди своё число,
Хотя в молодые годы
Довольно тяжело
У моря ждать погоды.

Но если вдруг, как зверь,
Душа твоя рванётся,
То собственная смерть
Стыдливо отвернётся.

1998

* * *

Молодость вторая или старость?
Что со мной, никак не разберу.
Каждый день, как дорогой подарок,
Нынче принимаю поутру.

Радуюсь и солнечному свету,
И дымкам над крышами села.
Лишь бы только в оболочку эту
Чья-то смерть не спрятана была.

1998

* * *

Я вспомнил шишкинские сосны,
И Чердынь, и лесоповал.
Да, человек на то и создан,
Чтоб век свободы не видал.

Мы там с тобой трудились оба
На совесть, наперегонки,
Но не заслуживали гроба —
Ни щепки, ни гнилой доски.

Нас как попало хоронили.
Но хорошо уже и то,
Что мы забот не причинили,
Что к нам не явится никто.

1998

* * *

Ужели в нашей жизни краткой
Во тьме, под снегом и дождём
Любовь, добытая украдкой,
Должна дрожать пред Судным днём?

Ужели, если сердце бьётся
Чуть громче в жизни, чем в гробу,
Господь тебе не улыбнётся,
Ухудшит прежнюю судьбу?

1998

ЖИВОПИСЬ

1

Красная комната, красный квадрат.
На Богородице красный наряд.
Красного в речке купают коня.
Красные маки глядят на меня.

Красную краску я очень люблю.
Даже Всевышнего часто молю:
Только бы серый не съел её цвет —
Красную Шапочку — волк-людоед.

2

Над садами над зелёными,
Крепко за руки держась,
В небесах летят влюблённые —
Что им наша пыль и грязь!

Говорят, с кленовым посохом
Сам художник Марк Шагал
По воде ходил, как посуху,
И по воздуху шагал!

1998

* * *

Да, действительно, старость —
не радость.

Доктор дал вам какую-то гадость,
И усилились боли в спине.
А давно ли весёлая младость
Нам дарила волшебную сладость
В поцелуях, стихах и вине?

Мы как будто написаны Босхом.
Наши платья закапаны воском.
Мы как призраки — сам посмотри.
Мы как мухи над кучей навозной.
А давно ли мы с шашкою вострой
Мчались, юные богатыри!

Мы обуза цветущей планете.
Наши руки повисли, как плети,
В наших мыслях разлад и бедлам.
Год-другой посидим на диете
И умрём, как беззубые дети,
И земля станет матушкой нам.

1998

* * *

Не время ещё ужасаться,
Дрожать обречённой овцой.
И всё же пора опасаться
Старухи с кровавой косой.

Худое, тщедушное тело
Она перережет в момент.
И лишь твоё славное дело
Притупит её инструмент.

1998

* * *

Кто слышал это грозное эхо,
Тот едва ли его перенёс —
Сочетание гневного смеха
С переливом младенческих слёз.

Говорят, ничего не слышали
Люди равного тысячи лет.
Отдалённые ноты звучали,
Но в душе не оставили след.

1998

* * *

Я умер и в землю сырую зарыт.
Но нет, я не буду друзьями забыт.
Успел я в предчувствии вечного сна
Купить и оставить еды и вина.

Друзья соберутся меня помянуть,
А мне, невидимке, и любо взглянуть!
Ещё оставляю я полочку книг —
Читайте и черпайте истину в них.

Ещё я на вас оставляю вдову,
В неведомый мир за собой не зову.
Жалейте её, берегите её —
Ведь это же сердце второе моё.

1998

* * *

Как же мне не полюбить
Жизни,
Если, может, завтра быть
Тризне?
Как же мне не ворковать
Складно,
Как же мне не целовать
Жадно?
Как же мне не льнуть во мгле
К милой?
Всё равно лежать в земле
Стылой.

1998

* * *

Скользим ли мы по наледи,
Идём ли по коврам —
Всегда тревожно на люди
Показываться нам.
И лишь от неба звёздного
Не прячем мы лица,
Больные дети поздние
Любимого Отца.

1998

* * *

То ли ещё будет
 там, в туманной мгле,
Если станут люди
 жить не на Земле.
Если их планета,
 брошенная прочь,
Лишь печальным светом
 сможет им помочь.

1998

* * *

Когда уйду по оклику Всевластной
И други всхлипнут, головы склоня,
Земля не станет менее прекрасной,
Но всё же обеднеет на меня.

1998

СТИХИ О ЛЮБВИ

Читатель прилежный,
Представь себе наш
Ночной многоснежный
Российский пейзаж.

Луна-несмеяна
На землю сюда
Сквозь волны тумана
Глядит иногда.

Высокие ели
И сосны окрест
Метели одели,
Как царских невест.

А там, на просёлке,
За крайней избой,
Влюблённые волки
Устроили бой.

Младая волчица
В роскошных мехах,
Куда она мчится
На полных махах?

То вдруг обернётся,
Своих подождёт.
То зло усмехнётся
И вновь пропадёт.

А два переярка
И старый вожак
Поспеть за дикаркой
Не могут никак.

Не знает подруга,
Кому угодить,
Не может и вьюга
Их пыл остудить.

Когтями, клыками
Торят себе путь,
Чтоб к избранной даме
Скорее прильнуть.

Чтоб мир изменился!
Чтоб ранней весной
У них появился
Волчонок грудной.

А может быть, трое,
А может быть, пять.
Потомство такое
Нельзя угадать.

А я, дурачина,
Дожив до седин,

До самой кончины
Остался один.

Пока я слагаю
Стихи о любви,
Её добывают
В поту и крови.

Любовь роковая —
От райских плодов —
Она таковая
Во веки веков.

Не тихая дрёма
Меж милых проказ,
А то, что знакомо
Не многим из нас.

Есть разные толки
Про волчье житьё,
Но, думаю, волки
Достойны её!

Лесная сторожка.
Ружейный прицел.
Любовь — не картошка,
А храбрых удел.

И хочется верить,
Что рядом, вот здесь,
И люди, и звери
Счастливые есть.

1998

* * *

Если бы не было вас на земле,
Я бы умчал на планету другую.
Сотни, а может, и тысячи лет
Там бы разыскивал вас, дорогую.

Если бы не было вас на земле —
Лёгких волос и стремительных ножек,
Я и при солнышке жил, как во мгле,
И всё молил: — Сотвори её, Боже!

1999

* * *

Батюшки-светы! Смотри, кто явился —
Сам Александр Сергеевич к нам!
То-то мне голубь намедни приснился,
Думал — напишешь, а вот ты и сам!

Ну, заходи, поскорей раздевайся,
Я сейчас устриц с вином прикажу.
Только советую — не задавайся,
Знаешь, я тоже стишками грешу.

Я только тень при божественном свете,
Я только мышка на бриге твоём.
Но поминать нас грядущего дети
Будут, хоть изредка, вместе, вдвоём!

1999

* * *

Бедные люди — всё те же они
В наши прекрасные, светлые дни?
Дуня с гусаром умчались в метель.
Двое с Башмачкина сняли шинель.
Холодно, голодно бедным зимой.
— Варенька, маточка, ангельчик мой!

1999

* * *

Во Владивостоке вы бывали? Там,
Около помойки, умер Мандельштам.
И в далёкой дали, где не правил Ус,
Слёзы заблестали на глазах у Муз.

1999

ОЛЕ

Лёгкий след одиноких прогулок...

О.Мандельштам

Где наши мысли бесстрашные?
Где наши светлые сны?
Где наши грёзы вчерашние?
Вихрем каким сметены?

Господу Богу помолимся,
Твёрдо уверуем в том,
Что устоим, что не сломимся
С самым тяжёлым крестом.

1999

* * *

Что смерти и сильнее, и страшней? —
Лишь наше представление о ней.

1999

* * *

О, эта музыка! О, эта ночь!
Все наставления школьные прочь!
Звёзды алмазные режут глаза,
И разойтись ослеплённым нельзя.
Лучше валяться в глубоком снегу
И поцелуи срывать на бегу.
И расшнуровывать твой сапожок,
Пробуя внутренний талый снежок.

1999

* * *

Ослеплённый твоей красотой,
Я перстами, как книгу слепой,
Твоё тело читаю всю ночь,
И уснуть, оторваться невмочь.

1999

* * *

Ты женщина, а я мужчина —
Вот первобытная причина,
Чтоб я однажды согрешил.
Ты вся светилась, как лучина,
Я жить хотел бы благочинно,
Но это было выше сил.

1999

* * *

В то время, когда я был жалок и мал
И мне великанами чудились люди,
О, как мне хотелось, о, как я мечтал,
Что вот и меня кто-то скоро полюбит.

Вот девочка Геля допьёт молоко,
И мы с ней усядемся в лёгкие санки
И вдруг улетим далеко-далеко,
Обнявшись, в воздушные синие замки.

Вот тётя Наташа стирает бельё,
Над прорубью станом колышется юным.
А я к ней ползу и целую её
Коленки большие, как зимние луны.

1999

* * *

Всё, что случится мне впредь написать,
Буду в огонь беспощадно бросать.
Он ведь не только трещал и блистал,
Он ведь и «Мёртвые души» читал!

1999

* * *

Лёд тронулся, ликующих богов
Напоминая, их пустые бочки.
И ветки одиноких берегов
Услышали и выпустили почки.

1999

* * *

Сбросили снежные шапки дома,
Плачут сосульки — уходит зима.
Что ж они плачут? Во время весны
Все ликовать и смеяться должны.

1999

* * *

Всюду снег ещё и лёд,
А подснежник уж цветёт.
Он не маменькин сынок —
Он отчаянный цветок!

1999

* * *

Пришла весна! Пришла весна!
И всё украсила она.
На каждой ветке, там и тут,
Певцы крылатые поют!
И где вчера мороз трещал,
Теперь комарик запищал.

1999

БЕЛАЯ НОЧЬ

Белая ночь, ты мне друг или нет?
Как равнодушен твой призрачный свет.
Как бесполезно твоё молоко
В жажде, зато захлебнуться легко.
Вся напоказ, как любовь в номерах.
Кто же я сам тебе — друг или враг?
Маятник ходит туда и сюда.
В кухне из краника каплет вода.
Надо уснуть бы, а я всё о том:
Кто мы, откуда, куда мы идём?
Правду ли Дарвин о нас говорил,
Или нас всё-таки Бог сотворил?
Милая женщина, наверняка
Ты приходишь от розы-цветка.
Пусть же не вянут твои лепестки,
Всем установкам земным вопреки!
Я доживаю последнюю треть.
Как же мне жить, чтоб легко умереть?
Грустные вирши опять сочинять
Или друзьям башмаки починять?
Белые ночи и чёрные дни —
Нам ничего не подскажут они.
Но для живущего попусту, зря
Слишком большая награда — заря.

1999

* * *

Синий-синий колокольчик.
Как прекрасен звон его!
Только тот, кто не захочет,
Не услышит ничего!

1999

* * *

Солнечные зайчики на траве лежат,
А над ними бабочки весело кружат:
— Поднимайтесь, зайчики, вместе полетим,
Из цветочной чашечки мёду поедим.

1999

* * *

Тянусь к твоей фигурке бесподобной,
А ты прижалась бабочкой к стене.
А ты своё: — Не надо, неудобно.
— Да кто нас видит? — Солнышко в окне.

1999

* * *

Представляю, как в яростном мире
Расшибу я однажды свой лоб,
И в моей коммунальной квартире
Шестигранный появится гроб.
И придут расторопные братцы,
Чтоб снести до могилы сырой.
И утешат: — Не надо бояться.
Ты не первый у нас, не второй...

1999

* * *

Бреду до лавочки бульвара,
Почти не чуя ватных ног.
Ты тоже скоро станешь старым —
Не смейся надо мной, сынок.

1999

* * *

Я вряд ли смогу измениться,
Стать трезвым, не вязнуть во лжи.
Я только хочу извиниться
За то, что испортил вам жизнь.
О нет, не сломал, но оплошно
Однажды коснулся её.
Увы, ничего невозможно
Сказать в оправдание своё.

1999

* * *

Любимая, зачем весь день
Ты ходишь хмурая, как тень?
Давай на брёвнах посидим,
Давай на звёзды поглядим.
Они за всё прощают нас,
Не сердятся, не прячут глаз.
А если падают к ногам —
Они желают счастья нам.

1999

* * *

Я без тебя заливаюсь слезами.
Ты моя звёздочка, мой идеал.
Как я боюсь, чтоб моими глазами
Кто-нибудь вдруг тебя не увидал.

1999

* * *

Как стихи, вы спросили, писать,
Чтоб читающий мир потрясать?
Очень просто, — скажу я в ответ,
Ничего в этом сложного нет.
Надо душу согреть кофейком.
Надо трубку набить табачком.
А потом начинайте писать,
И марать, и в корзину бросать.
Сохраните лишь несколько слов,
Вот и стих гениальный готов!

1999

СВЕРЧОК

Я — невидимый сверчок —
Очень добрый старичок:
Не умею песни петь,
Но зато могу скрипеть.

Люди спят, а я не сплю,
Свои песенки скриплю.
Свои песенки скриплю,
Потому, что вас люблю.

1999

* * *

Было время — люди мёрли,
Каждый третий не дышал.
Но у многих «ванька-мокрый»
Подоконник украшал.

Из-под минного завала,
Из пробитого хребта
Поднималась, расцветала
Неземная красота.

И подвыпивший мазила
Жить пытался для людей,
И свинцовые белила
Не жалел на лебедей.

И девчонки-малолетки
Не жалели кошелька
На помаду и танкетки
Вместо хлебного куска.

И старушки у параши,
Только смолкнет стук сапог,
Вспоминали «Отче наш» и
Северянинский стишок.

1999

* * *

Всего-то навсего лесок —
Не величавый лес.
Под ним камень и песок.
Над ним клочок небес.
Но как на сердце хорошо,
Такая благодать,
Как будто в дом родной пришёл,
Где ждут отец и мать.
Как будто не был много лет
В родимой стороне,
И этот кустик-бересклет —
Меньшой братеньник мне.

1999

* * *

Друг работал в кочегарке,
Копоть чёрную глотал,
По ночам стихи Петрарки
Псу бездомному читал.
Друг работал в кочегарке
И, конечно, поддавал,
Сразу после первой чарки
Он вторую наливал.
Друг работал в кочегарке.
В ней и жил, и умер в ней.
Для таких, как мы, у Парки
Нет ниток подлинней.

1999

* * *

Не гони меня с этого света, судьба, —
Я сумею ещё постоять за себя.
Буду книги читать, чтобы жить по уму,
А проклятого зелья и в рот не возьму.

Встречу девушку с трубчатой русой косой
И навек обольщусь этой дивной красой.
И пойдут у нас детки расти, как грибы,
Если будет на то благосклонность судьбы.

1999

* * *

Какие мы странные люди:
Стремимся к планетам другим,
А матушку-землю не любим,
Относимся к ней, как враги.
Бездумно и топчем, и роем
Прекрасное лоно земли
И думаем — все мы герои,
И думаем — все короли.
Хороним под чёрным гудроном
Живую ещё, а потом
О ней же с великим трезвоном
Фальшивые песни поём.

1999

* * *

Давайте радостней смотреть
На жизнь свою, как дети.
Ведь только временная смерть
Нас ждёт на этом свете.

Давайте зря не унывать:
Бог шефствует над нами.
И надо вещи называть
Своими именами.

1999

* * *

Здесь, на земле, и слёз, и боли
Уж столь скопилось за года.
Зачем же, по какой неволе
К нам с неба падает звезда?

1999

ТЁМНЫЕ СВЕТЫ

Тёмные светы ненастной погоды,
Тусклые краски предзимнего дня
Горькое чувство ущербной свободы
Вдруг пробудили в душе у меня.

Будто душа никогда не взмывала
В самую высь, возражая судьбе.
Будто бы всё, что со мною бывало,
Я сочинил на потеху себе.

Нет! Я знавал и счастливые годы.
Нет, не всегда угнетали меня
Тёмные светы ненастной погоды,
Тусклые краски предзимнего дня.

1999

* * *

Старею, брат, старею,
Как лист на деревьях.
Всё чаще руки грею
В дырявых рукавах.
И всё ж взываю к Богу:
— Хотя бы на версту
Продли мою дорогу
Из этой жизни в ту!

1999

* * *

Марии Семёновне Корякиной

Побелели на холоде,
Онемели уста.
И деревья нахохлились.
И дорога пуста.
Небеса тёмно-серые,
Как надгробья плита.
И печалюсь. И верую
Во Иисуса Христа.

1999

* * *

За окнами снег серебрист.
На девочке тёплый платочек.
А в доме расцвёл «декабрист»,
Цветок, помещённый в горшочек.

Рылеев, конечно же, мог,
Бунтуя, нарушить присягу,
Но этот несчастный цветок,
Откуда берет он отвагу?

Покуда зима не пройдёт
И льдины хребты не сломали,
Он розовым цветом цветёт
Во имя земных аномалий.

1999

* * *

Постоянно у вороны
Вид печальный, похоронный.
В белом платье она
Непривычна и смешна.

1999

* * *

Порой мне кажется, что мама
Не умерла, не умерла.
И в глине вырытая яма
Пустой закопана была.

И зря смотрю я исподлобья
На сиротливое жильё
И на замшелое надгробье —
Здесь нету косточек её.

Порой сомненья не бывает,
Что ныне, присно и вовек
Повсюду с нами пребывает
Любимый самый человек.

И стоит тихо обернуться,
Открыть без скрипа ворота,
И мне, как в детстве, улыбнутся
Живые мамины уста.

2000

* * *

Кем я был до появления
Своего на белый свет?
Пылью? Облаком? Растеньем?
Есть вопрос. Ответа нет.

Неужели — вихрем пыли,
Вроде дыма без огня,
И прохожие молили
Их избавить от меня?

Неужели был растеньем,
Тем исчадьем сатаны,
Чьи соцветья и коренья
Отравителям нужны?

Или, светлой силой создан,
Лёгким облачком я был
И ни солнышко, ни звёзды
Ни на миг не заслонил?

18 января 2000

Хлеб молоком запиваю.
Плачу, читая «Муму».
Сколько мне лет — забываю.
Кто я такой — не пойму.

Раз уже в детство вернуться
Я так нечаянно смог,
Где моё синее блюдо?
Где мой любимый свисток?

Где моя бабушка Оля?
Где моя бедная мать?
Нет, из подземной неволи
Мне их сюда не зазвать!

В мире чудес не бывает.
Есть лишь бесхитростный бред,
Ежели кто-то впадает
В детство на старости лет.

10 февраля 2000

* * *

Бабочка петь не умеет.
Может, умеет она,
Только от счастья немеет —
Так в этот мир влюблена.

13 февраля 2000

* * *

Быть может, «поехала крыша»,
Быть может, портвейн виноват,
Но только я ясно услышал
Твой голос, мой умерший брат.

Ты мне говорил, что не надо
Смирено сдаваться судьбе,
Что это такая отрада —
Отыскивать силы в себе.

Прекрасно с любимой общенье,
Прекрасны и дождик и снег.
До самого развеществленья
Не вправе роптать человек.

*18 февраля 2000**

** 18 февраля 1960 года — день кремации брата*

* * *

Не хочу, чтоб жизнь закончилась
Вдруг, однажды, просто так.
Чтобы тело жалко скорчилось,
Сдвинув с места свой тюфяк.

Написать строку бессмертную,
Целовать подругу всласть
И, пройдя по снегу первому,
Неожиданно упасть.

18 февраля 2000

* * *

По звёздному поясу — Овен,
По склонности — мирный поэт,
Не звал я к пролитию крови,
Не славил кровавых побед.
И сам не пойду на закланье
До самых остаточных сил.
И кровь сберегу для писанья
Стихов своих, вместо чернил.

18 февраля 2000

* * *

Есть чернила, есть бумага,
Есть перо и есть свеча,
Но ещё нужна отвага,
Чтоб стихи свои начать.

Есть уютная каморка,
Есть ночная тишина,
Есть заварка, есть махорка,
Но ещё душа нужна.

Ни стремление, ни старанье
В ходе дела твоего
Без любви и состраданья
Не решают ничего.

23 февраля 2000

* * *

Хранительница очага,
Продлительница рода,
Не оставляй меня, пока
Такая непогода.
Ведь для меня, для старика,
Страшней, чем смерть, свобода.

23 февраля 2000

* * *

Как у нас, в миру лесном,
Всё уснуло крепким сном.
Лишь один медведь-шатун
Бродит между снежных дюн.
Он в медведицу влюблён,
Но, увы, не в местную.
Любит этот балабон
Звёздную, небесную.

23 февраля 2000

* * *

Безволосый и беззубый,
Словно сказочный урод,
Я встречаю самый любый,
Самый милый Новый год.

Никого со мною нету —
Все уже лежат в земле.
Все уже за речку Лету
Переправились во мгле.

Над одним растёт рябина,
Над другим шумит сосна.
У кого забыто имя —
Не подскажет тишина.

Собирайтесь в гости тени,
Сбросьте с плеч гнилой венки.
Выпьем водки, станем теми,
Кем мы были в давний срок.

И тихонько разойдёмся,
Чтобы мёртвым и живым
Не мешать под красным солнцем
Пребыванием своим.

27 февраля 2000

* * *

Мне на плечи кидается век-волкодав...

О.Мандельштам

Новый век ещё щенок,
Но уже сбивает с ног.
Этот юный волкодав
Показал уже свой нрав.

30 марта 2000

* * *

Ещё вчера в печали
Сидевший близ окна,
Влюблёнными очами
Гляжу: идёт весна!
Ещё вчера под снегом
Не зная тепла,
Земля своим побегам
Дыхание дала.
Ещё вчера на мощи
Похожие вдали,
Берёзовые рощи
Дар речи обрели.
Взирая и внимая,
Брожу весь день опять.
И плачу, принимая
Господню благодать.

2000

* * *

Всё вокруг зацвело, заблистало,
Преступление дома сидеть.
Вспомни, милая, как ты мечтала
Своё летнее платье надеть.

Вспомни, милая, что было с нами,
Как, почти бездыханные, мы
Алый шёлк берегли, словно знамя,
В окружении стужи и тьмы.

2000

* * *

Восстание природы.
Поющих птиц стада.
Река пошла на взводы,
Избавясь ото льда.

Цветов благоуханье.
Свет солнца вместо тьмы.
Весна — как покаянье
Безжалостной зимы.

2000

* * *

Страшно в царство тишины
уходить навеки.
Стать бы деревом лесным
с птицею на ветке.
Чтобы мог подумать я,
внемя песне нежной, —
Это женщина моя,
зов из жизни прежней.

2000

* * *

Так, не жена, а ждёт солдата,
Как настоящая жена.
Давным-давно он ей когда-то
Кивнул с улыбкой из окна.

Шумят газеты о Победе,
Идёт не первый мирный год,
А он не пишет и не едет —
Она напрасно слёзы льет.

Его, наверное, убили,
А может, просто взяли в плен,
Или на нары посадили,
Как ненадёжный элемент.

Она всё ждёт, не спит ночами:
То брагу ставит на дрожжах,
То, обезумев от печали,
Повиснуть хочет на вожжах.

Как тошно ей! В горшок цветочный
Воткнула крестик из лучин,
И молится, и гнётся, точно
Там самый лучший из мужчин.

2000

* * *

Андрею Комлеву

Написана книга, поставлена точка.
И страшно подумать, что ждет её впредь.
Она — твоё чадо, она — твоя дочка
Уже на глазах начинает стареть.

2000

* * *

Не плачь, поэзия моя,
Что ты не лунная ладья.
Пылинкой Млечного Пути
Земному путнику свети!

2000

* * *

Рвём волоса на кладбище,
Слово даём не забыть.
Если могли бы мы ближних
Так вот при жизни любить.

27 мая 2000

ПРИРОДА

Я не был пасынком природы.
С начала жизни, с первых дней
И по теперешние годы
Я жил всегда в согласье с ней.

И летом, и зимой морозной
Любая пихта и ветла
Была и няней мне, и крёстной,
И родной матушкой была.

Какие песни, что за трели
Дарили мне в лучах зари
Её кузнечики и шмели,
Её чижи и глухари.

И земляника, и орехи,
И белый гриб, и дикий лук
Для пропитанья и утех
Давались мне из добрых рук.

Мне с нею нечего бояться,
Да вот почто в душе разлад:
Всё ниже вороны кружатся,
Всё громче вороны кричат.

2000

* * *

Блажен имеющий глаза
Не столько для газеты,
Но чтобы видеть небеса —
Закаты и рассветы.

Блажен, кто абсолютно глух
К фальцету скандалиста,
Зато имеет верный слух
Для Шумана и Листа.

Блажен, кому даны уста
Отнюдь не для ворчанья,
Но, как золотые ворота,
Для мудрого молчанья.

2000

* * *

Какая может быть любовь,
Не грех ли молодиться,
Когда тебе юнец любой
Уж в правнуки годится?

Какая может быть любовь,
Когда течёт по жилам
Уже не огненная кровь,
А стынувшая жижа?

Да, брат, согласен я с тобой,
Но в сердце, как в темнице,
Приговоренная судьбой,
Она ещё томится.

2000

* * *

Последней спичкою в зубах не ковыряют:
Промерзнут до костей — костёр и разожгут.
Последние слова на ветер не швыряют.
Последние слова для Бога берегут.

2000

ПОВЕСТЬ

Нет печальней повести,
Если человек
В проходящем поезде
Полюбил навек.

Не узнав ни имени,
Не спросив: — Куда?
В очи тёмно-синие
Канул навсегда.

Хоть она на станции
Уж давно сошла,
Он читает стансы ей,
Он горит дотла!

Слыша нежность голоса
В скрежете колёс,
Взглядом гладит волосы
Недоступных кос.

А потом без адреса
Сходит на перрон —
Будто после ареста,
После похорон.

2000

* * *

Слёзы льются потоком
 из небесных глазниц,
Бьются, будто под током,
 листья, падая ниц.
Все дороги раскисли,
 вся душа извелась.
Но тяжёлые мысли
 поубавили власть.
Скоро в белые ризы
 облачатся леса.
Светлый день уже близок,
 сомневаться нельзя.
Одинокий, скорбящий,
 я на старости лет
Убеждаюсь всё чаще:
 безысходности нет.

2000

* * *

Потерпи, дорогая,
 не вздыхай, не грусти.
Не всегда, полагаю,
 будет нам не везти.
Теплотою весенней
 зимний сменится хлад.
«Близ беды и спасенье», —
 мудрецы говорят.

2000

* * *

Мне в окошко стукнул голубь.
Это был не благовест.
Это был безумный голод,
Наступающий окрест.
Я ему насыпал крошек,
А потом в течение дня
Вспоминал людей хороших,
Не оставивших меня.

25 декабря 2000

* * *

Когда приходишь ты с мороза,
Я — невесёлый и седой,
Гляжу, как будто — это роза,
А я — садовник молодой.

25 декабря 2000

* * *

Я не хочу, чтоб умирала ты
Хоть за мгновенье до моей кончины.
Мы — дикие ровесники-цветы,
Мы — два конца, зажжённые, лучины.
Позволь мне от тебя не отставать,
Не превращаться в сонную тетерю,
Позволь мне никому не отдавать
Мою находку и мою потерю.

25 декабря 2000

* * *

Мы с тобой на кухне посидим...

О.Мандельштам

Я души в тебе не чаю.
Что ж ты хмуришься, жена?
Завари-ка лучше чаю,
Раз уж нет теперь вина.
Хорошо у нас на кухне
У печного огонька.
Вот и жить бы влюбё, вкупё
До последнего звонка.
Не журишь, что мы стареем,
Что проходят жар и хмель,
Мы не раз ещё согреем
Нашу грешную постель.
Может быть, Господь и чадо
Нам пошлёт, чтоб жить втроём.
А пока давай-ка чаю,
Как путёвые попьём.

2000

* * *

Самая красивая на свете —
Нет, была не женщина — ветла.
Даже мы, невыросшие дети,
Понимали, как она мила.
Мы её, как фею, обожали,
Но изведав жизни произвол,
К некрасивой матушке бежали,
Утыкались в старенький подол.

1 января 2001

* * *

Между пунктом А и Б
Печка топится в избе.
Заходите, кто продрог —
Будет чарка и пирог.
Я выиграл миллион
И построил пансион
Для таких, как я, бродяг,
Бедолаг и доходяг.
Но, увы, мой миллион —
Только сладкий райский сон.
Между пунктом А и Б
Нет пристанища тебе.

22 апреля 2001

* * *

И жалкие нищие, и короли —
Мы все от Адама и Евы пошли.
От светлого яблока Зла и Добра,
От глины небес и мужского ребра.

Вот так и возник человеческий род
Во имя услад и во имя невзгод.
И всё-таки Божьего промысла код
Никто не познает, пока не умрёт.

2001

* * *

Любовь не терпит суеты.
Ещё за днями дни продлятся,
Пока надежды и мечты
В святые чувства превратятся.
Не заблуждайся, не тверди
О сокровенном так усердно.
Но не спеши, не уходи
Из поля зрения и сердца.

2001

* * *

Мы расстаёмся навсегда.
Меж нами бурая вода,
Меж нами камни-валуны
И города чужой страны.
Но дебри нашей седины
Неразлучимо сплетены.
Но кожа к коже приросла,
Покуда ты моей была.
Её разъять и разделить —
Ещё живую кровь пролить.

2001

* * *

Не надо спрашивать, друзья,
Зачем я глух и нем:
Лежат в могиле у меня
Десятка два поэм.
Я их живьём похоронил,
Я их на углях сжёг.
С тех пор мне белый свет не мил.
Я грешен. Видит Бог.
Я их пытался уберечь
От своего суда,
Но зарифмованная речь
Была черней стыда.
Я ничего сказать не смог
Ни против и ни за.
И весь мой творческий итог —
Кровавая слеза.

2001

* * *

Ничего уже не ждёшь
В безутешной этой жизни,
Вдруг к тебе приходит дождь:
— Что ты хмуришься, дружище?
Посмотри, как я омыл
И леса вокруг, и доли,
Посмотри, как прилепил
К икрам девичьим подолы.
Сколько лужиц у дорог,
Хоть того не знают сами,
Далеко, туда, где Бог,
Смотрят детскими глазами.

19 сентября 2001

* * *

Ветер воет и рычит,
На прохожих злится.
Но порою он молчит —
Сам себя стыдится.

23 декабря 2001

* * *

Опали листья с тополей,
С берёз застенчивых опали,
И стала нам земля милей
В её серебряной печали.

Ни огонька в ночной дали,
Ни в сердце трепетном опоры.
Снега глубокие легли
Утихомирить наши взоры.

2002

* * *

«Люблю грозу в начале мая»,
Люблю январский белый снег,
Когда в кибитке обнимает
Один другого человек.
И милый почерк на конверте,
Над коим тихо слёзы лью;
Всё в этой жизни, кроме смерти,
Я обожаю и люблю.

2002

* * *

Снова свинцовые тучи
Небо закрыли окрест.
Но неожиданный лучик —
Будто бы Божеский перст.

2002

* * *

Ночь стоит, а я не знаю,
Как забыться, как уснуть.
Не хочу, а вспоминаю
Свой кривой, свой прежний путь.

2002

* * *

Я словно жизнь вторую начал,
Всё тот же дом, всё тот же мир,
Но я на всё гляжу иначе —
Глаза по-новому открыл.

2002

-

* * *

Мышка-норушка-зверюшка-простушка,
Ниток катушка у мышки подружка.
Нитка, как хвостик у этой подружки,
Хвостик, как нитка у мышки-норушки.

6 мая 2002

* * *

Прости меня, читатель милый,
Что часто я тебя стращал
Неотвратимою могилой
И очень редко утешал
Господней милостью и силой,
Прости, что я в тоске унылой
Дурное действие совершал.

6 мая 2002

* * *

Есть благодать исповеданья.
Есть покаянья благодать.
Есть неизбывное желанье
Свой дух кому-то передать.

Волна стихов твоих и песен,
Твоих надежд за много лет —
Всё это превратится в плесень,
Не выходя на белый свет.

2002

* * *

О, не касайтесь участием мнимым своим
Тех закутков, где мы горести наши храним.
Скрипка рыдает, когда её тронут смычком,
А без него она боль переносит тайком.

2002

* * *

Мы вчера совершили ошибку:
Мы фамильную продали скрипку.
Мы её с чердака принесли,
Весь футляр был в столетней пыли.
И лежала она, недотрога,
Как царица под чарами сна,
Но маэстро сказал:

— Мы немного
Поколдуем, и голосом Бога
Зазвучит во Вселенной она!

2002

* * *

Мы Библию редко читаем,
Нам всем подавай детектив.
О чём же тогда мы мечтаем,
Какого мы царства хотим?
Раздумывать долго не надо —
Погрязшие в блуде и зле,
Хотим мы кромешного ада,
Хоть он уже есть на земле.

2002

* * *

Ты становишься всё красивее,
Я — убогий старик, но смотрю
На тебя, мою нежную фею,
Как на первую в мире зарю.
Ничего мне на свете не надо,
Мои счёты с судьбой сведены.
Только две виноградинки взгляда
Для меня в этом мире важны.

2002

* * *

Далёко-далёко, без шороха-звука
Стоит предо мною слепая старуха.
И палочкой ищет чего-то у ножек:
Авось ей Господь не запнётся поможет.
А я к ней без воли своей приближаюсь,
И я перед ней не кичусь и не каюсь.
Она всё моложе, она всё милее,
А я — всё нескладнее, всё тяжелее.
Во мне моё зло, заблуждение, безречье —
Вот так и идём мы друг другу навстречу.
Но всё в голове у меня помутилось,
Когда она в девочку вдруг превратилась.
Когда мы друг в друга без крови входили,
Не зная, не ведая — кем же мы были?
Свой капор она на меня надевает,
Но это уж чудо, каких не бывает.

2002

* * *

Я прожил нехотя, не жадно,
Не знал величия побед.
И всё же нестерпимо жалко
Оставить этот белый свет.

2002

* * *

Не представляя, как же нужно жить,
Всю жизнь свою я жить прособирался.
Тянулся к смерти?..

Может быть...

2002

* * *

Что мне блеск посмертной славы,
Слёзы правнучки чужой,
Если эти ваши лавры
Я не жаловал живой?

2002

* * *

Когда метели здесь у нас метут,
В небесном царстве яблони цветут.
Там, может быть, и скучно жить, но там,
Не ходит смерть за жизнью по пятам.

2002

,

* * *

Зачем вы так рано меня погребли?
Зачем вы меня отпустили?
Там есть только небо, но нету земли,
Хотя бы такой, как в могиле.

2002

По Господней воле я не только здесь —
В этом чистом поле, я и в небе есть.
За столом небесным с матушкой вдвоём
Мы земные песни радостно поём!

2002

* * *

Опустела, одичала,
Почернела от тоски,
А какой была сначала
Деревенька у реки!
Там на каждом женском теле,
От велика до мала,
Колыхались, шелестели
Юбки, как колокола.
И мужчины тоже были
Хороши, как на подбор:
И пахали, и косили,
И без робости ходили
На медведя в зимний бор.
А теперь ушли куда-то,
Разбежались, разбрелись —
Поспешили депутаты
Перестроить нашу жизнь.
Поспешили, порешили
Хлебороба-мужика...
На пока, на время или
На бессчётные века.

26 сентября 2002

* * *

Я думал, уж не доживу до весны,
Но вот наступила весна
С таким изобильем голубизны,
Что всем её хватит сполна.
Как мальчик и девочка, два ручейка
Бегут и поют в унисон!
Их ждёт не дожждётся большая река,
Что было с ней — явь или сон?
О, как под покровом своим ледяным
Порой трепетала она.
И думала — не доживёт до весны.
Но вот — наступила весна!

26 сентября 2002

П О Э М Ы

x x x

Ну кто ты, прощай безумный человек
Исви своим ильлюмина в угоду.
Дремлю себе, не поднимая веи
На шейнику, на воссую свободу.

Мои сам себя, несчастный, осудил
За смирить

своим земным существованием
Вот жизнь твою с рождением до сего
Точка. Ничем иным, как умираю.

Вот - люди - чередные близнецов
Камней, деревьев, тьмы и света
Им я смо все. Вам же дано света
Они - проводники.

Вот - светящий ...

x x x x x x x x x x x

Господи!

Но что за женщина дана
Тебе? Сидишь, чтоб людям не было
Куда не то?

Но герман смена

Возникла вдруг и нас раз'единила.

Очулся я в башкинской тундре,
Не понимаю, что со мной творится.
Сестра питие давала с ложки мне
И я поумал: - славная сестрица

Красной - то сеговиной человек
Сидит на творенье у окошка
И все вздыхает, что вот тебе и сие,
А у него же косяна картошка.

ХОЗЯЙКА МАКОВ

I

Лицо в морщинах
и темней,
чем глина,
Лишь седина,
как первый снег светла.
Наверно, это ожила былина
И на Урал рябиновый пришла.
Искровянив о злые камни ноги,
Она брела под солнцем и во мгле,
И падал снег на волосы в дороге,
И не растаял в избяном тепле.
И не слова былина выпускала
Из рукава льняного полотна,
А плакала о ком-то и вздыхала,
Вздыхала,
одинёшенька-одна.

II

Девчушка в ярко-розовой косынке
Тогда стояла на моём пути.
Я мог бы из летучей паутинки
Скаалку ей хорошую сплести,

Я мог отдать ей скопленные марки
И крышки папиросных коробков
И для неё, преодолев помарки,
Переписать “Варяг” и “Сулико”.
Да что “Варяг”!
Я мог в то время смело
С одним портфелем
выстоять в борьбе,
Пусть только скажет раз ещё
“Отелло”
Мне этот рыжик из седьмого “бэ”!
Я помню:
часто лампочка мигала,
Ночная птица плакала в лесу.
Я в первый раз
отрёкся от шпаргалок
И написал про “девичью красу”.
Я написал о “радостной дороге”,
О “бедном сердце,
вспыхнувшем огнём”,
И кончил тем, что с Ленкой
“мы пороги
Любые
дважды два перешагнём”.
А дальше очень просто получилось:
Она стихи неспелые прочла
И на меня всю алгебру косилась,
А в перемену мимо проплыла.
Но вдруг вернулась,
за тетрадкой вроде,
Кивнула мне, улыбочкой дразня:

Нет, это горе-горькое оплавав,
Старуха в тесной горенке жила
И огоньки негаснувшие маков
На память о сынах своих зажгла.
Трёх сыновей

она на фронт послала,
Три ворона накаркали беду.
Тогда три грядки старая вскопала
У стихнувших соседей на виду.
Три грядки серых

под весенним небом,
И грядки те напоминали ей
То три кусочка аржаного хлеба,
То три могилки русских сыновей.

...И вот варнак в кепчонке,
в грязной майке,
Воспитанный околицей смельчак,
Как воронёнок, падает на маки
И вырывает с корнем первый мак!
И над старухой небо почернело,
И губы побелели у неё.

Она сказать, наверное, хотела:
— Не трогай! Это кровное моё!
Но не сумела вымолвить словечка,
Лишь заскрипело жалобно крылечко...

.....
Всё как в тумане —

стены, стол и кружка,
На скатерти примятые цветы,
И, наклонившись надо мной,
старушка

Чуть слышно шепчет:
— Борька, милый... ты?!
Мне страшно, а она смеётся тихо:
— Я знала... Вот квашонку завела...
Болтают люди: дескать, Кузьмичиха
Без сыновей совсем с ума сошла...
И вдруг она качнулась, резко встала
И выкрикнула хрипло:
— Это ложь!
Устала, парень, ох, как я устала!
А ты похож...
 на младшего... похож...
Три сына было —
 каждый слава Богу!
Три солнышка — не засветиться им.
Бери — чего уж!
Мёртвым не помогут,
Бери цветы, они нужней живым...

V

Они живым нужней.
Холодный ветер
Хлестал наотмашь по лицу меня,
Когда я нёс цветы святые эти,
Цветы из негасимого огня...

Было так:

 собрали коммунистов
В штабе,
 и полковник крутобровый
Им сказал, раздельно и сурово:
— В двадцать два вас сбросим на болотце.
Два часа на письма остаётся.

...Два часа...

А на душе-то грозно...
Ночь была холодной и незвёздной.
Был десант в сырую темень сброшен.
Был Петров слепую пулей скошен.
И упал он, как подбитый аист,
Кровь сдержать ладонями пытаюсь.
И на миг с берёзкой по соседству,
Встало вдруг

 взъерошенное детство.

Будто он, а не его сынишка —
Худенький, задиристый мальчишка.
Встало детство

 с бабкою ворчливой,
С перебитой дранками крапивой,
С вишнями, с галдящими скворешнями,
С трудными экзаменами внешними...
И рукам казалось,

 остывающим, —

В них звезда! Звезда... да не одна ещё!

III

А сынишка вырастал без бати,
В жизнь влетал на громком самокате,

От девчонок бегал без оглядки.
Годы шли,
Мелькали дни, как пятки...

IV

Между заявлений многочисленных:
«...Мы давно по Марсу бродим
мысленно!»
«...Мы готовы штурмовать Вселенную!»
Есть его, Петрова, заявление.
...И на Марсе скоро будет это:
Выйдет русский парень из ракеты.
Светом полуведомым залитый,
Он отыщет внучку Аэлиты.
Он, Петров,
сын воина Петрова,
Скажет ей простое наше слово:
— Здравствуй! —
и протянет марсианке
Огненную звёздочку с ушанки,
С батиной... с пробитой...
Это будет!
Спутник космос позывными будит.
Мчит ракета.
Звёзды знают-ведают:
Продолжение русской славы
Следует!

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

I

Мы жили в таёжном посёлке.
Посёлок — двенадцать бараков,
Поставленных криво и косо
На земляничной земле.
И на следах лосиных
Стоял магазин в посёлке,
И выходил детсадик
Окнами в глухомань.
Я помню из всех бараков
Яснее всего четвёртый,
Похожий на все бараки
И крышей, и писком крыс.
В нём жили почти всё немцы,
А русских раз-два и обчёлся:
Раз — я да братишка с бабкой,
Безногий сапожник — два.
Все будние дни сапожник
Стучал, как голодный дятел,
А в праздники матерился
И пил разведённый спирт.
Он ноги оставил в Берлине,
В Берлине, как говорил он.
Медалью его «За отвагу»

Играла вся ребятня.
Он сам был похож на мальчишку,
Когда война разыгралась.
Когда он вернулся с фронта,
Жена от него ушла.
Она говорила, плача,
Что век бы жила с Глушковым,
Когда б не просил он сонный
Ноги ему укрыть...
Глушков просыпался рано:
Ещё за окошком месяц
И гимна ещё не играло
Радио на стене.
— Чего ты не спишь, служивый?
Он выплюнет мелкие гвозди.
— Какой интерес — без бабы?
Без бабы сплошной кошмар! —
Так взрослым давал ответ он.
А нам бы сказал иначе:
— Приснился мне, хлопцы, леший
С зелёною бородой.
Мигнул он мне красным глазом:
«Глушков, ты мужик исправный.
Сегодня пущу я дождик
Из гвоздиков золотых,
И ты собирай сколь надо,
Хоть горсточку, хоть котомку.
Смотри, не проспи с похмелья —
Товар пропадёт зазря»,
— И вы, дядя Петя, ходили?
— Ходилок-то, милый, нету...

— И вы, дядя Петя, не врёте?
— Глушков отродясь не врал!
Глушков разожжёт папироску,
Тонюсенькую, как гвоздик,
— Оставил одиннадцатый номер
Я в Берлине немчуре.
Напрасно мы их тут пригтели,
Они у меня в печёнках!
Да я бы...своими руками...
Подай-ка бутылку мне.

II

Комнатка вся в открытках,
Сладких, пасхальных. Кроме
Этих открыток сладких
Есть у Шарлотты сын...
Есть голубая чашка
С надписью по-немецки:
«Меньше двух зёрен кофе
В чашку не можно класть...»
Часто грустит Шарлотта,
Тихо поёт Шарлотта,
Как заманил матроса
Остров Мадагаскар...
Вечером на крылечке
Молча сидит Шарлотта,
Белый цветок картошки
К кофточке приколов...
То она к нам заскочит,
Будто со сна — в сорочке,
Тряпкою мокрой машет,

Чтобы губам помочь:
— Бабушка, вы старуха,
Вы подержите Ганса,
Ганса, моя мальчишка,
Я вам помою пол...
Бабушка отмахнётся:
— Эк всё в тебе играет!
Спрячь, басурманка, груди!
Дети же малые тут.
Пол без тебя я помою.
Ганс у тебя капризный.
Разве ты любишь русских?
Тихо Шарлотта: — Нет.
Раньше мы жили на юге,
Вы нас переселили.
Папа у Ганса умер.
Мы не полюбим вас...

III

Вымыты половицы,
Выскоблены на совесть.
Пахнет смолой в бараке,
Солнышком и травой.
В новеньких лодочках ходит
Павой Шарлотта-немка.
И говорят, что с павы
Денег не взял Глушков...
— Ты никому не скажешь?
Брат отвечает: — Что ты!
— Видел вчера я в щёлку:
Немка к нему пришла.

Села на табуретку,
Голову наклонила.
Бледный Глушков её гладит:
— Девочка ты моя!
Брат мне не верит: — Брешешь!
Я обижаюсь: — Шиша!
Брат мне не верит: — Сам ты,
Лёшка, придумал всё.
— Ладно, Фома-невера,
Хочешь — спроси Глушкова:
Ел из шарлоткиной чашки
Он землянику вчера?

.....
Вечером разыгралась
С сыном своим Шарлотта
И говорила за стенкой
Ломаным языком
Вместо обычного «паче»,*
Вместо обычного «кухен»* —
“Ладушки, ладушки” — сыну,
Мальчик смеялся в ответ.

1962—1963

* «Паче-кухен» соответствует русскому «ладушки, ладушки».

НЕВЫДУМАННАЯ ПОЭМА

Рассказывать об этом тяжело:
Никто не верит — бабушкины сказки.
А я и вправду видел НЛО —
Большое блюдо огненной окраски.
Оно летело над землёй вверх дном
И словно солнце скрылось за холмом.
Не чуя ног, я бросился вперёд:
Неужто это инопланетяне?
И вот опять увидел звездолёт
У маленькой речушки на поляне.
Открылся люк. И вышло из него
В сверкающем скафандре существо.
Не может быть, мне разум говорит, —
Всё это сон, фантастика, нелепость,
Но предо мной, теперь уже без шлема,
Космическая женщина стоит!
Едва ли я как следует сумею
Воспеть её небесные черты.
Ни в жизни, ни в картинной галерее
Я не встречал подобной красоты.
В её больших фасетчатых глазах,
То карих, то индиговых, то серых,
То возникал, то снова исчезал
То теплый свет, то леденящий сердце.

— Кто ты таков? —

она меня спросила.

— Я человек, я житель этих мест.

А всё вокруг Земля моя,

Россия:

И этот лес, и этот

тёмный крест.

Там матушка родимая

лежит,

Над нею время вечное кружит...

— Ты веришь в Бога?

— Я пытаюсь верить,

Увы, не так,

как верят старики.

Но иногда мне некому

доверить

Своей тревоги, страха

и тоски.

А если ты на свете одинок,

Тебя поймёт,

тебе поможет Бог.

— Ты знаешь страх?

Чего же ты боишься?

— Боюсь всего —

таков уж наш удел.

Боюсь, что ты ко мне

не возвратишься,

Что твой корабль

случайно прилетел.

Ещё одна причина есть

для страха:

Я жизнь свою туманную
прожил,
Не нынче — завтра
стану горсткой праха,
А добрых дел
почти не совершил.
А ведь в мечтах
мы головы положим
И души растерзаем
пополам,
Но никогда
Вселенной
не предложим
Колымский путь,
что был дарован нам.
— Но ты же благодарен
был судьбе,
Что человеком
на Земле родился?
Ступай за мной.
Я покажу тебе
Свою звезду,
чтоб очень не гордился.
И я, как мальчик, поспешил за ней,
Она вдали смеялась и светилась.
И всё-таки какая-то немилость
Чужих планет была её сильней.
Но вот она ко мне повернулась,
И не было печальней и нежней.
И мы вошли в серебряный отсек.
И прозвучало:

— Здравствуй, человек!
Ты видишь лучезарное
пятно?
Там жить тебе отныне
суждено.
— Но я же не смогу,
я затоскую.
Тебе, всесильной,
это не понять.
Всю жизнь свою —
к родной земле
взыскую,
Хотя мне очень хочется
летать.
— Вы, люди, не родные
близнецы
Камней, деревьев,
темноты и света.
Им ясно всё. Вам
не дано ответа.
Они — провидцы. Вы —
полуслепцы.
Мы — Вечный Разум,
Вечная Душа —
Стоим над вами,
Высший суд верша.
О, не печалься и
не прекословь,
Ведь мы не льём
себе подобных кровь.

Ты сам увидишь —
 зависть и вражда
У нас давно исчезли
 навсегда.
— Нет, — я сказал, —
 траву родных могил
Мне не забыть. На то
 не хватит сил.
— Возьми с собою горсть
 своей земли.
Мы — здесь и там.
 Наш лик непознаваем.
Мы, неземляне, истину
 нашли,
Но, до поры до времени,
 скрываем.
Мы дали вам и хлеб,
 и молоко,
И тёплый кров, и
 сладкий звук свирели.
Хоть сделать первый шаг
 и нелегко,
Но сколько оставаться
 в колыбели?
— Нет, не хочу
 в нездешние края.
Да станет гробом
 колыбель моя!
— Ну что ж, прощай,
 убогий человек,

Живи своим иллюзиям
в угодую.
Дремли себе,
не поднимая век
На истину, на высшую
свободу.
Прощай же. Сам себя
ты осудил
На смерть своим земным
существованием
Вся жизнь твоя,
с рожденья до седин,
Была не чем иным,
как умираньем.
Но тут коснулось локтя моего
В сверкающем в скафандре существо:
— Я не хотела
прилетать сюда,
Но хочешь, я останусь
навсегда?
Я перейму черты
твоих подруг,
Я полюблю и этот лес,
и луг.
О, не печалься, мой
названный брат,
Я буду тень твоих
земных утрат,
Я стану не бессмертна,
а стара...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ

I

Есть ли высший, чем этот,
Божий, сказочный дар?
Как в киношку с билетом,
Я иду на базар!
На базаре играет
Инвалид на пиле,
И друг друга лобзают
Лебедя на ковре.
— Вот две красные масти,
Вот крестовый валет.
А заметили — ставьте.
Не заметили — нет.
Там и свинка морская,
И цыганка как ночь,
Не спросясь, угадают,
Чем вам можно помочь.
Там и мир, и раздоры,
И в лазурном гробу
Та, нет краше которой,
Вдруг всплывает в толпу.
Там в хибарке фанерной
Жил фотограф седой,
И сниматься, наверно,

Труп везли молодой.
На какие подлянки
Роком обречена,
На реке на Зырянке
Утонула она?
Пред звездою-кувшинкой
Подвернулось бревно,
Или с милой кровинкой
Было жить не дано?
Не из школьной программы
Я запомнил, малец:
— До свидания, мама! —
До свиданья, отец...
Пусть никто не пригубит
Злополучье моё! —
Это мёртвые губы
Прошептали её.
А вокруг говорили
Кто о чём вразнобой:
— Вот войну пережили,
А за хлебушком стой!
— Что же творится, братцы, —
Смерть в такие лета!
— А не надо бояться,
Если совесть чиста!
— Надо! — мёртвые губы
Возразили её.
А уж медные трубы
Начинали своё...
— Все мы в мире скитальцы
На недолгую жизнь.

У фотографа пальцы,
Как с похмелья, тряслись.
...И с тех пор благодарный
Я живу, уж старик,
За великий базарный,
Древнерусский язык.
Сколько раз, своевольный,
Убегал я из школ,
Чтоб внимать колокольный,
Наш славянский глагол.

II

Были славные оды.
Только не было од,
Как спасли огороды
Наш голодный народ.
Как при каждом бараке
Из воскресшей земли
И картошка, и маки,
Поднимаясь, цвели.
Там укроп буреломный
И убогий салат.
А над всем — миллионный
Пчёл воздушный парад.
О, какие златые!
Но насколько пусты
Их желудки пустые,
Как посохли их рты!
Только всё ж у барачников
Есть хоть капля еды,
А на кладбищах братских —

Ни листка лебеды.
Потому что там зэки
Вечным преданы снам.
А они — человеки,
Непонятные нам.
А уж дождик и солнце
В их суровой судьбе
Не скорей разберётся,
Чем само КГБ.
В огороде же баско!
Раздербанишь стручок —
Ожерельем из сказки
Засияет горох.
Или калега... Или
Промежутки меж гряд,
Там, где мы хоронили
Умиравших котят.
Лет с восьми, но не боле,
А быть может, и в пять
Радость сердца от боли
Я устал отличать.

III

Скучно было в бараке:
Жили, еле дыша,
Лишь при помощи браги
Оживала душа.
И тогда уж весенней
Становилась зима.
И являлся Есенин,
И Шульженко сама!

Откровенья, признанья
«Всё выдавших в гробу»,
Никакого роптанья
На былую судьбу.
Эти люди взывали,
Чтоб их взяли на фронт,
Только им зашивали
Мёртвой дратвою рот.
Эти люди хотели
Людам счастье нести.
Наконец отсидели,
Но куда же идти?
Будет время, дождёмся
Справедливых начал.
И тогда улыбнёмся,
«Как Ильич завещал».
А покамест остались
Люди в норах своих,
Разве что отвязались
От овчарок цепных.

IV

Впрочем, что мне пеллагра,
Голод, мат, неуют,
Если завтра нас в лагерь
Пионерский везут!
И велела мне мама:
— На базар побег
И купи три стакана
Кукурузной муки.

Мы добавим картошки,
Есть штук десять у нас,
И изжарим лепёшки
На дорогу для вас.
И побёг я поспешно
На базар городской.
И узрел там потешный
Балаган цирковой.
Мотогонки Морено!
Кто их с чем-то сравнит?
Там не плоская сцена,
А кадушка стоит.
И спиралью коварной
На предельном газу
Казимир с Александрой
Затевают езду.
То один поотстанет,
То другой изнемог,
То друг друга таранят
Насмерть — кончен виток!
И пока ещё рвутся
За душою душа,
Уж Морено смеются,
Мотоциклы глуша.
Вот они показали
Нам свое мастерство.
И навек доказали:
Жизнь — сильнее всего!

V

...Снова к будке билетной
Я тропу пробивал.
Кем я был? Малолеткой?
Или отроком стал?
Смерть есть жизнь,
но в тумане —
Голос свыше мне был.
И конечно, мамане
Я муки не купил.

1988

ГОЛОСА НОЧНЫХ НЕЗНАКОМЦЕВ

Я эту жизнь без памяти люблю.
Так отчего в смятение и тревоге
Я то и дело по ночам не сплю
И ясно слышу чьи-то монологи?

Монолог звездочёта

Как в марте кот, торчу на крыше я,
Я весь пронизан звёздными лучами.
В великие загадки бытия
Впиваюсь ненасытными очами.
Я с детских лет просиживал штаны
Над скучными трудами Птолемея
О влажном будто действии Луны —
Презренный шарлатан и пустомеля!
Но я и сам вычерпываю муть
В колодцах тайн, мне совестно гордиться,
Равно как тем зачёркивать мой путь,
Кому досталась чистая водица.
Но если нет за нашим братом прав
И на сухую корочку почёта,
Пусть лунным камнем бросит космонавт
В забытую могилу звездочёта.

Молитва поварёнка

Дева Мария, заступница наша!
Не допусти, чтоб сгорели гренки,
Или попал таракан в простоквашу, —
Знаешь, как долго болят синяки?
Чищу ли я огурцы для салата
Или слежу, чтоб не выкипел суп, —
Только и думаю: может, когда-то
Был поварёнком и бедный Иисус?
Страшен, как склеп, этот пасмурный замок,
Окна в помёте летучих мышей.
Хоть бы единственный Солнечный Заяц
Не погибал от кухонных ножей!
Снимут с него золотистую шубку,
Вымочат в уксусе и — на плиту...
Помнишь, как воины в уксусе губку
Вместо воды подавали Христу?..
Плачет в постели больная сестрёнка,
Стража полночная в колокол бьёт...
Дева Мария, убей поварёнка,
Пусть только Солнечный Заяц живёт!

Монологи повара

I

Ни знать, ни чернь не могут без еды,
Солёной, сладкой, острой или пресной.
Напрасны философские труды:
Духовной пищей жить неинтересно.

Пока мудрец молчание хранит,
И кофий пьёт, и ждёт пищеваренья,
Уж мать дитя любимое бранит
За ложку ежевичного варенья.
Нет! Человек не только хлебом сыт! —
Вы возмущённо машете руками,
И слёзы льёт в моей кладовке сыр,
Огромный, рыхлый, как цедильный камень.
И в бесконечной темени ночей,
Где вечный спор ведут душа и тело,
Пылает Марс — планета палачей
И поваров, уставших до предела.

II

Из кулинарной книги старых лет
Послушайте затейливый рецепт:
Вот глухари — Бетховены лесные,
Сражённые под песню наповал
(Уж больше им сонат не токовать),
Лежат на блюдах, как в гробах роскошных,
Украшены заботливой рукой
Брусникой, мандаринами и вишней...
О, это неземное объеденье!

Монолог любопытного человека

Дитя, разбей свои игрушки!
Что там внутри? А ну, давай,
Горошины из погремушки

Проворной лапкой добывай.
Тебя рассерженная няня
Посмела шлёпнуть? Ничего!
Страшнее, брат, непониманье
Устройства сущего всего.
Терпи, непризнанный учёный,
Готовься, маленький герой,
И к Сиракузам осаждённым,
И к Петропавловке сырой.
И в грозный час, не цепenea,
Ты убедишься, фантазёр,
Что тайна мира жжёт сильнее,
Чем инквизиторский костёр.

Монолог Фауста

Я пытаю железо и серу,
Задеваю огонь бородой,
А за окнами в сумерках серых
Ждёт чудес Академгородок.
Мефистофель, голубчик, смотри-ка,
Вот в пальтишке на рыбьем меху
Одиноко бредёт Маргарита,
Без которой я жить не могу.
Я готов под внезапной любовью,
Лишь бы трепет испытывать вновь,
Подписать и собственной кровью,
Но годится ли белая кровь?..

Монолог о войне и мире

Люди, перестаньте воевать!
Пусть уйдут в отставку полководцы.
Что же вы даёте проливать
Кровь свою, как жертвенные овцы?
Люди, перестаньте воевать!
Разве мирный труд вам неужоу?
Разве вам не стыдно вырывать
Друг у друга хлеб и Гроб Господень?
Неужели для окопных вшей
Нас носили матери под сердцем?
Люди, образумьтесь поскорей,
Победите собственное зверство!

Монолог сказочного солдата

— Я бравый сказочный солдат.
Мне служба — трын-трава.
Иду туда, куда велят:
— Ать-два! Ать-два! Ать-два!
Один другому королю
Задумал насолить.
И вот я день и ночь палю,
В кого велят палить.
Меня принцесса в замке ждёт.
Бедняжка без меня
Не ест, не пьёт, лишь слёзы льёт,
Судьбу свою кляня.
Но вот гремит последний залп,

Бежит разбитый враг.
И мы с принцессой пьем бальзам,
Вступив в законный брак.
Я бравый сказочный солдат,
Но очень стыдно мне
Морочить головы ребят
Неправдой о войне.

Монолог зазывалы из тира

Вот вам тир, чтоб стрелять научиться...
Представляете: щёлкнул курок,
И летевшая только что птица
Неподвижно лежит возле ног.
Аккуратно садите по цели,
Прямо в яблочко, не в молоко.
Может, снова дозvoлят дуэли —
Будет друга прикончить легко.
Или враг трудового народа
Побежал — разлюбил Колыму, —
Нажимаешь на спуск — и свобода
Обеспечена тут же ему.
Я-то вдоволь и всласть настрелялся
И напрасно не тратил свинец,
Хоть Суворов когда-то смеялся:
Пуля — дура, а штык — молодец!

Монолог лесоруба

Топор и паспорт — всё имущество.
Живёшь — и чёрт тебе не брат.
Душа — как девка до замужества,
Как топорище, в аккурат.
Завалишь в три обхвата деревце,
И всё ликует во внутренних.
И шелестят, как листья, денежки
В твоих мозолистых руках.
Но вдруг увидишь: возле саженца
Хлопочет с леечкой малыш,
И провалился бы, и, кажется —
Пред грозным Ангелом стоишь!

Голосок из неволи

Сколько разнообразных дорог
До жестокого этого плена
Я прошел, легкокрылый зверёк,
Голубая пылинка Вселенной!
Человек научился летать,
Но летает ещё плоховато,
Потому что свободу, как тать,
Похищает у нашего брата.
Для чего нас в неволе томят?
Мы уже начинаем сердиться...
А вокруг зоососны шумят.
А вдали зоосолнце садится...

Монолог подсадного волка

О, человек! Прости, прости мне! —
Я волк несчастный подсадной.
Стрихнин, свинец... — тебе не стыдно
Так говорить с моей роднёй!
Ведь тайна звёзд едва почата,
И скорый суд — ещё не суд.
А может, истину волчата
Вам в серых лапках принесут?
Вы злобных псов на нас пошлёте,
Но им пощады не видать.
Вы красных шапочек нашёте,
Но ими нас не закидать!

Монологи стариков

I

Годы нас не радуют, не красят:
Ты ослеп, а я с ума схожу.
День рожденья для меня не праздник —
Скоро буйну голову сложу.
Наплевать на всё, приободриться —
Или саван заживо надеть?
Стал злословить, стал на ощупь бриться,
Неохота в зеркало глядеть.

II

В ушах не музыка, а сера.
В глазах не пламень, а зола.
Ушли любовь, надежда, вера,
Тоска зелёная вползла.
А что нам чудное мгновенье
Оставило? Вчерашний суп?
Засахарившееся варенье?
Я верил в счастье, юн и глуп!
Я и теперь не злой оракул —
Душа податлива, как воск.
Но, как искусственный каракуль,
Угрюм и холоден мой мозг.

III

Нагим пришел я в этот мир
Зелёно-голубой.
И ничего в последний миг
Я не возьму с собой:
Ни книг, любезных с детских лет,
Ни сухарей ржанных,
Всё, покидая этот свет,
Оставляю для живых.
Не в барстве дни мои прошли,
И после смерти мне
Четыре кубика земли
Достаточно вполне.

Монолог меломана

А музыка? Ужели и она
От истины навек отдалена?
Когда земля уходит из-под ног,
И злобный рок ступает на порог —
Мне Людвиг ван Бетховен помогает.
Он так хотел, чтоб в нотных чертежах,
В компактности фонической модели
Идущие по лезвию ножа
Хоть слабую надежду разглядели.
Поставь пластинку. Вслушайся в орган.
И оргия слепого урагана
Разбитый мир швырнёт к твоим ногам
И лишь тогда затихнет покаянно.
Но неизбежен солнечный финал!
Жива во тьме единственная искра!
А разве ты и сам не понимал,
Что счастье есть, хотя оно не близко...

1964—1988

**ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ
СТИХОВ (1982—2002)**

x x x

Маленькая чайка
Неизвестно почему
Крадусь, как чайка,
Трогала брыз.

Вот и вот, вот,
Видно пока,
Словно ты что ты
Сгинула за века.

Но одна маленькая
На земле угадет.
И евангельские тексты
В сердце западет.

26/VII - 2001

* * *

Мы плыли в лодке-плоскодонке.
Горой встающая волна
Мне, старику, и ей, девчонке,
Была нисколько не страшна.

И удаляющийся берег,
И в чёрных избах жёлтый свет
Не в силах были разуверить,
Что даже в смерти счастья нет.

1982

* * *

— Что такое, — вы спросите, — счастье?
Отвечаю вам: призрак и дым.
Я всю жизнь принимаю участие
В бесконечной погоне за ним.

* * *

Снится мне юное счастье во сне:
Будто приехала дева ко мне.
Будто у ней золотые власа,
Будто у ней голубые глаза,

Будто у ней голосок-ветерок,
А на губах её сладостный сок.
Милая, милая, как я боюсь:
Не налюбуюсь тобой и проснусь.

* * *

Трещат в печи дрова,
Мурлычет, щурясь, кошка.
Быть может, ты права,
Что жить и так вот можно.
Но только ты уснёшь,
Я высвобожу руку
И выбегу под дождь,
И грудью встречу выюгу.
Согбен, седоволос,
Не верующий в чудо,
Серебряники звёзд
Считаю, как Иуда.

1983

* * *

В моём окне мелькнуло платье,
Но это было не оно,
А разыгравшееся пламя
И драгоценное вино!
Все поиски мои бесплотны
И рассужденья холодны,
А крылья птиц неперелётных
В осенних кронах сожжены.

И что нам надо, что нам надо,
Помимо маков за окном,
Помимо мук земного ада
И испытания огнём?

* * *

Нам в детстве было очень плохо,
Добро — солдат сухарик даст.
Однако Незнакомка Блока
Нисколько не чуралась нас.

И Незвестная Крамского
Смотрела грустно со стены.
И что ж тут странного такого,
Что мы в искусство влюблены?

Одна на всех была кровать,
В прихожей снег лежал не тая,
И всё же Тучка золотая
У нас любила ночевать.

* * *

Даже там, где у червя
Было много больше света,
Половину жизни я
Жил, не жалуясь на это.
Постепенно входишь в роль
Жизни рабской и согбенной,
Выдаёшь наружу соль,
Веря ценности сомненной.

Лишь солёные глаза
Первой девушки прелестной
С этим сравнивать нельзя —
Соль подземную с небесной.

* * *

Любите, любите, любите,
Пока не остыли сердца,
И вашу родную обитель,
И матушку в ней, и отца.

Любите леса и долины
(Ведь жизнь для того и дана),
И каждую букву Марины,
И Осипа все письма.

Забудьте пути к поединку —
Сурова людская судьба,
Но даже младую былинку
Не ставьте прениже себя.

1988

* * *

Весна, похожая на осень:
Такие тучи за окном.
Так ветер воющий несносен,
Что спал и спал бы мёртвым сном.
Ни лепестка, ни птичьей трели,
Как будто всё вернулось вспять,
Как будто птицы улетели,
Хотя им время прилетать.

1990

Уж красно лето за плечами,
 В осеннем небе влажный пар.
 И сад шумит, как медный чайник,
 И лес гудит, как самовар.
 Как будто матушка-природа,
 С которой так отрадно жить,
 Нас перед стужей-непогодой
 Желает чаем угостить.

КАРТОШКА

Идиллия бабьего лета.
 Теплынь, тишина, благодать.
 Ходить бы с корзинкой по лесу,
 Да надо картошку копать.
 Иные её покупают,
 А нам её дарит наш труд:
 Обычно мужчины копают,
 А женщины в вёдра кладут.
 Давно ли цвела она цветом
 Сиреневым, белым как снег —
 Не надо быть вещим поэтом,
 Чтоб видеть, как краток наш век.
 Закусим картошкой печёной,
 Сухую ботву подпалим
 И станем глядеть отрешённо,
 Как всё превращается в дым.

Сентябрь 1990

* * *

Есть ли тёмно-красное пальто
У тебя, дивчина?
Или я на улице пустой
Повстречал
осеннюю рябину?

* * *

Пускай я совсем не поэт,
Пускай все стихи мои — бред,
Я буду писать и писать —
Мне совестно Музу бросать.

22 сентября 1990

* * *

Холодно. Хочется к печке,
Чтобы трещали дрова,
Или под крылышко к песне —
Райские перья — слова.
Только не под одеяло,
Чтобы оно укрывало...

* * *

Чем ближе смерть, тем жизнь дороже,
Тем больше этой жизни рад.
И раб я твой, Великий Боже,
И неразумный младший брат.

9 октября 1990

* * *

Не убий!
Но я часто о том забываю,
Но я время своё убиваю.

* * *

Как я, жалкий ротозей,
Продремал своих друзей?
Только мёртвые одни
Ходят по ночам ко мне.
— Уходите, — я кричу,
Не до вас, я спать хочу.
— Ничего, поспишь потом
Беспробудным
вечным сном.

* * *

Всё-то мне кажется, будто я лишний,
Будто чужой небесам и земле.
Слава те Господи, звёздочки вышли,
Светят, горят — не бросают во мгле.

* * *

Если бы Богу молиться
Время у грешных нашлось,
Меньше бы слёз стало литься,
Меньше бы крови лилось.

26 октября 1990

* * *

Допил бутылку, закурил
И думаю: зачем
Меня Всевышний сотворил? —
Я слеп, я глух, я нем.

* * *

Не люблю язык чесать в гостях.
Что я знаю, старый холостяк?
Знаю — жизнь прекрасна и страшна,
И кратка, и тягостно-длинна.

ЖИТИЕ

Помолился. И вот приступаю
К описанию жизни моей.
В прошлом времени тихо ступаю.
Головой побелевшей киваю
Вереницам знакомых теней.

* * *

Ура, я всё ещё живой
Среди живых людей!
По зорям слышу волчий вой
И трубы лебедей.

* * *

Доколе я мучиться буду
Недопонимая одно:
Зачем же крещёному люду
Предсмертное счастье дано?

* * *

Отворил я оконные рамы,
За которыми нет уже мамы.

* * *

Скажи мне, что это такое:
Старик, я вдруг стал как дитя.
Проживши полжизни с тобою,
Я снова влюбился в тебя.
Ты знаешь — я врать не искусен,
Но радость в груди ожила,
Но хлеб удивительно вкусен
И каждая травка мила.
И грома весеннего грохот
Средь ясного майского дня
Как радостный голос пророка,
Как Тютчева, тешит меня.

18 сентября 1991

* * *

Какое солнце в небе ясное.
.....
О, упование напрасное.

* * *

Мне снился рай и там, в раю,
Я видел матушку свою.

* * *

Промелькнуло лето,
Осень отошла.
Почитаю Фета —
Вот и все дела.

* * *

Любимая моя,
Пройди с улыбкой мимо,
И стану думать я,
Что смерть непобедима.

* * *

Сплошная ночь вокруг томится
И дух твой недугом смятён.
Шуршит, как мышь в норе, страница,
Ненавевающая сон.

Читаешь старые романы,
Жалеешь милых героинь,
Но чувствуешь, что всё — обманы,
Куда ни глянь, куда ни кинь.

А утром снова солнце светит,
Играя росами в траве.
Но и оно нам не ответит:
Одна судьбина или две.

* * *

Мне горько жить на белом свете,
Но вот являются порой
Мужчины, женщины и дети —
И всё не так, и пир горой!

Мы все ликуем и смеёмся
И только дома у себя
Своим заботам предаёмся —
Одна печаль, одна судьба.

* * *

Какими были мы в начале
Своей неведомой судьбы?
Мы ничего не замечали,
Окроме маминой груди.

Потом отец ржаные крошки
Стал добавлять в мои глотки.
А там по сталинской дорожке
Носиться стали «воронки».

Теперь иные есть машины:
«Продукты», «Мебель», «Молоко»,
И только днём шуршат их шины,
Но жить, как прежде, нелегко.

Нас навсегда оклеветали.
Нас запугали до конца —
И горькой маминой печалью,
И тайной гибелью отца.

В нас появилось озлобление,
И сила воли, и упрёк,
И для грядущих поколений
Святой, бесхитростный урок.

* * *

Людей не надо разделять
Ни на плохих, ни на хороших,
Ведь всё от их житейской ноши
Зависит, надо полагать.
Ведь всё зависит от судьбы —
Врагом сочтут или героем,
Уложат в красные гробы
Иль в общий ров тебя зароят.

* * *

Представь, что не строчки
Читаешь в тиши,
А в утлом возочке
Куда-то спешишь.

Да здравствует ссылка,
Да здравствует гнёт,
Коль скоро Россия
Тебя обоймёт.

ДЕРЕВЯННАЯ ПЕРМЬ

Деревянная Пермь,
первозданная Пермь,
Где твои терема
и часовни теперь?
На крылечко тесовое уж
не шагнёшь
И Отечества «сладостный дым»
не вдохнёшь...
Деревянная Пермь, ты в себе
не вольна,
Ты на снос власть имущими
обречена.
Худо дереву стало!
Бетонная тьма
Сокрушает, теснит наших
предков дома.
И на весь этот ужас,
на весь этот ад
Деревянные боги
печально глядят.
И мне кажется, что в этой
битве времён,
И над ними безумный
топор занесён.

* * *

Охочие до мяса
и до мёда,
О, как вам, люди,
нравится природа!
Из трупов сосен
сложены жилища
И ваши бани,
ваши нужники.
Плоть ваших братьев меньших —
ваша пища,
А снятая с них кожа —
башмаки.
А сколько бедных птиц
вы ощипали,
Чтоб ваши девки
сладко-сладко спали.

* * *

Старушка просит подаянья,
Старик в помойке ищет кость —
Вот президентские деянья,
Вот как народу жить пришлось.

* * *

Хотелось бы не так писать уметь,
Чтоб массовых читателей иметь.
Мои стихи для тех, кто одинок,
Они — воды и воздуха глоток.

* * *

Когда ни кусочка в столовой,
Когда ни глоточка воды —
Великое русское слово
Останется нам за труды.
И что ещё нужно иного?
Нет горше и слаще беды.
Великое русское слово —
Его золотые лады.

* * *

Горят стихи моих тетрадок.
Ура! Повержена тщета.
И дым отечества нам сладок,
Как совмещённые уста.

ЦЕНА

Суровая доля,
Шальная цена
Покоя и воли
Во все времена.

* * *

Найти бы мне корень женьшеня
В глухих Уссурийских лесах,
Чтоб ты, от него хорошея,
Не таяла бы на глазах.

И шапку достать — невидимку,
Чтоб вроде я был в стороне,
И ты бы оставила думку,
Что чем-то обязана мне.

* * *

Ты — как белая овечка,
Неземная чистота.
Я — как тающая свечка,
Вместо света — темнота.

* * *

Почему мы не вдвоём,
Почему не вместе?
Я — в чуланчике своём,
Ты — в своём поместье.
Почему мы не чета,
Почему не пара?
Ты — высокая звезда,
Я — свечной огарок.

* * *

Не знаю — себя ли жалею,
Тебя ли, обоих ли нас —
Но мне одному тяжелее
Намного бывает подчас...

Не смею задерживать Вас,
Хоть знаю, как плохо мне будет
Без ваших доверчивых глаз,
Без вашей застенчивой груди.

Не по мне мировое пространство!
Хорошо, что на шаре земном
Есть моё тридевятое царство
И бревенчатый старенький дом.
Там жена моя жарит картошку,
До которой охоч я, плебей,
И поёт за прозрачным окошком
Мой любимый певец воробей.

30 сентября 1995

ПОЖАР В ЗООПАРКЕ

Замкнуло случайно изношенный кабель,
И вспыхнуло красное пламя над Камой!
Пожар в зоопарке! Пожар в зоопарке!
Сгорели павлины, сгорели цесарки.
Поджарились заживо голуби Божьи,
Зато хорошо пообедали бомжи.
Пускай ни за что в КПЗ отсидели,
Зато хоть однажды, как люди, поели.

1995

* * *

Говорят, что счастья в жизни нет.
Как же нет, коль скоро и сегодня
Дети появляются на свет
У людей, у птиц и у животных?

* * *

Раньше, чем в самом деле,
И пьянясь, и пьяня,
Мы глазами раздели:
Я тебя, ты — меня.

Я тебя не обижу
Ни потом, ни пока,
Но сквозь платице вижу
Цвет сосков и лобка.

Сколько будем мы в прятки
С юным чувством играть?
Дни мелькают, как пятки, —
Могут вовсе удрать.

Кто назвал это срамом?
Разве грех целовать
Бело-розовый мрамор
Твоего естества?

И шелковые пряди
Золотистых волос
Разве будут у бляди
Пахнуть лакомством ос?

Разве сока смоковниц
Вместе с пеной морской
На одну из любовниц
Не нашли в мастерской?

Не читайте, детишки
До тринадцати лет,
Мои вздорные книжки —
Мой лирический бред.

А балдейте от жвачки,
От бутылки с ситром —
Не от дрезденской прачки
С лошадиным бедром.

12 февраля 1996

* * *

Дайте мне скорей очки —
Записать хочу стихи!
Вы сказали:

— А Гомер,
Мог вслепую, например.
— Да, но я-то и в очках
Сочиняю кое-как!

* * *

Дождь в Перми идёт осенний.
Что ты думаешь под дождь?
Зря зовёшься Алексеем —
Не по-божески живёшь!

Никакой ты не заступник
За народные права,
Лишь толчёшь как воду в ступе,
Хладнокровные слова.

Не напрасно медный Пушкин
Возле клуба МВД
Говорит: — Снеси-ка в нужник,
Что печатаешь в «Звезде».

Что же делать, что же делать —
Посоветуйте, друзья,
В этом мире чёрно-белом,
Если дальше жить нельзя?

И бредёшь ты вброд по лужам,
Опечаленный вельми —
Точно так же людям нужен,
Как осенний дождь в Перми.

13 ноября 1996

* * *

И оденут меня в деревянный тулуп,
И положат в писательский клуб...

* * *

Ты один сидишь в избушке,
Проклиная белый свет.
Нету няни, нету кружки,
Нету устриц, мёду нет.

Нет собратьев из лица,
Нет бывшего торжества.
Остается панацея —
Однозвучные слова.

23 октября 1996

* * *

Я не хочу с тобой беседовать
О том, что было и прошло,
И на шальное время сетовать:
Уж и помедлить не могло!

Но вот что нынче получается:
Кажись, пора давать звонок,
А жизнь идёт и не кончается,
Как в школьной юности урок.

11 декабря 1996

* * *

Тает снег на пригорках и крышах,
Кое-где и цветы расцвели,
И не только грачей мы уж слышим —
Начинают концерт соловьи.
Всё вернулось. Весь мир сохранился.
Так и в прежние было года.
Только ты, человек, изменился —
Постарел, поседел — навсегда.

* * *

В пасмурном небе, как горные кручи,
Серые, синие, чёрные тучи.
Но, несмотря на их камень и лёд,
Ангельским голосом птичка поёт.

* * *

На неведомой поляне
Цвёл цветок. Хвала ему!
О, святое дарованье —
Быть ненужным никому.

1993

* * *

Лето красное прошло,
Осень догорела.
В речку хладную село
Смотрит оробело.
Листья наземь полегли —
Зябнет голый кустик.
До свиданья, журавли,
До свиданья, гуси.

* * *

Я шёл по речке — лёд был тонок,
Но он не гнулся подо мной.
Я был тогда ещё ребёнок —
Без ноши тягостной земной.

* * *

Но если бы горя-печали
Не знали мы в грешной судьбе,
То мы бы и не повстречали
Созданий, подобных себе.

* * *

Ни звёзд, ни солнца в небе нет,
Но хорошо видна дорога.
Откуда же вечерний свет
Повсюду, если не от Бога?

* * *

Любимая, я так продрог —
Пусти скорее на порог.
Не усмехайся, не ворчи,
Дай мне погреться у печи.
Твоей души тепло и жар
Мне ни к чему — я слишком стар.

ИНЕЙ

Снега нет и в помине,
Но повсюду, взгляни,
Серебрящийся иней,
Свет его белизны:
На калёной рябине,
На иголках сосны,

На любой хворостине
Хоть с одной стороны.
Эко чудо Господне —
Как пушинки горят!
— Будет год хлебородный, —
Старики говорят.

* * *

Вот проснулась бабушка,
А потом и дедушка,
А потом и солнышко —
Просыпайтесь, детушки!

* * *

Тень моя устала за день.
Говорю: — Давай присядем.

* * *

После стольких потрясений,
После всех плевков в лицо,
В смерть свою вхожу, как в сени —
Через красное крыльцо.

* * *

Гаснут звёзды на заре,
Сон струится по коре.
Принося нам свет и тень,
Наступает новый день.

В этом призрачном тумане,
В этом детском полусне
Я почувствовал заране
Скорбь, обещанную мне,
Как от печки до порога,
Сам не ведая куда,
Шёл от дьявола до Бога
Без надежды, без следа,
Полусонных листьев шорох,
Тонких веточек стрельбу.
Мы с тобою вместе — оба,
Искупившие судьбу...

* * *

Добрый вечер, жизнь моя,
Ты печальна и сурова,
Всё равно тобою я,
Как мальчишка, очарован.

Потерпи, побудь со мной,
Поброди со мной по свету.
Мне не хочется домой,
Где предвечной жизни нету.

* * *

Давно ли я, ребёнок малый,
О сладком прянике мечтал?
И вот уже, старик усталый,
Я жить надеждой перестал.

Но и в каморке на отшибе
Во время самых чёрных дней
Я всё же говорю спасибо
Несладкой участи своей.

* * *

Пусть тебя крысы и вши
Съели до косточек в детстве,
Ты осуждать не спеши
Жизнь свою, полную бедствий.

Тело твоё и душа
Мечутся в жалком союзе,
Но всё равно хороша
Жизнь без надежд и иллюзий!

* * *

Корку знаний доедая
У порога своего,
Голова моя седая
Не постигла ничего.

Ни строения Вселенной,
Ни свеченья мёртвых звёзд,
Ни значенья нашей тленной
Жизни, полной детских грёз.

* * *

Ночевала золотая
Тучка на груди.
Ах, зачем мы всё мечтаем?
Разберись пойдя.

* * *

Буря мглою небо кроет...

А.С. Пушкин

Снова ветер гонит тучи
Прочь куда-то с мест родных,
И живого солнца лучик —
Утешение для них.

И трава склонилась долу,
И пичуги не поют,
Ибо все чужую долю
Ощущают, как свою.

* * *

Знаю, знаю, где на грядке
И ростки, и сорняки.
Знаю, знаю, где в тетрадке
Ерунда, а где стихи.

Знаю, все мои тетрадки,
В письменах руки хмельной —
Только почва, только грядки
Для поэзии иной.

* * *

Лист с пречистой белизной
Строки с пьяной кривизной
Замарали, извели,
Надругались, как смогли.

Кто бы только посмотрел,
Как же он в печи горел —
Словно солнце, словно мак —
Вот в печи он вспыхнул как!

* * *

Когда нам расставаться
Придётся наконец,
Не надо плакать, братцы, —
Меня простит Творец.
Но будете не правы,
Как всякий лгун и льстец,
Земной фальшивой славы
Напяливать венец.

* * *

Чего мы у Господа просим,
Он трудно навстречу встаёт,
Но светлую русскую осень
Он нам безотказно даёт.

Мы ходим, грибы собираем,
Малину душистую рвём,
И кажется истинным раем
Земля, на которой живём.

Потом завывают метели
И волки, как бесы, поют,
Но как бы мы это стерпели,
Коль не побывали б в раю?

* * *

Воет ветер, такой одинокий,
Стонет, плачет, не может уснуть.
У него есть и руки, и ноги,
Но неведомо — где прикорнуть.

* * *

Снег лежит ещё, не тает,
Только снится нам трава,
И морозец доедает
Запасённые дрова.

* * *

Не помню, какого числа,
Какого и месяца даже
Ко мне ты однажды пришла
И мы с тобой сдвинули чаши.

Потом мы легли на кровать,
Не зная друг друга доныне,
И стал я тебя целовать,
Как чистую воду в пустыне.

Насколько, мне кажется, снег
Не скрыл ещё стылых колдобин,

И я оторваться от век
И губ твоих был не способен.

Я сделался вдруг невесом,
Совсем потерял свой рассудок,
И мы, позабыв обо всём,
Любились в течение суток.

Потом ты неслышно ушла,
Собою меня переполнив.
Не помню, какого числа,
И месяца даже не помню.

* * *

На тебе простое платье,
Ни помады, ни духов,
Но сомкнуть свои объятия
Может лучший из богов.

Сам себе уже не верю
Возле прелестей твоих,
Не находку, а потерю
Ощущая каждый миг.

Чем старше, тем яснее
Вспоминаю по ночам
Соловьиную аллею —
Наколдованную нам.

* * *

Любовь последняя моя,
Нескромно славить наши чувства.
Но это истинное чудо —
Почти за гранью бытия.

* * *

Небо в крови человека,
Небо в составе цветка,
Небо в росинках и реках,
В ангелах и облаках.

* * *

О, как страшно иногда
Вспоминать про реку Лету,
Как не хочется туда,
Где тебя, земляца, нету.

* * *

Я боюсь, что сказать не успею
Под сугробом холодных седин,
Я боюсь, что сказать не сумею
То, что знаю я только один.
Что поедет «дырявая крыша»,
И в душе не останется огня,
И никто никогда не услышит
Ожидаемых слов от меня.

* * *

Выпил рюмочку, другую
И сижу пишу стихи,
И душой своей торгую,
Всем обетам вопреки.

* * *

Налей мне, друг, стакан вина,
Не надо никакой закуски.
Не преступленье, не вина,
Что мы с тобою пьем по-русски.

Ведь оттого-то мы и пьем,
Что все вокруг на нас в обиде,
Что мы и плачем, и поём
Гораздо легче в пьяном виде.

* * *

Кому какое дело,
Любимая моя,
Душою или телом
Твоим люблюсь я?

Пускай сосед-чинуша
Опять всю ночь не спит,
Чтоб через стенку слушать,
Как наш топчан скрипит.

Как я тебя целую
Безжалостно взасос,
А за окном балует
Безжалостный мороз.

* * *

О, пустые надежды
Страсть свою превозмочь,
Но ведь ты без одежды —
Словно белая ночь.

* * *

Мне бы лучше умереть,
Чем печальными очами
На тебя, мой друг, смотреть
Бесконечными ночами.

Мне бы лучше ничего
Не разглядывать сейчас,
Кроме тела твоего
И души твоей прекрасной.

26 декабря 1997

* * *

Ты, уснувшая, лежала —
Под щекой была рука.
Сколько жизни убежало
Безвозвратно, как река.

* * *

Я стар, я немощен, я грешен,
Я нахожусь в конце пути.
Я не смогу тебя утешить.
Прости.

* * *

Что за диво — Новый год,
А ко мне никто нейдёт.
Тусклый свет в моём доме
Не на радость никому.
Приходи, мой друг, ко мне
Помочь усы в вине.
Может, в следующий год
Гость с косою ко мне придёт.

* * *

Шёл навстречу человек,
Не весёлый, не унылый.
— А куда ты, имярек,
Держишь путь?
— К своей могиле.

А за ним идёт другой
В лихо сдвинутом берете.
— А куда ты, дорогой?
— В бесконечность и
в бессмертье.

* * *

Имею ли я право,
Рассудку вопреки,
На почести, на славу
За жалкие стишки?
Дойти до самой сути
Была моя мечта,
И мне довольно в супе
Лаврового листа.

* * *

В этот мир я пришёл навсегда —
Мне, безумному, так показалось.
Надо мной голубая звезда
И жалела меня, и спасала.

* * *

Снова белые ночи.
Снова песнь соловья.
Дай мне, Господи Отче,
Путь в родные края.

Дай мне светлые силы
При седой голове,
Чтобы петь о России,
Как поёт соловей.

Дай мне светлой печали
Вместо чёрной тоски,
Чтоб стихи зазвучали,
Как весной ручейки.

Чтоб, восстав над бедою,
Всех на свете людей
Не болотной водою
Я поил, как злодей.

* * *

Не так уж давно мы узнали,
Живя по кремлёвским часам,
Что дьяволу продал нас Сталин
И дьяволу продан сам.
А правды глубокой криницу,
Работая ночью и днём,
Нам выкопал наш Солженицын
Своим арестантским кайлом.

* * *

Счастливая мама
 просила сына:
— Взгляни, как по небу
 плывут облака.
Вот это твой дедушка
 старый, седой,
С его шевелюрой,
 с его бородой.
Вот это твой
 в белой
 рубашке отец
Куда-то направился,
 видишь, малец?

А это вот —
 бедная мама твоя,
С лицом утомлённым,
 белее белья...
Закрой свои глазки,
 в себя загляни —
Там добрые сказки и
 страшные сны.

* * *

У любви у нашей срок —
Как у спички огонёк:
Чиркнул, вспыхнула — и нет,
И иссяк волшебный свет.

Превратился светлячок
В жалкий чёрный червячок.
Но и он ещё во мгле
Пальцы жжёт тебе и мне.

27 июля 1998

* * *

Опять за окошком ненастье,
Опять за окошком темно.
А нам с тобой выпало счастье
Сидеть, попивая вино.
Довольно чуть-чуть шевельнуться,
И можно перстами коснуться

Твоей лебединой руки.
И радость, и недоуменье —
И страшно, что это мгновенье
Исчезнет всему вопреки.

* * *

Моя суровая подруга,
Вольно тебе меня ругать,
Но неизбежную разлукой
Меня не следует пугать.

Ведь у любого человека,
Хорош он или очень плох,
Ещё есть тень, ещё есть эхо,
И он не будет одинок.

* * *

Ну, улыбнись, моя хмурая женщина.
Если копить все обиды в душе,
Там, где была незаметная трещина,
Будет бездонная пропасть уже.

* * *

Деревья, часовенки и облака
В своей чистоте отражает река.
А то, что присуще одной только ей,
Не может увидеть в прохладе своей.

* * *

Там, где течёт зеркальная река,
Двоятся солнце, вербы, облака,
А своего подобья, двойника,
Не создала ни разу за века.

* * *

Что за мною ты идёшь,
Тень послушная моя,
Или дела не найдёшь
Посерьёзнее, чем я?
Отчего же я и сам
Поспешаю за тобой —
Светит солнышко ли нам
Или месяц голубой?

* * *

Пусть Вас поглотила могила,
Что мохом сырым поросла,
Бессмертная слава и сила
От Вас никуда не ушла.

Я школьный учебник листаю,
Я вижу Ваш тусклый портрет
И радуюсь, млею и таю,
Хотя Вас в живых уже нет.

Прошедшая бренное тленье,
Взошедшая в небытиё,
Попавшая в стихотворенье,
Увы, не твоё и моё.

* * *

Сегодня ночью выпал снег —
Снег не вернёшь обратно,
вверх.

* * *

Я шёл по земле и не видел земли.
Мозоли и шрамы меня обросли.
Но небо ко мне прикоснулось на миг,
И в новом я свете воскрес и возник.

* * *

Прилетела голодная птица,
Посмотрела случайно в окно.
Ах, какая она мастерица
Добывать из-под снега зерно!
Расколупывать носиком льдинки,
Чтобы жалкую крошку добыть.
Вот бы нам в половом поединке
В нашем доме такими же быть.

* * *

В нашей комнатке-каморке
Три огарочка свечи.
Кем казалась ты мне, кроме
Царской дочери, в ночи?
Как я сам себя боялся,
Вроде жалкого раба,
Как трусливо раздевался,

Как робел раздеть тебя!
Как от страха вдруг темнело,
Как менялось всё вокруг,
Лишь твоё святое тело
Мне мерцало, милый друг...
Как забыть мне чувство это,
В коем вечно были мы —
Озарения и света?
Озарения и тьмы?

* * *

Я не хочу с тобой расстаться.
Я знаю, как в конце пути
Сидеть себе и улыбаться,
С ума стараясь не сойти.

Но что за чудо изумленья,
Какой серебряный сосуд
Твои глаза, твои колени,
Твои уста мне принесут!

Покамест только зимний ветер
Стучит в окошко, ставни рвёт.
Но если чудо есть на свете,
Оно приходит в свой черёд.

* * *

Что ж ты, красная девица, —
Призрак света и огня —
Как далёкая зарница
Исчезаешь от меня?

Я ещё не умираю,
Я ещё силён, как бес,
Я ещё не выбираю
Посговорчивей принцесс.
Мне бы верную подругу
По-медвежьи обнимать,
Мне бы райскую пичугу
Всю в один кулак поймать!
Каково седому старцу
Сказки сказывать о том,
Что уже не может случиться
Ни сегодня, ни потом?

* * *

Мне хочется быть тебе другом,
Защитником, братом, слугой
Затем, чтоб ни пуля, ни выюга
Тебя не согнули дугой.
Мне хочется вечного братства,
А если я стану врагом,
В тебе не хочу оставаться
В зверином обличье, в другом.

* * *

Сдаётся мне,
Что мы с тобой похожи,
 как явь и сон,
Мы говорим
 одно и то же,
Хоть невпопад,
 не в унисон.

* * *

Я думаю: кого ты мне напоминаешь?
Как зимняя пора угрюма, холодна —
Ты всё в душе моей невольно убиваешь,
И вдруг придёшь опять, как ранняя весна.

* * *

Чтобы ночью с милой лечь
Без одежд смогли мы,
Я растапливаю печь
Одами своими...

* * *

Я ждал тебя, и ты явилась,
Услышала, что я зову.
Казалось, это всё приснилось —
Так не бывает наяву.
Зачем в подробности вдаваться,
Зачем по-юному хмелеть,
Когда всё это разорваться
Должно, разрушиться, истлеть?
Зачем любовь?

Зачем участие?

Кому веление дано,
Чтоб две неведомые части
Сливались в смертное одно?

* * *

Жила во Франции певица,
В двенадцать лет уж не девица.
Был голос сильным, как гудок,
Зато слаба на передок.

* * *

Лунный свет.
Я не сплю, как лунатик
В лунном свете стихов.
Где ты, младший мой братик,
Где ты, Слава Божков?

* * *

Умер Виктор Болотов.
Признаться,
Легче стало вирши сочинять.
Некого теперь уже стесняться,
Можно шило мылом заменять.

* * *

В этой жизни заполошной,
В этой доле роковой,
Друг мой, сам ты свой заложник,
Сам ты — избавитель свой.

* * *

Не знаю, что даст ещё Боже —
Небес голубые поля?
И всё же покамест дороже
Мне наша родная земля.

* * *

Сколько лет я пытался осилить
Недоступную тайну земли,
Сколько лет на груди у России
Наши горькие слёзы текли.

Ничего в результате не вышло,
Ничего, как желал, не сбылось.
Оттого всё темнее и тише,
Что написано даром и вскользь.

* * *

Эко место накосила
Белых копен на лугу
Вьюги свищущая сила —
Наглядеться не могу.

Да, покамест хладным снегом
Встали горки серебра,
А весною станут хлебом —
Нету худа без добра.

* * *

Сколько лет я на родине прожил,
Сколько видел лесов и полей,
А она всё милей и дороже,
Всё дороже она и милей.

Чёрным хлебом и чистой водою,
Светлым воздухом, светом извне
Что-то чистое и молодое
Сохраняет природа во мне.

* * *

Кто милее всех на свете?
Кто прекрасней? Только ты —
Не весенний тёплый ветер,
Не душистые цветы.
Не стога в седом тумане,
Не закат и не рассвет —
Перед женским обаяньем
Никаких сравнений нет.
Знает русская природа,
Знает осень и зима,
Что они того же рода,
Что и женщина сама.

* * *

Вот ты, милая, легла,
К белой стенке отвернулась,
И молитву не дочла,
И ко мне не прикоснулась.

Каково же будет мне,
(Если сон мой будет сладок)
Если даже и во сне
Не раскрою всех загадок?

* * *

Я ещё не умер. Я успею
Полюбить любимую свою,
И уж так прекрасно перед нею
Песню лебединую спою!

* * *

Не говори, что ты меня простила,
Не надо мне прощенья на земле.
Оно — сырая тяжкая могила,
Оно — кончина в дыме и золе.
Я сам себя прощу на этом свете.
Я разберусь с собою до конца.
Мы не рабы, мы — брошенные дети
Извечного, прекрасного Отца.

* * *

Дорогая, навеки с тобой
Мы едины, как небо с землёй.
Если тучи бегут по тебе,
То и я обездолен в судьбе.

* * *

Войду в убогую избушку,
На ощупь свечку отыщу
И ненаглядную подружку
Волшебным светом освещу.
Она лежит в моей постели
И детской лапкой трёт глаза,
Но утверждать — на самом деле
Или почудилось — нельзя.

* * *

Я любил тебя нежнее,
Чем черёмуховый цвет.
Я любил тебя сильнее,
Чем весь этот белый свет.
Одержимо, нестерпимо
Бился лодкой о причал,
А в ответ лишь ваше имя
Как подачку получал.

* * *

Что, берёза, скажешь мне?
Я пришёл для покаянья.
Мне привиделась во сне
Низость прелюбодаянья.
Но настолько хорошо
Было мне в мгновенье оно,
Что и телом, и душой
Я забыл себя и Бога.

То, что начало терзать
С той поры меня доселе,
Лишь тебе могу сказать
Без надежды и без цели.

* * *

Ты не знаешь,
 что такое
 старость,
Что такое
 память
 о себе?
В человеке
 мертвенном
 осталось
Представленье
 о другой
 судьбе.

* * *

Господи Боже, любимый наш Отче!
Сжался и кару с нас, грешных,ними —
И за бесстыдные пьяные ночи,
И за пустые, напрасные дни.

* * *

Сегодня или нет,
Вечор или намедни
Исчез наш яркий свет —
Таинственный, последний.
Нам в темноте с тобой
Ничуть не хуже стало,
Но светик голубой
Ушёл, как не бывало.

* * *

Мы вошли в эти
 тесные
 клетки,
В этот мир
 под названием
 жизнь,
Где сидим
 и скулим,
 как калеки,
И пытаемся
 вырваться
 ввысь.
Только смерть
 нам дарует
 свободу,
Лишь она наш
 бесчувственный
 прах

Превращает
 и в землю,
 и в воду —
Позволяет парить
 в небесах.

* * *

Что бы ни было со мною
В этом мире, ничего —
Ни души твоей не стою
И ни тела твоего.
Гром ли в ясном небе грянет
Средь лазури голубой,
А душа твоя не станет
Уменьшаться предо мной.

* * *

Там, где с тобой никогда мы и не были,
В море ли синем, в заоблачном небе ли —
В чуждой и милой сторонке чужой
Мы много раз побывали душой.

* * *

Когда цветёт миндаль,
Когда проходит холод,
Мне больше жизни жаль,
Что я не так уж молод.

* * *

Опять у нас метель метёт
И дикий ветер завывает.
А где-то там урюк цветёт,
Где нас с тобою не бывает.
А где-то там цветёт миндаль,
Где теплота преобладает,
Но в эту сказочную даль
Один из сотни попадает.
А мы на севере живём,
А мы цинготными зубами
Хлеб подмороженный жуём,
Но всей душою — вместе с вами.

* * *

Всё дано мне от Господа Бога:
И душа, и мои телеса,
И кривая по жизни дорога,
И другие его чудеса.
И слепая короткая память,
И сумбур вовнутри и вовне,
И спасение наше, и Авель,
Прародители, милые мне.

* * *

На кладбищенском погосте,
То разбросаны, то в ряд,
Превратившиеся в кости,
Люди русские лежат.

Никогда они не встанут,
Не попросят есть и пить,
Рук молящих не протянут —
Будут честно тлеть и гнить.
Говорят, другие жизни
Им дарованы не здесь,
Только где такие линзы,
Чтобы это разглядеть?

* * *

Тихо-тихо на кладбище:
Все тропинки спутал мох.
Здесь никто родных не ищет,
Здесь бывает только Бог.

* * *

Эта жизнь — этот сон беспробудный:
И дремота, и тяжкий кошмар,
А пройдёт — ещё более трудно
Ощущать, как ты жалок и стар.

Этот горький и сладкий осадок
В глубине, как чужое вино,
Эта лёгкая дымка досады,
Что иного уже не дано.

Этот гром среди ясного неба,
Вышибающий слёзы из глаз, —
Был действительно ты или не был —
Вот о чём я мозгую не раз...

* * *

Но ты, мерзавец, врѣшь
Надменными устами.
Но ты не отберѣшь
Придуманного нами!

* * *

Метрах в трёх с половиной
От меня, в высоте
Слышен щёлк соловьиный,
Дивный по красоте.

* * *

Набрал цветов, грибов и ягод,
И представляю, как они
У нас на стол на кухне лягут
И озарят глаза родни.

Иду, одаренный природой,
Но всё же стыдно за себя:
Пчела останется без мёда,
Червяк голодный — без гриба.

* * *

Опять зима. Опять покров
Снегов серебряных сюрпризных,
Опять стрельба смолистых дров,
Нас возвращающая к жизни.
Всё впереди — и хлад и мгла...
Зато зима, как жизнь, долга.

* * *

Я отчую землю
 крест-на-крест прошёл,
Я в каждые ставни стучал,
Но краше тебя
 никого не нашёл,
Нигде не обрёл Идеал.
Я плакал, я падал,
 я лез на рожон,
В снегах по-пластунски скользя,
Но очи и губы забытых икон
Твердили:
 — Не надо, нельзя.

1999

* * *

Я жалкий Овен, ты — Весы.
Я — жертва Богу, ты — торговли.
Я говорю себе: не спи,
Ведь в жизни нет надёжней ровни.

* * *

А мысль одна гнетёт меня подспудно,
Мышиной лапой мозг скребёт:
Ты — Господом изваянная чудно,
А я был слеплен им — наоборот.
Остатки глины он месил лениво,
Вот почему такой я некрасивый.

* * *

Чем закончится наша размолвка —
Кратким миром и ссорою вновь?
В нашем возрасте просто неловко
Друг у друга высасывать кровь.
У меня есть бутылочка с ромом,
Выпьем и сговоримся на том:
Будешь тучею — я буду громом,
Будешь дудочкой — я пастушком.

* * *

(вариант)

Чем закончится наша размолвка —
Примирением? Я бы хотел
Не овечкою быть и не волком,
Чтоб никто никого бы не съел.
У меня есть бутылочка с ромом,
Выпьем и сговоримся на том:
Будешь тучею — я буду громом,
Будешь снегом — я буду льдом.

* * *

Хорошая птица, как старая мать,
Червей поедает, чтоб нас им не жрать.

Что же сделалось со мной?
Я живу, убогий старец,
И печальный голос мой
Вдаль стремится, как скиталец.

Нет, я знаю хорошо:
После долгого страдания —
Всё сотрётся в порошок
Для иного созиданья.

Только дерево цветёт
Дольше нас на этом свете,
Только иволга поёт,
Нам свои оставив сети.

* * *

Смакуйте прелести. Толкуйте
О каждой складочке.

А мне
Венеры мраморные культы
Напоминают о войне.

20 апреля 2000

* * *

Опять весна волнует кровь,
И народились детки —
Надежда, Вера и Любовь —
У сердца в тесной клетке.

15 мая 2000

* * *

Я никогда не совпадал
Своими чувствами с природой.
Увы, увы, всегда я ждал
Иного света с небосвода.

Лишь с появлением твоим
Всё смысл особый обретает —
И лес, и сад, и цвет, и дым,
Который тихо в небе тает.

* * *

Видишь,
 снег уже растаял,
Видишь,
 травушка взошла,
Видишь,
 бабочка летает,
Видишь,
 зимушка прошла.
Видишь,
 кончились метели,
Свод у неба голубой,
Не напрасно
 мы в постели
Обнажаемся с тобой.

* * *

Я не хочу загадывать на годы.
Я даже дня грядущего страшусь.
Пусть всё земное вдруг покроют воды,
А я тебя спасу и не лишусь...

* * *

Как быстро время пролисталось
Наш фантастический роман —
И вот уже меня не стало,
Моя рапира отблестала,
И кровь течёт из многих ран.
Я был достоин пьедестала,
Я был героем многих стран.
Мне извиняться не пристало —
Я только Богу Богом дан.

* * *

Я пришёл к тебе проститься,
Принести букет цветов.
Оказалось, ты, как птица,
Скрылась выше облаков.

Выше рая, выше ада
Унеслась, меня не ждя.
Ничего уже не надо
Мне не будет от тебя.

27 декабря 2000

* * *

Смерть? На что она похожа?
С чем ещё её сравнить? —
Сиротливая рогожа,
Оборвавшаяся нить,
Лучезарное затмение,
Перекрытый кислород,
После тленья и забвенья —
Воскрешенье в свой черёд?
Ничего в ней не смекаю,
Ничего не подскажу,
Лишь дрожащими руками
В знак сомненья развожу.

26 июня 2001

* * *

Маленькая стайка
Неизвестных птиц
Крадучись, как шайка,
Пролетела близ.

Вот и мы, поэты,
Видные пока,
Словно птицы эти
Сгинем за века.

Но одна малютка
Наземь упадёт
И стенаньем жутким
В сердце западёт.

26 июля 2001

* * *

Пушкин, Лермонтов, Есенин,
Блок, Ахматова, а там
Никого... В какие сени
Спрятан Осип Мандельштам?
Принимайте, чаем с солью
Угощайте —

он ваш друг,
Хоть его судьбой и болью
Не замкнётся тесный круг.

* * *

Какая здесь флора и фауна,
Какой замечательный дом!
На даче у доктора Фауста
Сидим мы и дьявола ждём.

* * *

След на земле по себе
оставляет не каждый...
О, как запутались мы
в суетной кабале!
Всё-то нам кажется,
будто вернёмся однажды,
Чтобы оставить
свой собственный
след на земле.

* * *

В стылых лужах кривая дорога,
Молчаливый лесок негустой.
Видно, кончились краски у Бога,
Есть один карандашик простой.

* * *

Вчера в одном читальном зале,
Где я стихи свои читал,
Мне почитатели сказали,
Что я уже бессмертным стал.

Недалеко до погребенья.
И может, я теперь уже
Ни одного стихотворенья
Вам не оставлю по душе.

* * *

Каким же он будет, последний мой стих?
Наверно, о людях хороших, простых,
О солнце, о птицах, о нежных цветах,
А может, всё будет не то и не так.
Быть может, сломается мой карандаш
И вас рифмоплёт не обрадует ваш.

Уже на части сердце рвётся,
Шальная кровь стучит в висках,
А стих желанный не даётся,
Витает, реет в облаках,
Тремя перстами буквы-зёрна
Поспешно сыплю на тетрадь,
Как будто это так зазорно
На воле жертву оставлять.

Мы ещё не сломались,
Не волнуйся, будь спок.
Приносил меня аист,
Увозил «воронок».
В бесконечных кошмарах
Срок считая, как стаж,
Мы лежали на нарах
Возле грязных параш.
Мы потом выходили
На свободу, но там
Мало что находили
Незнакомое нам.

Вот ты умер. Вот ты стих.
Вот ты чем-то странным стал.
И врагам не дал под дых,
И друзей не обласкал.

* * *

Всё, что в памяти моей
Сохранилось, схоронилось,
Я б хотел в кругу друзей
Рассказать — явите милость.
Но извольте замолчать,
Если друг открыться хочет,
И не знает, как начать,
И не знает, чем закончить...

* * *

Лужи, кто их выпорол? —
В крупных волдырях,
Шиворот-навыворот
Листья на ветвях.
Ах, судьба-негодница,
Скоро распогодится.
Всё живое, радуйся!
Потеплеют градусы —
Милая земля
Всё начнет с нуля.

* * *

Не старайся из кожи лезть,
Не ори же на всю планету.
И у шёпота эхо есть,
Достающееся по секрету.

* * *

Ты любишь жизнь,
Я жизнь люблю,
Хотя об этом не шумлю.

Ты хочешь жить,
Я жить хочу,
Хотя об этом и молчу.

* * *

Вот закопчённый чайник,
Вот кружка для питья,
И я сижу, молчальник,
В разрухе бытия.

Осталось мне немного,
Всё пропето в пути
И до молчанья Бога,
Увы, не дорасти.

* * *

Жизнь тебя не запятнала,
Не оставила печать —
Вот достойное начало
Перед Богом отвечать.

* * *

Где я слышал этот голос?
Где я видел этот лик?
Серебристо-сед мой волос,
Я — безумец, я — старик.

Но мне хочется, однако,
Перед тем, как опочить,
Вроде огненного знака
Что-то ближнему вручить.

* * *

Дай мне руку, друг мой новый!
Я свою не замарал
Ни людской безвинной кровью,
Ни о дьявольский металл.

Я своей рукою правой
Лишь молился на Христа
И не выпачкал неправдой
Белоснежного листа.

* * *

Не верьте мне, люди, не верьте,
Но я-то уже не треплюсь:
Я жизни боюсь, а не смерти,
Я собственной жизни боюсь.

* * *

Ночь, но мне никуда неохота
Уходить дальше вздоха от вас.
Я же знаю, что за поворотом
Я начну возвращаться, крадясь.
Чтоб дежурить под жёлтым окошком,
Ожидая — мелькнёт силуэт,
Если вы, моя милая крошка,
Не успеете выключить свет.
А потом в чёрной раме оконной,
На куске этой проклятой тьмы
Я создам ваш портрет обнажённый,
Потрясая людские умы!
Напишу ваши плечи и руки,
Ваши брови и ваши глаза,
И всё то, что согласно науке,
Рекламировать в массах нельзя.
И пойду я домой, улыбаясь,
Сотворивший картину в уме,
Вызывая смертельную зависть
Всех, кто и не слыхал обо мне.

* * *

Чуть завизжу, ещё не приникну,
Не прильну — а уже во хмелю.
Я к тебе никогда не привыкну —
Я тебя всё сильнее люблю!

Коротки эти вешние ночи:
Только ляжешь — и надо вставать.
Не успеешь ни руки, ни ноги
У любимой исцеловать.

* * *

Где когда-то
 колокольчики
Заливались
 в старину,
Там сегодня
 дальнобойщики
С ног сшибают
 тишину.
 Весна 2002

* * *

Ничего уже мне не осталось
После детства весёлой поры.
Память долго на месте топталась,
Раздавая цветные шары.

Ничего не удержишь руками,
Понапрасну сдирая их в кровь,
Чтобы эта небрежная память
Удержала былую любовь.

Впрочем, что же над нею глумиться
Всем стараньям её вопреки,
И она ведь могла притаиться,
Сберегая свои тайники.

* * *

Жёсткое, смутное время.
Тебе никогда не везло.
И кажется — детское темя
Ещё не совсем заросло.
Пусть я голодал, как собака,
Но с нею кусочек делил.
И в этом бедламе, однако,
Я самым счастливым и был.

* * *

Вот бабушка моя родная —
Мне первой матерью была.
Как описать её, не знаю —
Такая даль времён прошла.
Такая боль в душе осталась,
Такое нежное тепло,
Что никому не удавалось
Воспеть, как в жизни повезло.

* * *

Не думал, что мать потеряю,
Что больше её не найти.
Напрасно теперь повторяю:
— Прости меня, мама, прости.
Увы, мы не встретимся снова,
Осталось одно только слово
На два размыкания губ.

* * *

Медленно, будто бы в гору,
На невидимку-звезду
В необратимую пору
Я, задыхаясь, иду.

* * *

Устал я от жизни недвижимой,
Сосновую палочку взял
И, дверь притворивши, неслышно
Ушёл на далёкий вокзал.

И вот застучали колёса,
Отжав от себя тормоза,
И чистые детские слёзы
Мои увлажнили глаза.

* * *

Вам нравится туман,
Седые перелески?
Но чу, вокруг обман,
Доверчивый по-детски,
Куда всю жизнь иду
В неведомом тумане?
А может быть, найду
Цветочек на поляне.

* * *

... И я растворяюсь,
как капля,
в воде.

Я знаю, что буду
всегда
и везде.

26 сентября 2002

Виктор Астафьев «Звук капли». Опубликовано в сборнике Алексея Решетова «Не плачьте обо мне», изданном по инициативе В.П.Астафьева в серии «Поэты свинцового века» (Красноярск, 1999).

Стихотворения 1988—2002

«Побелели виски, потускнели глаза...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Десятки лет прошёл я вспять...». Впервые «Вечерняя Пермь», 13 сентября 1988. Кн. «Станция Жизнь».

«Бывают такие деревья...». Впервые — сб. «Пульс», 1989. Кн. «Станция Жизнь».

«За долгий век...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«У земли иного нету лика...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Уйду без страха и сомненья...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Всё равно я тебя потеряю...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ты вернёшься ко мне или нет...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Не в барской столичной квартире...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Ты прекраснее всех, ты добра и нежна...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Мне казалось, что мы по святому велению...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Я люблю тебя, а ты...». Впервые — «Юность», 1989, № 9. Кн. «Овен».

«Мне снится сон: отец приходит...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Зачем замёрз ручей...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Вот и жизнь моя прошла...». Впервые — «Мазетро», Пермь, № 2, 30 янв. 1996. В публикации четыре текста помещены в том же порядке, но разделены звёздочками.

«Собрать бы последние силы...». Впервые — «Юность», 1989, № 9. Кн. «Станция Жизнь».

Владимир Даль. Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. Кн. «Иная речь».

«Родная речь, прямая речь...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990 (посвящение В. Радкевичу, в подборке стихов за 1991 г. «Голос литератора» также посвящение В. Радкевичу). «Новый мир», № 5, 1991 (с названием «Иная речь»). Кн. «Иная речь».

«Когда я во Храме стою у порога...». Впервые — кн. «Иная речь».

Два стихотворения. Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь».

«Я пил вино, как некий Бахус...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. Кн. «Овен».

«Ни чёрных «марусь» у подъездов...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. Кн. «Иная речь».

«Зачем свои плечи, зачем свои ножки...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Тихая ночь на земле государит...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Тошно мне, чуть ли с ума не схожу...». Впервые — кн. «Станция Жизнь».

«Что человек? Ни зверь, ни птица...». Впервые — «Уральский следопыт», № 10, 1993. Кн. «Иная речь».

«Судьба души моей сурова...». Впервые — «Звезда», Пермь, 18 сент. 1991. Кн. «Не плачьте обо мне». Вариант 4-й строки:

*Угрозой скорого, земного,
Отнюдь не Божьего суда.*

«— Что ты плачешь, птица Сирин...». Впервые — «Звезда», № 4, ноябрь 1991.

«Дайте луковку и хлеба...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. «Москва», № 8, 1991. Кн. «Иная речь». Посвящение — поэту Анатолию Гребневу.

«Опадают последние листья...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. «Урал», № 10 — 1993. Кн. «Иная речь». Варианты:

2-я строка:

Не узнать сиротливой земли.

2-я и 3-я строки:

Облака тяжелее земли.

Поздней ночью, когда я молился,

6-я строка:

Всё промёрзнет, всё станет бело.

7-я и 8-я строки:

И никто не споёт в утешенье,

И могилу копать тяжело.

«Как я в детстве любил...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. Кн. «Иная речь».

«Всю ночь за коммунальной стеной...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь».

«Я писал кровавыми слезами...». Впервые — «Уральский следопыт», № 10, 1993. Кн. «Иная речь».

«В двадцатом беспощадном веке...». Впервые — кн. «Овен».

«Скажите, правители наши...». Впервые — «Звезда», 16 января 1992. Кн. «Овен».

«Тропки тоненькая нитка...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. Кн. «Овен».

Душа. Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Овен».

«Один лишь полуночный ветер...». Впервые — «Голос литератора», 1991. Кн. «Не плачьте обо мне». В книге «Тёмные светлы» — с названием «Старик», где неверно проставлен год — 1997. В черновиках есть также названия «Свеча» и «Промысел». Варианты:

2-я строка:

Ветвями стучится к нему

4-я строка:

Старик-холостяк? Никому!

6-я строка:

Не светится — только коптит.

Следующие четыре строчки в книге отсутствуют:

Скребутся голодные мыши,

Как будто бы кто-то пером

Свои невесёлые мысли

Решил записать перед сном.

«На орудийном лафете...». Впервые — «Путь Ильича», Кишерт, 17 июня 1986 (с названием «Диалог»). Кн. «Иная речь».

«Когда остаётся немного...». Впервые — «Москва», № 8, 1991.

«Любимая! Что ты наделала...». Впервые — «Звезда», 16 января 1991. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь». Варианты:

2-я строка:

Коль вместе нам быть не судьба

6-я и 7-я строки:

Зачем ты такая красивая

Как будто из сказок и снов.

9—12 строки:

Как мы стояли с тобой на лугу,

Крепко обнявшись, как дети.

Этого я позабыть не смогу,

Сколько бы не жил на свете.

«Опять чудит, ликует...». Впервые — «Звезда», Пермь, 22 дек. 1993. Варианты:

Звук поцелуев и щелчков

Копирует капель.

Ни стуж, ни хмурых облаков —

Февраль или апрель?

*Ворону кормит ворон:
Проснётся — и в полёт.
И жадина, и вор он,
А пищу — ей даёт.*

*Вороне в клюве ворон
Приносит червячков.
И жадина, и вор он,
Но ведь у них любовь!*

«Ушла, не пощадила...». Впервые — «Звезда» № 4, 1991. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь».

«Печаль души моей безмерна...». Впервые — «Мотовилихинский рабочий», № 23, 2 июля 1993. Кн. «Иная речь». Варианты:

1

Жизнь быстротечна.

И безмерна

Печаль от прожитого дня.

Но мать — сыра земля бессмертна,

И это радует меня.

2

Печаль души моей безмерна.

Быть может, жить не больше дня.

«Как все беды навалятся разом...». Впервые — «Мотовилихинский рабочий», № 23, 2 июля 1993. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь».

«Ах, золотые одуванчики...». Впервые — «Москва», № 8 — 1991. Кн. «Овен».

«Мы волки, мы серая масть...». Впервые — «Мотовилихинский рабочий», № 23, 2 июля 1993. «Урал», № 10 — 1993. Кн. «Иная речь».

«Опять гудёт и стонет в колодезях вода...». Впервые — «Звезда», № 4, 1991. Кн. «Иная речь».

«Я убит двойником в беспощадном бою...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. «Новый мир», № 5, 1991. Кн. «Иная речь».

«Мне завтра рано надо было в путь...». Впервые — «Мотовилихинский рабочий», № 23, 2 июля 1993. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь». Вариант 2-й, 3-й и 4-й строк:

*Но всё бывшее встало пред глазами.
И долго-долго я не мог уснуть —
И лёг и встал с горячими слезами.*

«Случалось ли вам на опушке...». Впервые — «Звезда», № 4, 1991. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь». Варианты 2-й и 3-й строк:

*Безвозгласной чащи лесной
Внимать одинокой кукушке*

*Вы слышали в чаще тенистой:
— «Ку-ку»? — и опять тишина.*

*Слыхали в безмолвье тенистом:
— «Ку-ку»? — и опять тишина
Кукушка не вещая птица,
А мать-одиночка она.*

«Тяжко на Руси пенсионерам...». Впервые — «Урал», № 10, 1993 г. Кн. «Иная речь». Варианты: 3-я и 4-я строки:

*Пропустить бы рюмочку мадеры,
Да куда там, нету и на квас.*
6-я строка:
Но и это горе — не беда.

Варианты:

*Умирать не надо торопиться,
Умереть не поздно никогда.
Лучше хорошенько помолиться
И уснуть на старых тюфяках,
И присниться красная девица
С полным мёда ковшиком в руках.*

Убранное окончание:

*Ляжем спать, пусть каждому приснится
На дырявых наших тюфяках
Сказочная красная девица
С полным мёда ковшиком в руках
(С мёдом или хлебушком в руках)*

«Ничего предсказывать не надо...». Впервые — «Звезда», № 4, 1991. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь». Посвящение — поэту Якову Андрееву.

«О, суровая зима...» Впервые — «Новый мир», № 5, 1991. Кн. «Иная речь».

«Куда кавалеры глядели...». Впервые — «Урал», № 10 — 1993. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Не дари мне в день ангела книжки...». Впервые — «Мотовилихинский рабочий», № 23, 2 июля 1993. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь». (В рукописи — с названием «Тихое слово» — 20 октября 1992 г.).

«Дерево возле пивного ларька...». Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Иная речь».

«Три ветки осенней рябины...». Впервые — «Звезда», Пермь, 7 декабря 1990. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь».

«Первый снег, первый снег на дворе...». Впервые — «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь». Варианты 3-й строки:

*Вот опять приближают нас к чуду
Вновь и вновь обращают нас к чуду*

«Душа — и субстанция вроде...». Впервые — кн. «Иная речь». Варианты:

*Душа — субстанция, конечно,
Но если глубже понимать,
Она для плоти нашей грешной
И рассудительная мать.*

*Ей утомляться не пристало,
Когда повсюду кавардак.*

*И вновь она взмывается
Под солнышко, в зенит,
Иначе разбивается
О гибельный гранит.*

*Спешите добрым словом
И дружеской рукой
На поприще суровом
Доставить ей покой.*

«Доживаю последние годы...». Впервые — «Мотовилихинский рабочий», № 23, 2 июля 1993. «Урал», № 10, 1993. Кн. «Иная речь». Вариант 2-й строки:

Хорошо бы во сне умереть.

«Власть настоящая — Всевышняя...». Впервые — кн. «Овен».

«Мы с тобой — огонь и лёд...». Впервые — кн. «Овен».

«Я прежде не думал, однако...». Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь». Варианты:

3-я и 4-я строки:

*Что будет слепая дворняга
Меня от тоски врачевать.*

5-я строка:

*Прижмётся доверчивым боком,
Прижмётся ко мне она боком,
Посмотрит слепыми глазами,*

7-я строка:

Забутый друзьями и Богом,

«Куда, куда ты, время быстрое...». Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь». Варианты 7-й и 8-й строк:

*Деревьям тоже счастья хочется,
Его не вдоволь и у них.
(Оно не вечно и у них)...*

15—16 марта 1991 (в первом варианте).

Голубые цветы. Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Иная речь». Варианты 2-й, 3-й и 4-й строк:

*Где несчастные тянут свой срок,
В прикладбищенском мирном овраге
За цветком зацветает цветок.*

3 оя. Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь».

«Живём, постоянно вздыхая...». Впервые — кн. «Иная речь».

«Звенят снегири на опушке...». Впервые — кн. «Иная речь».

«Раздвигается валежник...». Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. (С названием «Подснежник»). Кн. «Иная речь».

«У нас не людские замашки...». Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь».

«Зачем, поэт, словарь толковый...». Впервые — кн. «Иная речь». Посвящение — поэту Герману Иванову.

Слово. Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь».

«Опять я взялся за порядок...». Впервые — «Звезда», Пермь, 22 дек. 1993.

Гёте. Впервые — кн. «Иная речь».

«Побывал на своём пепелище...». Впервые — кн. «Иная речь».

«Вертикальная звёздная даль...». Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993. «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь».

Кликуны. Впервые — «Звезда», 22 декабря 1993 (первый вариант). «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Иная речь». (В книге «Тёмные светлы» дата 1995). Варианты — 2-я, исключённая позже, строфа:

*У них гордые шеи прямые,
У них крылья не дрябнут в пути.
Я в далёкой пражизни впервые
Их встречал, но не помню почти.*

9-я строка:

Здесь безвинные люди сидели,

12-я строка:

Ни собак, ни охранников здесь...

Никого, только лебеди здесь!

Я один поминаю их здесь.

18-я строка:

Что и люди в родимой стране.

Что и люди, — порядки одни.

«Отрадная ранняя осень...». Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Овен».

«Скажите мне, добрые люди...». Впервые — «Вечерняя Пермь», 8 февраля 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Редко бываем мы вместе...». Впервые — кн. «Овен». Варианты:

1-я и 2-я строки:

Редко мы сходимся вместе,

Сломлены, смяты судьбой.

5-я строка:

Значит, и детушек нет

6-я — 10-я строки:

Города общего нет.

Будто бы мы не знакомы,

Будто бы с разных планет.

Шлём лишь друг другу приветы,

Нет, чтоб сидеть, говорить,

«Не могу без тебя ни мгновенья...». Впервые — кн. «Овен». Вариант 3-й и 4-й строк:

Если слышу загробное пенье

Вместо шелеста вешней листвы.

«Ты замочек, я ключик...». Впервые — кн. «Овен».

Эпитафия. Впервые — кн. «Овен».

«О чём-то плачет, причитает...». Впервые — «Вечерняя Пермь», 14 ноября 1996.

12

«Не будь в природе яблок наливных...».
Впервые — кн. «Овен».

Русалка. Впервые — «Звезда», Пермь, 15 марта 1996.

Варианты:

*Скорей отнеси меня в ванну,
А то я совсем пропаду.
Я больше к тебе не пристану —
Чуть-чуть отдохну и уйду.*

*Ты «Майскую ночь» не читала,
Я Гоголя с детства люблю.*

*А волосы шёлковым блеском
Бегут по спине и плечам.
Когда вы их гладите, с треском
Рождаются искорки там.*

*И пряча каракули ссадин,
Прибавивших жалости мне,
Волос шелковистые пряди
Бегут по плечам и спине.*

*Нельзя же летом и зимою
Ходить по свету нагишом,
Пусть всё дозволено со мною,
Сама подумай хорошо*

*Сказала мне нагая правда:
— Пошёл ты вон.
Я думала, живу у брата,
А ты трусливый хамельон.*

*С той самой поры коротаю
С ней вместе я все вечера
И, если попросит, читаю
Ей сказки — она, как сестра.
(Ей сказки почти до утра.)*

*Я счастлив, что есть она рядом.
Мы пьём с ней и пиво, и квас.
Не верите? Ну и не надо.
Плевать мы хотели на вас.*

«Хорошо бы детишки...». Впервые — «Звезда»,
Пермь, 15 марта 1996.

Жизуха. Впервые — «Звезда», 15 марта 1996. Кн.
«Не плачьте обо мне». Варианты:

1

*Плохая нам досталась жизуха
Куда ни посмотришь,
Везде показуха.
За что ни возьмёшься —
Тебе не везёт.
И зубы скрипят
Как на вохре кирзуха.*

2

*Как прошла
 моя жизуха?
Детский дом,
 потом фэзуха.
Показуха,
 невезуха,
Вохры грубая кирзуха
И, как следствие,
 шизуха.*

Диалог с родной матушкой. Впервые — «День
поэзии» (Москва, «Вече»), 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».
Варианты 4-й, выпущенной в стихотворении, строфы:

1

*Ты лучший возраст пропустил,
Ты не создал семью,
Ты жизнь мою укоротил,
Так не губи свою.*

2

*Ты лучший возраст пропустил,
И службу, и семью*

*Ты жизнь мою укоротил
И отравил свою.*

Песня водителя «воронка». Впервые — «Звезда», 15 марта 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

Пистолет «ЧЧ». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Не хочу обидеть облака...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Я поэт, я не гнусный обманщик...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Скоро третье апреля...». Впервые — «Звезда», 15 марта 1996. «День поэзии», Москва, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». Варианты:

5-я — 8-я строки:

*Как старинные книги
Наши лица желты.
Уж не лица, а лики.
Уж не пальцы — персты.*

7-я и 8-я строки:

*Где посмертно пылится
Позабытый язык.*

9-я и 10-я строки:

*И не делали дела,
И живём без гроша.*

Окончание:

*До какого предела
Жить, прохожих смешая?
Всё прозрачнее тело,
Всё заметней душа.*

Заповедь. Впервые — «Звезда», 15 марта 1996. «День поэзии», 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». (Первое название — «Завещание»). Перечисляются: Павел Петухов, Юрий Марков, Константин Шестаков, Владимир Михайлюк, Надежда Гашева, Ирина Христолюбова. Варианты:

11-я строка:

И простой, восьмиконечный

с 13-й строки до конца:

*И, усевшись тесным кругом,
Осушайте пузырьки,
И читайте друг за другом
Подходящие стихи.
Ну а тот, кто лучше пишет,
Этот гений и пророк,
Пусть не взыщет, не освищет
Наших выстраданных строк.*

Россия. Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. «День поэзии», 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». Посвящение Игорю Александровичу Неверову — большому другу семьи (проживал в Березниках).

«Здравствуй, здравствуй, день осенний...». Впервые — «Вечерняя Пермь» 14 ноября 1996. «Урал», 1997, № 3. Кн. «Не плачьте обо мне».

Женский портрет. Впервые — «Урал», № 3, 1997. Кн. «Не плачьте обо мне» (13/11 — 96 г.). Варианты:

2-я строка:

Чередую табак и вино:

5-я строка:

*Блещут волосы каменным углем
(Брови — словно прочерчены углем)*

«Только чёрные шпалы да рельсы...». Впервые — «Урал», 1997, № 3. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Птицы не плачут уже, как зимой, а смеются...». Впервые — «Урал», № 3, 1997. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Едет собака в трамвае куда-то...». Впервые — «Вечерняя Пермь», 14 ноября 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

Гражданка N. Впервые — «Вечерняя Пермь», 8 февраля 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Взял я старую холстину...». Впервые — «Вечерняя Пермь», 14 ноября 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Лежит солдат на поле боя...». Впервые — «Вечерняя Пермь», 14 ноября 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Пожалуй, эта красота...». Впервые — «Воин России», № 11, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Ты даришь мне больше, чем счастье...». Впервые — «Вечерняя Пермь», 14 ноября 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Пора бы смиренно и чинно...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Ночь. Бессонница. Обида...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Соловей заливаётся, свищет...». Впервые — «Березниковский рабочий», 22 октября 1996. Кн. «Не плачьте обо мне».

«На глазах у меня умирала...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«О, как сурова жизнь и коротка...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Мы бомжи от поэзии, мы шваль...». Впервые — «Березниковский рабочий», 22 октября 1996. Кн. «Не плачьте обо мне». Посвящение — памяти поэта Н.Ф.Домовитова.

«Художник может и не рисовать...». Впервые — «Уральский следопыт», № 11—12, 1997. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Всю жизнь мы шли по замкнутому кругу...». Впервые — «Уральский следопыт», № 11—12, 1997. Кн. «Не плачьте обо мне». Варианты:

1-я строка:

Мы долго шли по замкнутому кругу,

3-я строка:

Мы тяжкий крест свой на себе несли.

ззковский несли

в самих себе несли

Разрыв. Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Тёмные светы». С 5-й строки 1-й вариант:

Хоть заморский штоф поставишь,

Хоть судом начнёшь грозить —

Не прикажешь, не заставишь

Пред тобою лебезить.

*Хоть под мышками намажешь
Чёрной жижей кабарги,
Ты ко мне в постель не ляжешь,
Потому что мы — враги.
Да, я только жалкий Овен,
Не Стрелец, не Козерог,
Но зато мой путь бескровен —
Не убийца — видит Бог.
Лучше уж пеньковый галстук
Затянув узлом тугим
Прохрипеть: — Довольно, баста, —
Чем делить тебя с другим.*

Вариант окончания:

*Лучше смерти молвить:
— Здравствуй, —
Чем делить тебя с другим.*

«Недавно мне голос был вещий...». Впервые
— «Уральский следопыт», № 11—12, 1997. Кн. «Овен».

Страх. Впервые — «Вечерняя Пермь», 8 февраля 1996.
кн. «Овен». Первоначальные варианты:

*Ах, фронтовые небылицы,
Слепой фантазии разбег.
Я знаю — смерти не боится
Лишь ненормальный человек.*

5-я строка:

Да, подлый страх он превозможет

9—12 строки:

*Он знает — да, он будет прахом,
Он знает — да, он обречён,
И поднимается над страхом —
Вот в этом подвиг заключён.*

Ныроблаг. Впервые — кн. «Овен».

«Товарищ писатель, скажите...». В окончат.
виде 24 дек. 1996 г. — кн. «Овен». В варианте из чернови-
ка — название «Вопросы из зала»:

*Товарищ писатель, простите,
А вы за рубеж не хотите?*

Скажите, а вы не можете
Писать как Есенин и Гёте?

Товарищ писатель, скажите,
Зачем «за бугор» вы хотите?

«Мисс Россия». Впервые — кн. «Овен».

«Не плачьте обо мне...». «Уральский следопыт»
11—12, 1997. Кн. «Не плачьте обо мне». Посвящение —
писателю Виктору Астафьеву.

«Ночь темнее копирки...». Впервые — «Звезда»,
Пермь, 7 декабря 1990. Кн. «Не плачьте обо мне».

Майоль. Впервые — «Звезда», 15 марта 1996. Кн.
«Не плачьте обо мне».

«Люди, помыслы их и дела...». Впервые — кн.
«Не плачьте обо мне».

«Вновь с небес, из Божьих век...». Впервые
— кн. «Не плачьте обо мне».

«Вчера ты меня полюбила...». Впервые —
«День поэзии», Москва, «Вече», 1999. «Воин России», № 11,
1999. Кн. «Не плачьте обо мне». 1-й вариант начала:

*Вчера ты меня полюбила,
Вчера ты со мною была —
Какая небесная сила
Нам это свиданье дала?*

«Как мне легко, когда ты возле...». «Звезда»,
15 марта 1996. Кн. «Не плачьте обо мне». Посвяще-
ние — супруге Т.П.Катаевой.

«Не ровен час: ты вдруг устанешь...». Впер-
вые — «Вечерняя Пермь», 8 февраля 1996. Кн. «Не плачьте
обо мне». Начальные варианты:

*Не ровен час. А вдруг устанешь
Ты от моих забав-проказ,
И проклянёшь, и перестанешь
Любить, жалеть... не ровен час.
Не ровен час: а вдруг устанешь
Ты от моих дешёвых фраз
И незаметно перестанешь
Жалеть, прощать... Не ровен час.*

*Нет, ты ничуть не изменилась,
Нет неурядиц промеж нас,
И солнце наше не затмилось...
Откуда ж оторопь взялась?*

Музыка. Впервые — «Вечерняя Пермь», 8 февраля 1996. «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». Варианты 5—6-й строк:

1

*Да, конечно, это скверно —
Обо всем судить спеша,*

2

*Мы с тобою жили скверно,
Свой кусок урвать спеша.*

3

*(Нас с тобой учили скверно —
Мы не знаем ни шиша).*

«Жду тебя, а ты нейдёшь...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Замечали: летним днём...». Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Не плачьте обо мне». Вариант 3-й строки:

Но разъять полночный мрак...

«Зачем всю ночь я не гашу огня...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне». (В книге «Тёмные свет», дата 1997 г.). Вариант 3-й строки:

И чёрной кровью белый лист мараю.

«Из-под земли тебя достану...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

Колыбельная. Впервые — «Уральский следопыт», № 11—12, 1997. Кн. «Не плачьте обо мне». (Написано в 1996 г.). 1-й вариант:

*Спит подсолнух в огороде,
В синем море — кит.
И сознание в народе
Тоже вроде спит.*

*Раз легла жена Тамара
Личиком к стене,
Значит, полземного шара
Замерло во сне.*

*«Мчатся тучи, вьются тучи» —
Жалко, что не я
Сочинил сей стих певучий,
Где уж нам, друзья.*

*Ах, зачем я размечтался?
Сколько зим и лет
Я, как маятник, метался —
Где мой добрый след?*

*Только зря один приятель
Брешет обо мне,
Дескать, я от водки спятил —
Я в своем уме.*

*Я уверен, скоро утро
К нам придет, как друг,
И народ светло и мудро
Поглядит вокруг.*

8-я строка:

Ищет отдыха во сне.

Последняя строфа:

*Спи, писака, скоро утро,
Как сама судьба,
Неприветливо и мудро
Глянет на тебя.*

«Если бы читатели сказали...». Впервые — «День поэзии» (Москва, «Вече») 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Когда в тупик упрётся даль...». Впервые — «Уральский следопыт», № 11—12, 1997. Кн. «Тёмные светые». Посвящение — Ю.Маркову, березниковскому поэту, другу. 1-й вариант:

*Когда в тупик
упёрлась даль,
И белый свет
сошёлся клином,
Помилуй, Господи,
прости нам
Сиюминутную печаль.*

Из детства. Впервые — «Голос литератора», № 5, 1992. «Воин России», № 11, 2000. (В публикациях — название «Слабак»). Кн. «Тёмные светы». Вариант 2-й и 3-й строк:

*Я кошек любил, как собак,
За это большие ребята.*

«Умерла собачка Джуля...». Впервые — «Урал», № 8—9, 1994. Кн. «Овен». Баба Фая — тёща автора Ф.А.Катаева.

Человек из пластилина. Впервые — кн. «Овен».

«Если жизнь имеет продолжение...». Впервые — «Урал», 1999, № 6. Кн. «Станция Жизнь». Вариант 4-й строки:

Вновь смиренно сгорблюсь над строкой.

«Не надо полагаться на себя...». Впервые — «Звезда», Пермь, 30 мая 1998.

«Всё меньше друзей остаётся...». Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Иду по кромке ада...». Впервые — кн. «Овен».

Прощание с веком. Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Леса таинственны и строги...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Мы собирали чернику в бидоны...». Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». Вариант 9-й и 10-й строк:

*Мы опешили, остолбенели,
И куда в себя не пришли*

«Избавилась Россия от тиранов...». Впервые — «Березниковский рабочий», 28 февраля 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». Варианты окончания:

*Нам, страждущим, кремлёвская звезда
Не приносила счастья никогда.*

*Ты куда меня, звезда, завела?
А моею ли звездой ты была?*

«Человек повесился на кухне...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Не осуждай того...». Впервые — «Березниковский рабочий», № 36, 1999 (с названием «Наставление»). Кн. «Не плачьте обо мне».

«Молодость вторая или старость...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Я вспомнил шишкинские сосны...». Впервые — «Урал», № 6, 1999.

«Ужели в нашей жизни краткой...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

Живопись. Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне». Варианты второго стихотворения:

*Над садами над зелёными,
Над железным морем крыш
В небесах летят влюблённые
Из-под Витебска в Париж
На чердаке,
.....
Похрустят сухой баранкою*

«Да, действительно, старость — не радость...». Впервые — «Березниковский рабочий», 23 февраля 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Не время ещё ужасаться...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Кто слышал это грозное эхо...». Впервые — «Березниковский рабочий», 23 февраля 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Я умер и в землю сырую зарыт...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне». Варианты:

1—5-й строки:

*Я умер, я в землю сырую зарыт,
Завяли, засохли венки,
Но сразу друзьями не буду забыт.
Я много оставил еды и вина
В преддверии вечного сна*

Последняя строфа:

1

*Оставил вдову с невеселым лицом
С обручальным кольцом
Смотрите, друзья — берегите её
Сокровище самое моё!*

2

*Ещё я на вас оставляю вдову —
В неведомый мир за собой не зову.
Любите её, берегите её,
Как душу, как сердце второе моё.*

«Как же мне не полюбить жизни...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Скользим ли мы по наледи...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. «Тёмные светы».

«То ли ещё будет там, в туманной мгле...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Когда уйду по оклику Всевластной...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

Стихи о любви. Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Если бы не было вас на земле...» Впервые — «Воин России», № 11, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

Вариант начала 6-й строки:

Чёрных волос

Вариант окончания:

*Если бы не было вас на земле,
Я и при солнечном бешеном жаре
.....
И о прозреньи молился во мгле.*

«Батюшки-светы! Смотри кто явился...». Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Бедные люди — всё те же они...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне». В сборниках — вариант начала: «Бедные люди, откуда они...». Здесь дан уточнённый текст.

«Во Владивостоке вы бывали...». Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

Оле. Впервые — кн. «Не плачьте обо мне». Оля — Антипова Ольга Беталовна — племянница А. Р.

«Что смерти и сильнее, и страшней...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«О, эта музыка! О, эта ночь...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Ослеплённый твоей красотой...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Ты женщина, а я мужчина...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. — «Не плачьте обо мне».

«В то время, когда я был жалок и мал...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Всё, что случится мне впредь написать...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Лёд тронулся, ликующих богов...». Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Сбросили снежные шапки дома...». Впервые — кн. «Овен».

«Всюду снег ещё и лёд...». Впервые — кн. «Овен».

«Пришла весна! Пришла весна...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

Белая ночь. Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Синий-синий колокольчик...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Солнечные зайчики на траве лежат...». Впервые — кн. «Овен».

«Тянусь к твоей фигурке бесподобной...». Впервые — кн. «Овен».

«Представляю, как в яростном мире...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Бреду до лавочки бульвара...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Я вряд ли смогу измениться...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Любимая, зачем весь день...». Впервые — Урал», № 6, 1999. «Воин России», № 11, 2000. Кн. «Овен».

«Я без тебя заливаюсь слезами...». Впервые — «Урал», № 6, 1999. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Как стихи, вы спросили, писать...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. «Не плачьте обо мне».

Сверчок. Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Было время — люди мёрли...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Тёмные светы». Вариант окончания:

*Ах, и около параша,
Только шум и топот стих,
Умудрялись предки наши
Вспомнить лермонтовский стих.*

«Всего-то навсего лесок...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Тёмные светы».

«Друг работал в кочегарке...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. «Урал», 1999, № 6. Кн. «Тёмные светы. Прототип — Николай Бурашников, пермский поэт. Варианты: 1-я строфа:

*Друг работал в кочегарке,
Копоть чёрную глотал,
Чтобы в топках пламень яркий
Постоянно клокотал.
Друг работал в кочегарке,
Копоть чёрную глотал
И, притом, стихи Петрарки
Псу бездомному читал.*

*Друг работал в кочегарке,
Уголь в печь всю ночь метал,
Грешным делом, к винной чарке
Страсть порочную питал.*

*Хлеб и горсточку заварки
Даром Господа считал.*

*Не роптал, не причитал,
А еще стихи Петрарки
Псу бездомному читал.*

2-я строфа:

*Друг работал в кочегарке,
Нежность к девушкам питал,
У Тamarки-санитарки
Короеда воспитал.
(И ребенка воспитал)*

*Друг работал в кочегарке,
Он дышал, как в зоопарке,
Но себе и другу чарки
Наливал при этом вспень.*

3-я строфа:

*Нити разные у Парки —
Есть короче, есть длинней.
Тот, кто робит в кочегарке,
Не протянет лишних дней.*

*Друг работал в кочегарке,
В ней и жил, и умер в ней.
Нити разные у Парки —
Есть короче, есть длинней.*

«Не гони меня с этого света, судьба...». Впервые — кн. «Не плачьте обо мне».

«Какие мы странные люди...». Впервые — «Звезда», 30 мая 1998. Кн. «Не плачьте обо мне».

«Давайте радостней смотреть...». Впервые — кн. Тёмные светы».

«Здесь, на земле, и слёз, и боли...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

Тёмные светы. Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Тёмные светы» (1996—1999 гг.). Варианты:

2-я, 3-я, 4-я строки:

*Тусклые краски предзимнего дня
Старое чувство ущербной свободы
Вновь пробудили в душе у меня.*

4-я строка:

Вновь вызывают в душе у меня.

Строки с 5-й по 8-ю, не включённые в издание:

*Всё-то мне кажется, будто я лишний,
Будто чужой небесам и земле,
Будто бы пламени так и не вышло
Из уголька золотого в золе.*

«Старею, брат, старею...». Впервые — «Воин России», 1999, № 11. Кн. «Тёмные светы» (с ошибочной датой — 2000).

«Побелели на холоде...». Впервые — «Воин России», № 11, 2000. Посвящение — писательнице Марии Семёновне Корякиной-Астафьевой.

«За окнами снег серебрист...». Впервые — «Воин России», 1999, № 11.

«Постоянно у вороны...». Впервые — кн. «Овен».

«Порой мне кажется, что мама...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. «Воин России», № 11, 2000. Кн. «Тёмные светы».

«Кем я был до появления...». Впервые — кн. «Овен».

«Хлеб молоком запиваю...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Овен».

«Бабочка петь не умеет...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Овен». Варианты:

*Бабочка петь не умеет,
Только летает она
(или же нам не слышна)*

«Быть может, «поехала крыша»...». Впервые — кн. «Овен».

«Не хочу, чтоб жизнь закончилась...». Впервые — кн. «Овен».

«По звёздному поясу — Овен...». Впервые — кн. «Овен».

«Есть чернила, есть бумага...». Впервые — кн. «Овен».

«Хранительница очага...». Впервые — кн. «Овен».

«Как у нас, в миру лесном...». Впервые — кн. «Овен».

«Безволосый и беззубый...». Впервые — кн. «Овен».

«Новый век ещё щенок...». Впервые — кн. «Овен».

«Всё вокруг зацвело, заблестало...». Впервые — «Урал», № 1, 2001. Кн. «Овен».

«Восстание природы...». Впервые — кн. «Овен».

«Страшно в царство тишины уходить на века...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Тёмные светы».

«Ещё вчера в печали...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Так, не жена, а ждёт солдата...». Впервые — «Урал», № 1, 2001. Кн. «Овен»

«Написана книга, поставлена точка...». Посвящение — поэту Андрею Комлеву.

«Не плачь, поэзия моя...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Рвём волоса на кладбище...». Впервые — кн. «Овен».

Природа. Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Блажен, имеющий глаза...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Какая может быть любовь...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Последней спичкою в зубах не ковыряют...». Впервые — «Урал», № 6, 2000. Кн. «Тёмные светы».

Повесть. Впервые — кн. «Овен».

«Слёзы льются потоком...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Потерпи, дорогая...». Впервые — кн. «Тёмные светы».

«Мне в окошко стукнул голубь...». Впервые — кн. «Овен».

«Когда приходишь ты с мороза...». Впервые — кн. «Овен».

«Я не хочу, чтоб умирала ты...». Впервые — кн. «Овен».

«Я души в тебе не чаю...». Впервые — «Уральский следопыт», № 1, 1995. Кн. «Овен».

«Самая красивая на свете...». Впервые — кн. «Овен».

«Между пунктом А и Б...». Впервые — кн. «Овен».

«И жалкие нищие, и короли...». Впервые — кн. «Овен».

«Любовь не терпит суеты...». Впервые — кн. «Овен».

«Мы расстаёмся навсегда...». Впервые — кн. «Овен».

«Не надо спрашивать, друзья...». Впервые — кн. «Овен».

«Ничего уже не ждёшь...». Впервые — «Урал», № 1, 2001. Кн. «Овен».

«Ветер воет и рычит...». Впервые — кн. «Овен».

«Опали листья с тополей...». Впервые — кн. «Овен».

«Люблю грозу в начале мая...». Впервые — кн. «Овен».

«Снова свинцовые тучи...». Впервые — кн. «Овен».

«Ночь стоит, а я не знаю...». Впервые — кн. «Овен».

«Я словно жизнь вторую начал...». Впервые — кн. «Овен».

«Мышка-норушка-зверюшка-простушка...». Впервые — кн. «Овен».

«Прости меня, читатель милый...». Впервые — кн. «Овен». Начальный вариант:

*Прости меня, читатель милый,
Что часто я тебя стращал
Неотвратимую могилой
И очень редко утешал
Господней милостью и силой,
Природой неглумливо милой.*

*Я просто выражал беспечно,
Что, если жизнь так быстротечна,
Неповторима и конечна —
Она милее во сто крат.
Ведь сам-то безраздельно,
Всею душой приемлю
И небеса и нашу землю,
И день и ночь...*

«Есть благодать исповеданья...». Впервые — кн. «Овен».

«О, не касайтесь участием мнимым своим...». Впервые — кн. «Овен».

«Мы вчера совершили ошибку...». Впервые — кн. «Овен».

«Мы Библию редко читаем...». Впервые — кн. «Овен».

«Ты становишися всё красивее...». Впервые — кн. «Овен».

«Далёко-далёко, без шороха-звука...». Впервые — кн. «Овен».

«Я прожил нехотя, не жадно...». Впервые — кн. «Овен».

«Не представляя, как же нужно жить...». Впервые — кн. «Овен».

«Что мне блеск посмертной славы...». Впервые — кн. «Овен».

«Когда метели здесь у нас метут...». Впервые — кн. «Овен». Варианты 1-й строки:

*Когда метели на земле метут
Когда метели здесь у вас метут*

«Зачем вы так рано меня погребли...». Впервые — кн. «Овен».

«По Господней воле я не только здесь...». Впервые — кн. «Овен».

«Опустела, одичала...». Впервые — кн. «Овен».

«Я думал, уж не доживу до весны...». Впервые — кн. «Овен». Вариант:

Как мальчик и девочка,
 два ручейка
Бегут и поют в унисон
Туда, где их ждёт,
 пробудившись,
 река,
Столкнувшая лёд,
 словно гнёт.
И я растворяюсь,
 как капля,
 в воде,
Я знаю, что буду
 всегда и
 везде.

Поэмы

Хозяйка маков. Впервые — «Звезда», Пермь, 1960.
Кн. «Нежность».

Звездолубы. Впервые — «Звезда», Пермь, 30 авг.
1959 (в сокращённом виде). Кн. «Нежность». В публика-
ции — без пометок глав. Варианты из черновиков:
3—6 строки:

Над желтком его макушки
Реет
Чудо-змей из керенок и реек.
Бабке жалко керенок — ругается.

12—13 строки:

Чтоб осколки, крупные и синие,
Вместо лампы были керосиновой.

Сентиментальная история. Впервые — кн.
«Белый лист», Пермь, 1964.

Невыдуманная поэма. Была написана в 1976 г.,
когда А.Р. жил и работал в Березниках, за один вечер, а на
следующий день он её уничтожил. Частично восстано-
влена, а местами написана заново в 1988 г. Впервые — «Звез-
да», Пермь, 2 сентября 1988. Варианты из черновика:

*Рассказывать об этом тяжело:
Никто не верит — бабушкины сказки!
А я прекрасно видел НЛО —
Большое блюдо огненной окраски.
Оно летело над землёй вверх дном
И, словно солнце, скрылось за холмом...
Не чуя ног, я бросился вперёд:
Неужто это инопланетяне?
И вот опять увидел звездолёт
У маленькой речушки на поляне.
Открылся люк. И вышло из него
В сверкающем скафандре существо.
Не может быть! — мне разум говорит, —
Всё это — бред, фантастика, нелепость,
Но предо мной, теперь уже без шлема,
Космическая женщина стоит!
Едва ли я как следует сумею
Воспеть её небесные черты.
Ни в жизни, ни в картинной галерее
Я не встречал подобной красоты.
В её больших фасетчатых глазах,
 то фиолетовых,
 то серых,
То возникал, то снова исчезал
То тёплый свет, то леденящий сердце.*

1
— Как звать тебя? — она меня спросила, —
Не отвечай, я знаю всё равно.
А ты зови меня нечистой силой.
Так, кажется, у вас заведено?

3
— Кто ты такой? — она меня спросила.

— Я человек. А это всё Россия,
Земля обетованная моя.
И этот лес, и домики косые,
И этот луг, и вербы у ручья.
А видишь колокольню без креста?
Прапрадед мой, отчаянный охальник,
Взлетел с неё на крыльях из холста,
Но эта шутка кончилась печально.
А видишь у дорогиobelisk?
Здесь шли бои, и головы сложили
Солдаты наши, ты им поклонись:
Они Вселенской славы заслужили!
А тот дымок, струящийся над крышей,
Моё со старой матушкой жилище.
Бежим скорее, здесь недалеко.
Попробуешь наш хлеб и молоко.
— Ты благодарен, вижу я, судьбе,
Что человеком на земле родился?
Летим со мной, я покажу тебе
Свою звезду, чтоб очень не гордился.
И я, как мальчик, поспешил за ней.
Она вдали смеялась и светилась.
И всё-таки какая-то немилость
Чужих планет была её сильнее —
Когда она ко мне повернулась,
То не было печальней и нежней.
И мы вошли в серебряный отсек.
И прозвучало:

— Здравствуй, человек!
Ты видишь лучезарное пятно?
Там жить тебе отныне суждено.
Ты сам мечтал отринуть гнёт земли,
И мы к тебе на выручку пришли.

(— Нет, это заблуждение твоё:
Мне ненавистно инобытие!)

— Нет, — я сказал, —
кресты родных могил
Мне не забыть. На то
не хватит сил.

— Возьми с собою горсть родной земли.
Мы — здесь и там. Наш лик непознаваем.
Мы, неземляне, истину нашли,
Но до поры до времени скрываем.
Мы вечный разум, вечная душа,
Стоим над вами, тайный суд верша.
Мы дали вам грудное молоко,
И тёплый кров, и сладкий звук свирели.
Хоть сделать первый шаг и нелегко,
Но сколько оставаться в колыбели?
— Нет, не хочу в нездешние края,
Да будет гробом колыбель моя!

Ещё варианты:

1

— О, недостойный! — снова голос был,
Ты измелывал, ты сам себя сгубил.
Ты вряд ли совершенство обретёшь
Здесь, на земле, где меньших братьев жрёшь.
Как сей когда-то чистый водоём
Твой ум заглох — так много муты в нём!

2

— Ну что ж, прощай безумный человек,
Живи своим иллюзиям в угоду.
Дремли себе, не поднимая век
На истину, на высшую свободу.
Ты сам себя, несчастный, осудил
На смерть

своим земным существованием.

Вся жизнь твоя, с рожденья до седин,
Была не чем иным, как умираньем.
Всё в вашем мире призрачно и мнимо,
Всё исчезает, всё проходит мимо.
Что именем земным наречено,
Исчезнуть без следа обречено.
Вы, люди, не родные близнецы
Камней, деревьев, темноты и света.
Им ясно всё. Вам не дано ответа.
Они — провидцы.

Вы — глупцы.

Варианты:

1

*Но тут вмешалась женщина. Она
Была со мной по-прежнему нежна:
— Я не хотела прилетать сюда,
Но хочешь, я останусь навсегда?
Я перейму черты твоих подруг,
Я научусь не покладая рук
Работать, поднимаясь до утра.
Но прозвучало:*

Кончено! Пора!

2

*Но тут коснулось локтя моего
В серебряном скафандре существо.
Она сказала:
— Не печалься, брат,
Я свет и тень твоих земных утрат.
Вот ваши нивы, губы и погост,
Броди себе среди крестов и звёзд.
Читай на память даты, номера —
Пора тебе уже иль не пора?
Я не хотела прилетать сюда,
Но хочешь — я останусь навсегда?
Ведь есть на свете вечное родство,
Оно зовётся кругоестество.*

Но голос ледяный прозвучал:

*— Кто здесь на Землю
Космос променял?*

— Постой!

*Но что за истина дана
Тебе? Скажи, чтоб людям легче было.
Куда же ты?!*

*Но чёрная стена
Возникла вдруг и нас разъединила.*

*Очнулся я в больничной тишине,
Не понимая, что со мной творится.*

*Сестра питьё давала с ложки мне,
И я подумал: — Славная сестрица.
Какой-то седовласый человек
Сидел на табуретке у окошка
И всё вздыхал, что вот тебе и снег,
А у него не копана картошка.*

Колокольный глагол. Впервые — с названием «Проза в стихах» — «Пермь вечерняя», (4 мая 1989) и сб. «Пульс» (1989, Пермь). Кн. «Станция Жизнь». С названием «Колокольный глагол» — в кн. «Иная речь».

Голоса ночных незнакомцев. Впервые — кн. «Станция Жизнь».

Монолог любознательного человека. Впервые — сб. «Пульс», 1989.

Монолог зазывалы из тира. Впервые — сб. «Пульс», 1989.

Монолог меломана. 1980. Варианты:

4-я и 5-я строки:

*И Бог бессилен или слишком строг,
И злобный рок ступает на порог.*

16-я строка:

Жива одна-единственная искра!

17-я и 18-я строки:

*Чего бы дьявол не предпринимал,
Но счастье есть, хотя оно не близко.*

18-я строка:

Что счастью быть, хотя оно не близко.

Убранное окончание:

*Да, нелегко без отдыха нести
Земные скорби в бешеных потёмках,
Но мы сумеем этот мир спасти
И передать без трещины потомкам!*

Монолог Фауста. Впервые — «Литературная Россия», 7 февраля 1986 (с названием «Фауст»).

Монолог лесоруба. Впервые — кн. «Станция Жизнь». Варианты:

2-я, 3-я и 4-я строки:

Живёшь, как птица — налегке.

*Душа — как девка до замужества,
Как топорщице — по руке.*

2-я строфа:

*Завалишь в три объёма дерево,
А то и несколько подряд,
И слушаешь, как словно денежки
На ветках листья шелестят.*

3-я, убранный строфа:

*И пьёшь, и ешь, чего захочется,
Придёшь на танцы в новый клуб,
И все зовут тебя по отчеству,
Ещё бы — знатный лесоруб!*

Из неопубликованных стихов (1982—2002)

Данный раздел оформлен Андреем Комлевым для опубликования отдельной книгой под названием «Тихое слово» и сопроводён следующим предисловием «От редактора»:

«Тихое слово» – название авторское – с этим именем хотел Алексей Решетов увидеть свою книгу, которая оказалась наречена «Иная речь»...

Алексей Леонидович Решетов завершил свой земной круг 29 сентября 2002 года. Осенью 2003-го, к первой годовщине памяти поэта, вышла первая его посмертная книжка «Овен», которая составлена из стихотворений, ранее печатавшихся в периодике, но отсутствующих в прижизненных решетовских сборниках, преимущественно же из стихов последних лет по черновым записям А.Р., найденным его супругой-музой Тамарой Павловной Катаевой.

Но вот и после издательского воплощения «Овна» Тамара отыскала ещё свыше дюжины тетрадей, блокнотов и блокнотиков, также и разрозненные листки неопубликованного доселе рукописного решетовского творчества. Увы, эти обнаружившиеся тексты отсчитываются только с начала 80-х годов, всё предыдущее необнародованное оказалось уничтоженным либо бессмысленными обстоятельствами, либо и самим требовательным автором, чрезмерно, на мой взгляд, суровым к судьбе собствен-

ных сочинений (и в стихах А.Р. не раз говорит о сжигавшихся им своих письменах).

Я же, соприкоснувшись с новооткрытым благодаря Тамаре, не возымел сомнений, что преобладает в этом не «литературный архив», а сама подлинная литература.

Остается только уточнить, что за неимением проставленных дат большинство предъявляемых нами стихотворений помещено здесь в приблизительном хронологическом порядке, установлению чего содействовали и Тамирины воспоминания, и некоторые характерные признаки по обрётённым блокнотам-тетрадам.

Так образовалась эта книга.

Андрей Комлев.

Июль 2004, Екатеринбург.

После изложения всех текстов (воспроизводимых в данном разделе) следуют примечания к выборочным из них, также оформленные А.П.Комлевым.

«Даже там, где у червя...». Текст основан на реальных фактах жизни поэта — 26 лет А.Р. работал в шахте на добыче калийной соли.

Картошка. Вариант 6-й строки:

Тяжёлый, но сладостный труд:

Варианты после 8-й строки:

1

А помню, когда мы с братаном

Не бегали в школу ещё,

Картошку копала маманя,

А мы собирали её.

Со всеми врагами народа —

Отца расстреляли — и мы,

Не будь за окном огорода,

Давно бы дошли до сумы...

И вот я опять на картошке.

Да, время летит на крылах!

Недавно тут были цветочки,

И вот уже клубни с кулак.

*Ни матери рядом, ни брата,
И я уж не там и не тот,
Но жалко, как в детстве, лопатой
Случайно пораненный плод.*

2

*А помню, как в детстве бывало,
Мы в поле ходили втроём.
И мама картошку копала,
А мы собирали её.
И если картошку лопата
Разрежет, вся наша семья,
Все трое глядим виновато:
И мама, и брат мой, и я.*

«Всё-то мне кажется, будто я лишний...». Ср. с исключённой и непубликовавшейся 2-й строфой для изданного в одноимённой книге стихотворения «Тёмные светлы»:

*Всё-то мне кажется, будто я лишний,
Будто чужой небесам и земле,
Будто бы пламени так и не вышло
Из уголька золотого в золе.*

«Отворил я оконные рамы...». Связано с кончиной мамы поэта Н.В.Павчинской 12 мая 1991 г.

«Какими были мы в начале...». Варианты 2-й строки:

*Давал жевать с большой руки
Стал подавать с большой руки*

Варианты двух последних строф:

*Нас с детских лет благославляли
На жизнь затравленных зверей:
Отцов в подвалах расстреляли,
Пересажали матерей.
Мы вдоволь хлеба не поели,
Уж о вине и речи нет.
Увидим ли в конце тоннеля
Хоть слабый свет?*

*Мы хлеба вдоволь не поели,
Щенки военных лет.
Увидим ли в конце тоннеля
Заветный свет?
(волшебный).*

«Охочие до мяса и до мёда...». Возможно — для «Невыдуманной поэмы». Или самостоятельный текст. Варианты:

*Охочие до мяса и до мёда,
Вы, люди, ненасытней саранчи.
Вам нравится волшебная природа
За все её бесплатные харчи.*

*Вы, люди, своим прихотям в угоду
Бессовестно калечите природу.*

«Горят стихи моих тетрадок...». Др. вариант публиковался — «Звезда», Пермь, 22 дек. 1993; «Урал» № 9, 1994:

*Опять я взялся за порядок,
Опять я жгу свои стишки,
И дым отечества мне сладок,
И краше ягод угольки.*

«Раньше, чем в самом деле...». Вариант двух последних строф опубликован в виде самостоятельного текста — «Звезда», Пермь, 15 марта 1996:

*Хорошо бы детишки
До пятнадцати лет
Не прочли наши книжки,
Наш лирический бред.*

*Пусть балдеют от жвачки,
Запивая сидром, —
Не от ветреной прачки
С лошадиным бедром.*

«Ты один сидишь в избушке...». Вариант начала:

*Ты ушла, а я в избушке
Проклинаю белый свет.*

Иней. Вариант 5-8-й строк:

*На убогой сторожке,
На прибрежном песке,
На коровьей лепёшке,
На капустном вилке.*

«Корку знаний доедая...». Варианты 1-й строки:

*Корку жизни доедая
Корку мудрости съедая*

«Снова ветер гонит тучи...». Вариант 1-й строфы:

*Снова ветер гонит тучи
Прочь куда-то с отчих мест,
И живого солнца лучик
Бледен, будто бы мертвец.*

«Знаю, знаю, где на грядке...». Варианты во 2-й строфе:

1
*Знаю, новые тетрадки
С их пречистой белизной,
Как заснеженные грядки*

2
*Вплоть до книжной запятой —
Только вспаханные грядки*

3
В строчках с пьяной кривизной

«Не помню, какого числа...». Вариант 1-й строфы:

*Не помню какого числа,
И месяца даже не помню,
Ко мне ты однажды пришла,
Как высшая милость и помощь.*

«На тебе простое платье...». Вариант последней строки:

Наш святой и грешный храм.

«Налей мне, друг, стакан вина...». Вариант 2-й строфы:

*Ведь в каждой капельке вина,
Ведь в каждом маленьком глоточке
Всегда нам видится жена,
И сыновья, и наши дочки.*

«Кому какое дело...». Вариант 2-й строфы:

*Пускай сосед-чинуша
Не может нынче спать,
И станет жадно слушать,
Как мы трясём кровать.*

Вариант последней строки:

Рождественский мороз.

«Я не хочу с тобой расстаться...». Варианты:

3—4-я строки:

*Всему притворно улыбаться,
С ума тихонько не сойти.*

5—8-я строки:

*Какую радость избавленья,
Какой живительный сосуд
Твои короткие явленья
Мне, одержимому, несут!*

9-я строка:

Но где они? Лишь зимний ветер

«Я ждал тебя, и ты явилась...». Вариант окончания:

Что есть любовь?

Что есть участие?

Кому на свете велено, (суждено,)

Чтоб две судьбы,

чтоб два несчастья,

Как две неведомые части,

Сливались намертво в одно?

«Жила во Франции певица...». Имеется в виду Эдит Пиаф.

«Лунный свет...». Станислав Божков — погибший березниковский поэт, любимый друг А.Р.

«Умер Виктор Болотов. Признаться...». Поэт Виктор Болотов — ближайший друг А.Р.

«Кто милее всех на свете?..». Вариант последних строк:

*Что и осень, и зима,
Что она того же рода,
Что и женщина сама.*

«Что, берёза, скажешь мне?..». В черновике текст помечен цифрой 2, а под цифрой 1 значится стихотворение «В то время, когда я был жалок и мал...» (из кн. «Не плачьте обо мне»).

«Тихо-тихо на кладбище...». Начальный вариант:
*Тихо-тихо на кладбище,
Где по меточкам своим
Здесь живые мёртвых ищут,
Те, кто умер, рады им.*

«Чем закончится наша размолвка...». Наброски:

1
*Мы жили с тобою, как люди,
Желали дожить до конца.
Мы думали, что не разлюбят
Вовеки друг друга сердца.
Но солнышко стало склоняться,
Но тише запел соловей,
И стали мы вдруг сомневаться
В бескрайней любви своей.*

2

*Мы, вроде, не молодожены,
Мы прожили тысячи лет,
Но нас иногда отчужденье
Пугает, как дьявольский свет.
Зачем мы друг друга не любим
В тот час, когда надо любить.
И гробим, и топим, и губим
Чему уже больше не быть.*

«Каким же он будет, последний мой стих...». Варианты:

1

*Каким же он будет, последний мой стих?
Быть может, о людях, о нас и про них,
О солнце, о птицах, о нежных цветах,
А может, совсем не о том и не так.
Быть может, сломается мой карандаш,
И я лишь успею промолвить: шабаш.
(И губы прошепчут:*

— Всё, братцы, шабаш!)

2

*Каким же он будет, последний мой стих?
Наверно, не хуже, не лучше других.
О солнце, о птицах, о первых цветах,
А может, всё будет не то и не так:
Лишь только войду я, как юноша, в раж,
Навеки сломается мой карандаш.*

3

*Последний стих мой сил не наберёт:
Мне ангел смерти перекроет рот.
А как хотел сказать я, не греша,
Что жизнь и перед смертью хороша!*

«Дай мне руку, друг мой новый!...». Согласно записи Т.П.Катаевой, это стихотворение обращено ко мне — «Это Андрею Комлеву».

«...И я растворяюсь, как капля, в воде...». Из варианта к последнему в жизни стихотворению Алексея Решетова: «Я думал, уж не доживу до весны...» (кн. «Овен»).

СОДЕРЖАНИЕ

Звук капли. В.Астафьев	5
------------------------------	---

Стихотворения 1988—2002

«Побелели виски, потускнели глаза...»	13
«Десятки лет прошёл я вспять...»	14
«Бывают такие деревья...»	16
«За долгий век (а он таким и был)...»	17
«У земли иного нету лика...»	18
«Уйду без страха и сомненья...»	19
«Всё равно я тебя потеряю...»	20
«Ты вернёшься ко мне или нет?...»	21
«Не в барской столичной квартире...»	22
«Ты прекраснее всех, ты добра и нежна...»	23
«Мне казалось, что мы по святому велению...»	24
«Я люблю тебя, а ты...»	25
«Мне снится сон: отец приходит...»	26
«Зачем замёрз ручей?...»	27
«Вот и жизнь моя прошла...»	28
«Собрать бы последние силы...»	31
Владимир Даль	32
«Родная речь, прямая речь...»	33
«Когда я во Храме стою у порога...»	34
Два стихотворения	35
«Я пил вино, как некий Бахус...»	37
«Ни чёрных «марусь» у подъездов...»	38
«Зачем свои плечи, зачем свои ножки...»	39
«Тихая ночь на земле государит...»	40
«Тошно мне, чуть ли с ума не схожу...»	41
«Что человек? Ни зверь, ни птица...»	42
«Судьба души моей сурова...»	43

«— Что ты плачешь, птица Сирин...»	44
«Дайте луковку и хлеба...»	45
«Опадают последние листья...»	46
«Как я в детстве любил...»	47
«Всю ночь за коммунальной стеной...»	48
«Я писал кровавыми слезами...»	49
«В двадцатом беспощадном веке...»	50
«Скажите, правители наши...»	51
«Тропки тоненькая нитка...»	52
Душа	53
«Один лишь полуночный ветер...»	54
«На орудийном лафете...»	55
«Когда остаётся немного...»	56
«Любимая, что ты наделала?...»	57
«Опять чудит, ликует...»	58
«Ушла, не пощадила...»	59
«Печаль души моей безмерна...»	60
«Как все беды навалятся разом...»	61
«Ах, золотые одуванчики...»	62
«Мы волки, мы серая масть...»	63
«Опять гудёт и стонет...»	64
«Я убит двойником в беспощадном бою...»	65
«Мне завтра рано надо было в путь...»	66
«Случалось ли вам на опушке...»	67
«Тяжко на Руси пенсионерам...»	68
«Ничего предсказывать не надо...»	69
«О, суровая зима...»	70
«Куда кавалеры глядели?...»	71
«Не дари мне в день ангела книжки...»	72
«Дерево возле пивного ларька...»	73
«Три ветки осенней рябины...»	74
«Первый снег, первый снег на дворе!...»	75
«Душа — и субстанция вроде...»	76
«Доживаю последние годы...»	77
«Власть настоящая — Всевышняя...»	78
«Мы с тобой — огонь и лёд...»	79
«Я прежде не думал, однако...»	80

«Куда, куда ты, время быстрое...»	81
Голубые цветы	82
Зоя (<i>Лагерная песня</i>)	83
«Живём, постоянно вздыхая...»	85
«Звенят снегири на опушке...»	86
«Раздвигается валежник...»	87
«У нас не людские замашки...»	88
«Зачем, поэт, словарь толковый...»	89
Слово	90
«Опять я взялся за порядок...»	91
Гёте	92
«Побывал на своём пепелище...»	93
«Вертикальная звёздная даль...»	94
Кликуны	95
«Отрадная ранняя осень...»	96
«Скажите мне, добрые люди...»	97
«Редко бываем мы вместе...»	98
«Не могу без тебя ни мгновенья...»	99
«Ты замочек, я ключик...»	100
Эпитафия	101
«О чём-то плачет, причитает...»	102
«Не будь в природе яблок наливных...»	103
Русалка	104
«Хорошо бы детишки...»	106
Жизуха	107
Диалог с родной матушкой	108
Песня водителя «воронка»	109
Пистолет «ЧЧ»	110
«Не хочу обидеть облака...»	111
«Я поэт, я не гнусный обманщик...»	112
«Скоро третье апреля...»	113
Заповедь	114
Россия	115
«Здравствуй, здравствуй, день осенний...»	116
Женский портрет	117
«Только чёрные шпалы да рельсы...»	118
«Птицы не плачут уже, как зимой, а смеются...»	119

«Едет собака в трамвае куда-то...»	120
Гражданка N	121
«Взял я старую холстину...»	122
«Лежит солдат на поле боя...»	123
«Пожалуй, эта красота...»	124
«Ты даришь мне больше, чем счастье...»	125
«Пора бы смиренно и чинно...»	126
«Ночь. Бессонница. Обида...»	127
«Соловей заливаётся, свищет...»	128
«На глазах у меня умирала...»	129
«О, как сурова жизнь и коротка!...»	130
«Мы бомжи от поэзии, мы шваль...»	131
«Художник может и не рисовать...»	132
«Всю жизнь мы шли по замкнутому кругу...»	133
Разрыв	134
«Недавно мне голос был вещей...»	135
Страх	136
Ныроблаг	137
«Товарищ писатель, скажите...»	138
Мисс Россия	139
«Не плачьте обо мне...»	140
«Ночь темнее копирки...»	141
Майюль	142
«Люди, помыслы их и дела...»	143
«Вновь с небес, из Божьих век...»	144
«Вчера ты меня полюбила...»	145
«Как мне легко, когда ты возле...»	146
«Не ровен час: ты вдруг устанешь...»	147
Музыка	148
«Жду тебя, а ты нейдёшь...»	149
«Замечали: летним днём...»	150
«Зачем всю ночь я не гашу огня?...»	151
«Из-под земли тебя достану...»	152
Колыбельная	153
«Если бы читатели сказали...»	154
«Когда в тупик упрётся даль...»	155
Из детства	156

«Умерла собачка Джуля...»	157
Человек из пластилина	158
«Если жизнь имеет продолжение...»	159
«Не надо полагаться на себя...»	160
«Всё меньше друзей остаётся...»	161
«Иду по кромке ада...»	162
Прощание с веком	163
«Леса таинственны и строги...»	164
«Мы собирали чернику в бидоны...»	165
«Избавилась Россия от тиранов...»	166
«Человек повесился на кухне...»	167
«Не осуждай того...»	168
«Молодость вторая или старость?...»	169
«Я вспомнил шишкинские сосны...»	170
«Ужели в нашей жизни краткой...»	171
Живопись	172
«Да, действительно, старость — не радость...»	173
«Не время ещё ужасаться...»	174
«Кто слышал это грозное эхо...»	175
«Я умер и в землю сырую зарыт...»	176
«Как же мне не полюбить...»	177
«Скользим ли мы по наледи...»	178
«То ли ещё будет там, в туманной мгле...»	179
«Когда уйду по оклику Всевластной...»	180
Стихи о любви	181
«Если бы не было вас на земле...»	184
«Батюшки-светы! Смотри, кто явился...»	185
«Бедные люди — всё те же они...»	186
«Во Владивостоке вы бывали?...»	187
Оле	188
«Что смерти и сильнее, и страшней?...»	189
«О, эта музыка! О, эта ночь!...»	190
«Ослеплённый твоей красотой...»	191
«Ты женщина, а я мужчина...»	192
«В то время, когда я был жалок и мал...»	193
«Всё, что случится мне впредь написать...»	194
«Лёд тронулся, ликующих богов...»	195

«Сбросили снежные шапки дома...»	196
«Всюду снег ещё и лёд...»	197
«Пришла весна! Пришла весна!...»	198
Белая ночь	199
«Синий-синий колокольчик...»	200
«Солнечные зайчики на траве лежат...»	201
«Тянусь к твоей фигурке бесподобной...»	202
«Представляю, как в яростном мире...»	203
«Бреду до лавочки бульвара...»	204
«Я вряд ли смогу измениться...»	205
«Любимая, зачем весь день...»	206
«Я без тебя заливаюсь слезами...»	207
«Как стихи, вы спросили, писать...»	208
Сверчок	209
«Было время — люди мёрли...»	210
«Всего-то навсего лесок...»	211
«Друг работал в кочегарке...»	212
«Не гони меня с этого света, судьба...»	213
«Какие мы странные люди...»	214
«Давайте радостней смотреть...»	215
«Здесь, на земле, и слёз, и боли...»	216
Тёмные светлы	217
«Старею, брат, старею...»	218
«Побелели на холоде...»	219
«За окнами снег серебрист...»	220
«Постоянно у вороны...»	221
«Порой мне кажется, что мама...»	222
«Кем я был до появления...»	223
«Хлеб молоком запиваю...»	224
«Бабочка петь не умеет...»	225
«Быть может, "поехала крыша"...»	226
«Не хочу, чтоб жизнь закончилась	227
«По звёздному поясу — Овен...»	228
«Есть чернила, есть бумага...»	229
«Хранительница очага...»	230
«Как у нас, в миру лесном...»	231
«Безволосый и беззубый...»	232

«Новый век ещё ценок...»	233
«Ещё вчера в печали...»	234
«Всё вокруг зацвело, заблестало...»	235
«Восстание природы...»	236
«Страшно в царство тишины уходить навеки...»	237
«Так, не жена, а ждёт солдата...»	238
«Написана книга, поставлена точка...»	239
«Не плачь, поэзия моя...»	240
«Рвём волоса на кладбище...»	241
Природа	242
«Блажен имеющий глаза...»	243
«Какая может быть любовь...»	244
«Последней спичкою в зубах не ковыряют...»	245
Повесть	246
«Слёзы льются потоком...»	247
«Потерпи, дорогая...»	248
«Мне в окошко стукнул голубь...»	249
«Когда приходишь ты с мороза...»	250
«Я не хочу, чтоб умирала ты...»	251
«Я души в тебе не чаю...»	252
«Самая красивая на свете...»	253
«Между пунктом А и Б...»	254
«И жалкие нищие, и короли...»	255
«Любовь не терпит суеты...»	256
«Мы расстаёмся навсегда...»	257
«Не надо спрашивать, друзья...»	258
«Ничего уже не ждёшь...»	259
«Ветер воет и рычит...»	260
«Опали листья с тополей...»	261
««Люблю грозу в начале мая»...»,	262
«Снова свинцовые тучи...»	263
«Ночь стоит, а я не знаю...»	264
«Я словно жизнь вторую начал...»	265
«Мышка-норушка-зверюшка-простушка...»	266
«Прости меня, читатель милый...»	267
«Есть благодать исповеданья...»	268
«О, не касайтесь участием мнимым своим...»	269

«Мы вчера совершили ошибку...»	270
«Мы Библию редко читаем...»	271
«Ты становишься всё красивее...»	272
«Далёко-далёко, без шороха-звука...»	273
«Я прожил нехотя, не жадно...»	274
«Не представляя, как же нужно жить...»	275
«Что мне блеск посмертной славы...»	276
«Когда метели здесь у нас метут...»	277
«Зачем вы так рано меня погребли?...»	278
«По Господней воле я не только здесь...»	279
«Опустела, одичала...»	280
«Я думал, уж не доживу до весны...»	281

Поэмы

Хозяйка маков	285
Звездолюбы	290
Сентиментальная история	293
Невыдуманная поэма	298
Колокольный глагол	305
Голоса ночных незнакомцев	312
Монолог звездчёта	312
Молитва поварёнка	313
Монологи повара	313
Монолог любознательного человека	314
Монолог Фауста	315
Монолог о войне и мире	316
Монолог сказочного солдата	316
Монолог зазывалы из тира	317
Монолог лесоруба	318
Голосок из неволи	318
Монолог подсадного волка	319
Монологи стариков	319
Монолог меломана	321

**Из неопубликованных стихов
(1982-2002)**

«Мы плыли в лодке-плоскодонке...»	325
«— Что такое, — вы спросите, — счастье?...»	325
«Снится мне юное счастье во сне...»	325
«Трещат в печи дрова...»	326
«В моём окне мелькнуло платье...»	326
«Нам в детстве было очень плохо...»	327
«Даже там, где у червя...»	327
«Любите, любите, любите...»	328
«Весна, похожая на осень...»	328
«Уж красно лето за плечами...»	329
Картошка	329
«Есть ли тёмно-красное пальто...»	330
«Пусть я совсем не поэт...»	330
«Холодно. Хочется к печке...»	330
«Чем ближе смерть, тем жизнь дороже...»	330
«Не убий!..»	331
«Как я, жалкий ротозей...»	331
«Всё-то мне кажется, будто я лишний...»	331
«Если бы Богу молиться...»	331
«Допил бутылку, закурил...»	332
«Не люблю язык чесать в гостях...»	332
Житие	332
«Ура, я всё ещё живой...»	332
«Доколе я мучиться буду...»	333
«Отворил я оконные рамы...»	333
«Скажи мне, что это такое...»	333
«Какое солнце в небе ясное...»	333
«Мне снился рай и там, в раю...»	334
«Промелькнуло лето...»	334
«Любимая моя...»	334
«Сплошная ночь вокруг томится...»	334
«Мне горько жить на белом свете...»	335
«Какими были мы в начале...»	335
«Людей не надо разделять...»	336

«Представь, что не строчки...»	336
Деревянная Пермь	337
«Охочие до мяса и до мёда...»	338
«Старушка просит подаянья...»	338
«Хотелось бы не так писать уметь...»	338
«Когда ни кусочка в столовой...»	339
«Горят стихи моих тетрадок...»	339
Цена	339
«Найти бы мне корень женьшеня...»	339
«Ты — как белая овечка...»	340
«Почему мы не вдвоём...»	340
«Не знаю — себя ли жалею...»	340
«Не смею задерживать Вас...»	341
«Не по мне мировое пространство!..»	341
Пожар в зоопарке	341
«Говорят, что счастья в жизни нет...»	342
«Раньше, чем в самом деле...»	342
«Дайте мне скорей очки...»	343
«Дождь в Перми идет осенний...»	343
«И оденут меня в деревянный тулуп...»	344
«Ты один сидишь в избушке...»	344
«Я не хочу с тобой беседовать...»	345
«Тает снег на пригорках и крышах...»	345
«В пасмурном небе, как горные кручи...»	346
«На неведомой поляне...»	346
«Лето красное прошло...»	346
«Я шёл по речке — лёд был тонок...»	346
«Но если бы горя-печали...»	347
«Ни звёзд, ни солнца в небе нет...»	347
«Любимая, я так продрог...»	347
Иней	347
«Вот проснулась бабушка...»	348
«Тень моя устала за день...»	348
«После стольких потрясений...»	348
«Гаснут звёзды на заре...»	348
«Добрый вечер, жизнь моя...»	349
«Давно ли я, ребёнок малый...»	349

«Пусть тебя крысы и вши...»	350
«Корку знаний доедая...»	350
«Ночевала золотая...»	351
«Снова ветер гонит тучи...»	351
«Знаю, знаю, где на грядке...»	351
«Лист с пречистой белизной...»	352
«Когда нам расставаться...»	352
«Чего мы у Господа просим...»	352
«Воет ветер, такой одинокий...»	353
«Снег лежит ещё, не тает...»	353
«Не помню, какого числа...»	353
«На тебе простое платье...»	354
«Любовь последняя моя...»	355
«Небо в крови человека...»	355
«О, как страшно иногда...»	355
«Я боюсь, что сказать не успею...»	355
«Выпил рюмочку, другую...»	356
«Налей мне, друг, стакан вина...»	356
«Кому какое дело...»	356
«О, пустые надежды...»	357
«Мне бы лучше умереть...»	357
«Ты, уснувшая, лежала...»	357
«Я стар, я немощен, я грешен...»	358
«Что за диво — Новый год...»	358
«Шёл навстречу человек...»	358
«Имею ли я право...»	359
«В этот мир я пришёл навсегда...»	359
«Снова белые ночи...»	359
«Не так уж давно мы узнали...»	360
«Счастливая мама...»	360
«У любви у нашей срок...»	361
«Опять за окошком ненастье...»	361
«Моя суровая подруга...»	362
«Ну, улыбнись, моя хмурая женщина...»	362
«Деревья, часовенки и облака...»	362
«Там, где течёт зеркальная река...»	363
«Что за мною ты идёшь...»	363

«Пусть Вас поглотила могила...»	363
«Сегодня ночью выпал снег...»	364
«Я шёл по земле и не видел земли...»	364
«Прилетела голодная птица...»	364
«В нашей комнатке-каморке...»	364
«Я не хочу с тобой расстаться...»	365
«Что ж ты, красная девица...»	365
«Мне хочется быть тебе другом...»	366
«Сдаётся мне, что мы с тобой похожи...»	366
«Я думаю: кого ты мне напоминаешь?...»	367
«Чтобы ночью с милой лечь...»	367
«Я ждал тебя, и ты явилась...»	367
«Мне бы лучше тебя не любить...»	368
«Ты лучший человек...»	368
«Как встарь говорили, намереди...»	368
«Снова жизнь моя стала сурова...»	368
«Жила во Франции певица...»	369
«Лунный свет...»	369
«Умер Виктор Болотов...»	369
«В этой жизни заполюшной...»	369
«Не знаю, что даст ещё Боже...»	370
«Сколько лет я пытался осилить...»	370
«Эко место накосила...»	370
«Сколько лет я на родине прожил...»	371
«Кто милее всех на свете?...»	371
«Вот ты, милая, легла...»	371
«Я ещё не умер. Я успею...»	372
«Не говори, что ты меня простила...»	372
«Дорогая, навеки с тобой...»	372
«Войду в убогую избушку...»	373
«Я любил тебя нежнее...»	373
«Что, берёза, скажешь мне?...»	373
«Ты не знаешь, что такое старость...»	374
«Господи Боже, любимый наш Отче!...»	374
«Сегодня или нет...»	375
«Мы вошли в эти тесные клетки...»	375
«Что бы ни было со мною...»	376

«Там, где с тобой никогда мы и не были...»	376
«Когда цветёт миндаль...»	376
«Опять у нас метель метёт...»	377
«Всё дано мне от Господа Бога...»	377
«На кладбищенском погосте...»	377
«Тихо-тихо на кладбище...»	378
«Эта жизнь — этот сон беспробудный...»	378
«Но ты, мерзавец, врешь...»	379
«Метрах в трёх с половиной...»	379
«Набрал цветов, грибов и ягод...»	379
«Опять зима. Опять покров...»	379
«Я отчую землю...»	380
«Я жалкий Овен, ты — Весы...»	380
«А мысль одна гнетёт меня подспудно...»	380
«Чем закончится наша размолвка...»	381
«Чем закончится наша размолвка (вариант)...»	381
«Хорошая птица, как старая мать...»	381
«Осенним, безрадостным...»	382
«Ночь темна. На небосклоне...»	382
«Будто «можно» и «нельзя»...»	382
«Смакуйте прелести. Толкуйте...»	383
«Опять весна волнует кровь...»	383
«Я никогда не совпадал...»	384
«Видишь, снег уже растаял...»	384
«Я не хочу загадывать на годы...»	385
«Как быстро время пролисталось...»	385
«Я пришёл к тебе проститься...»	385
«Смерть? На что она похожа?...»	386
«Маленькая стайка...»	386
«Пушкин, Лермонтов, Есенин...»	387
«Какая здесь флора и фауна...»	387
«След на земле по себе оставляет не каждый...»	387
«В стылых лужах кривая дорога...»	388
«Вчера в одном читальном зале...»	388
«Каким же он будет, последний мой стих?...»	388
«Уже на части сердце рвётся...»	389
«Мы ещё не сломались...»	389

«Вот ты умер. Вот ты стих...»	389
«Всё, что в памяти моей...»	390
«Лужи, кто их выпорол?...»	390
«Не старайся из кожи лезть...»	390
«Ты любишь жизнь...»	391
«Вот закопчённый чайник...»	391
«Жизнь тебя не запятнала...»	391
«Где я слышал этот голос?...»	392
«Дай мне руку, друг мой новый!..»	392
«Не верьте мне, люди, не верьте...»	392
«Ночь, но мне никуда неохота...»	393
«Чуть завизжу, ещё не приникну...»	393
«Где когда-то колокольчики...»	394
«Ничего уже мне не осталось...»	394
«Жёсткое, смутное время...»	395
«Вот бабушка моя родная...»	395
«Не думал, что мать потеряю...»	395
«Медленно, будто бы в гору...»	396
«Устал я от жизни недвижимой...»	396
«Вам нравится туман...»	396
«...И я растворяюсь, как капля, в воде...»	397
Примечания	398

Решетов Алексей Леонидович

Собрание сочинений в трёх томах

Том второй

Стихотворения 1988—2002

Поэмы

Из неопубликованных стихов (1982—2002)

Редакторы-составители:

Т.П.Катаева, А.П.Комлев

Компьютерный набор: *Т.П.Катаева*

Верстка *С.И.Недви́ги*

Корректор: *Н.А.Зайцева*

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01

Подписано в печать 20.08.04. Формат 70×90^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура *Arial Cyr*. Усл. печ. л. 16,6.
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 5000 экз. Заказ № 2989.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в издательско-полиграфическом
комплексе «Звезда».

614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Банк культурной информации.

620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.

Тел./факс +7(343) 251-65-26.